

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **3** *2021*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2021

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам РАН»

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, заместитель директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (International Politics), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научный редактор: д-р полит. наук *Е.В. Бродовская*

Литературный редактор: канд. филос. наук *В.Л. Силаева*

Технический редактор: *П.С. Копылова*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.
ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2021.03.00

© «Политическая наука», научный журнал, 2021

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2021

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief** – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand.

Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION RAN (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD in political science, Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD in International Politics, Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD, Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ**

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Сморгунов Л.В.</i> Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости	13
<i>Володенков С.В., Федорченко С.Н.</i> Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации	37
<i>Сунгуров А.Ю., Аркатов Д.А.</i> Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике	54

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Туробов А.В., Миронюк М.Г.</i> Эмпирическая модель анализа динамики алгоритмизации (технологии искусственного интеллекта) в сфере обеспечения безопасности на примере США	72
<i>Бродовская Е.В., Ежов Д.А., Огнев А.С.</i> Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулуметрического анализа сетевого контента.....	112

РАКУРСЫ

<i>Домбровская А.Ю., Синяков А.В.</i> Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа.....	142
<i>Денисов А.Е.</i> Хештеги, нарративы и банальный национализм (на примере крышенского движения).....	161

КОНТЕКСТ

<i>Соловьев А.И.</i> Фронтирные зоны публичной политики	183
<i>Пинюгина Е.В.</i> Политическая идентичность и этика социальных сетей в современной Америке	205

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Корнеева Е.М.</i> Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход	229
<i>Шевченко Я.Н.</i> Цифровой суверенитет Европы в контексте политики глобального управления данными.....	251

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Коргунюк Ю.Г.</i> Бюрократия и авторитаризм: диалектика отношений (Рецензия)	271
--	-----

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE

<i>Smorgunov L.V.</i> Digitalization and network effectiveness of public governability	13
<i>Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N.</i> Subjectness of digital communication in the context of technological evolution of the Internet: features and transformation scenarios	37
<i>Sungurov A.Yu., Arkatov D.A.</i> Electronic and traditional public participation in modern public policy	54

IDEAS AND PRACTICE

<i>Turobov A.V., Mironyuk M.G.</i> Empirical model for analysis of the dynamics of algorithmization (artificial intelligence technology) in the field of security by the example of the USA	72
<i>Brodovskaya E.V., Ezhov D.A., Ognev A.S.</i> Internet communications of Russian political parties in the current election cycle: results of oculometric analysis of the network content	112

PROSPECTS

<i>Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V.</i> Opposition potential of Russians' civil participation: results of the cluster analysis	142
--	-----

<i>Denisov A.E.</i> Hashtags, narratives and banal nationalism (a case study of the Kryashens' movement)	161
---	-----

CONTEXT

<i>Solovyev A.I.</i> Frontier zones of public policy	183
<i>Pinyugina E.V.</i> Political identity and social media ethics in nowadays America	205

FIRST DEGREE

<i>Korneeva E.M.</i> Local voting in Russia: a spatial-econometric approach.....	229
<i>Shevchenko Ya.N.</i> Digital sovereignty for Europe in the context of global data governance	251

FROM THE BOOKSHELF

<i>Korgunyuk Yu.G.</i> Bureaucracy and authoritarianism: dialectics of the relationship (Review).....	271
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Настоящий номер журнала «Политическая наука» посвящен теме цифровизации политики. Изначально замысел номера строился вокруг задачи привлечь к публикации статей авторов исследований, базирующихся на новых методологических подходах и методах, позволяющих применять большие данные для моделирования и прогнозирования социально-политических процессов. Вместе с тем реальная жизнь, к счастью, интересней и многогранней, чем наши самые смелые замыслы. В представляемом номере читатель найдет и теоретические обзоры, объясняющие язык современных исследований, и результаты эмпирических изысканий, направленных на извлечение смыслов из цифровых следов, и рефлексии относительно того, как онлайн-сопровождение различных политических практик влияет на исход голосования, принятие решений и диалог между обществом и властью.

Открывает номер и рубрику «Состояние дисциплины» статья Л.В. Сморгунова «Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости». Автор акцентирует внимание на научной проблеме соотношения цифровизации и публичной управляемости, прослеживает эволюцию концепций управляемости в контексте смены поколений информационно-коммуникационных технологий. Помимо этого, в рассматриваемой работе выделены четыре модели сетевой эффективности управляемости: интерактивная, контингентная, многомерная, социально-техническая. Важным направлением исследовательского поиска является также концептуализация взаимосвязи управляемости, цифровизации и гражданского участия.

В статье С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко «Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации» цен-

тральное место принадлежит вопросам, связанным с рисками возникновения проблем определения и самоопределения субъектов коммуникативных актов в социально-политической сфере жизнедеятельности современного государства и общества. В данной работе представлен теоретический обзор научных исследований, посвященных внедрению и применению технологий искусственного интеллекта и самообучающихся нейросетей в процессах общественно-политической цифровизации.

Центральной темой статьи А.Ю. Сунгурова и Д.А. Аркатова «Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике» является соотношение электронного участия с традиционными формами общественного активизма. Авторы приходят к выводу, что важными аспектами эффективности общественного участия становятся институциональная среда, уровень низовой самоорганизации и профессионализм представителей власти, уровень доверия к ним. В свою очередь, электронное участие, по мнению исследователей, требует наличия развитой технической инфраструктуры, технической грамотности граждан и правильного дизайна.

В рубрике «Идеи и практика» представлены две статьи: А.В. Туробова, М.Г. Миронюка «Эмпирическая модель анализа динамики алгоритмизации (технологии искусственного интеллекта) в сфере обеспечения безопасности на примере США» и Е.В. Бродовской, Д.А. Ежова, А.С. Огнева «Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулуметрического анализа сетевого контента». Роднит данные работы прежде всего эмпирический характер исследований и введение в научный оборот принципиально новых методов, сформировавшихся на стыке компьютерных и гуманитарных наук. В первой работе новаторской является эмпирическая модель оценивания системы безопасности государства (на примере США). Авторы подчеркивают, что отличительной чертой модели является ее масштабируемость, которая выражается в возможности замены технологии искусственного интеллекта на любой другой тип цифровых технологий.

Эмпирическая стратегия исследования Е.В. Бродовской, Д.А. Ежова, А.С. Огнева базируется на комбинации таких методов, как SMA, айтрекинг, фокус-групповое интервью. Теоретическое значение результатов представленного исследования для развития

политической науки заключается в совершенствовании методики тестирования интернет-контента политических акторов посредством применения окулуметрии, исключающей прямой запрос информации у респондента. Реализация данной методики позволяет установить взаимосвязи между психологическими особенностями респондентов и их электоральными предпочтениями.

В рубрике «Ракурсы» у читателей журнала есть возможность познакомиться с результатами исследований А.Ю. Домбровской, А.В. Синякова «Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа» и А.Е. Денисова «Хештеги, нарративы и банальный национализм (на примере крышенского движения)». В обоих случаях точкой сборки исследовательского замысла является мобилизационный потенциал новых медиа. Первая статья рубрики репрезентирует анализ данных авторского социологического исследования, по итогам которого были выделены 12 типов гражданского участия россиян.

А.Е. Денисов основной целью своей работы определяет выявление влияния интернет-коммуникаций на развитие идентичности и национальных движений. В качестве исследовательского кейса автор использует крышенское движение. Исследователь рассматривает хештеги как инструмент этнополитической мобилизации, выделяя хештеги-идентификаторы, хештеги-переходы, хештеги-сплочение.

В рубрике «Контекст» А.И. Соловьев (название статьи «Фронтирные зоны публичной политики») отразил интеллектуальную дискуссию, возникшую в рамках современной политической науки вокруг содержательного наполнения публичной политики. Автор убедительно обосновывает то, что размывание границ публичности неизбежно придает всем ее формам и разновидностям фронтирные свойства, отражающие неопределенность статусной активности институтов и гражданских структур. Особый интерес представляет мнение А.И. Соловьева о том, что инициатором и бенефициаром получения преимуществ во фронтирной зоне публичной политики, связанной с развитием цифровых коммуникаций, остается государство.

Отказ от равноценности любой политической идентичности в социальных медиа на примере политических процессов в США рассматривается в статье Е.В. Пинюгиной «Политическая идентичность и этика социальных сетей в современной Америке».

Автор демонстрирует то, как протесты BLM стали триггером переноса сетевой этики в сферу идентичности.

Рубрика «Первая степень» традиционно наполнена работами молодых исследователей. В статье Е.М. Корнеевой «Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход» применяется нестандартный способ решения задач электро-ральных исследований. На основе реализации эконометрического подхода автор выявила важность эффекта соседства на локальном уровне голосования в современной России.

В статье Я.Н. Шевченко «Цифровой суверенитет Европы в контексте политики глобального управления данными» представлены различные точки зрения на содержательное наполнение цифрового суверенитета, проанализированы основные сложности его формирования в ЕС с предложениями конкретных мер, направленных на их преодоление.

Е.В. Бродовская

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Л.В. СМОРГУНОВ*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И СЕТЕВАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ¹

Аннотация. Технологические изменения, происходящие под флагом цифровизации, затрагивают не только сферу собственно техники. Цифровизация не является политически нейтральным процессом, простым средством повышения производительности трудовой деятельности. Она оказывает решающее влияние на все сферы жизни современного общества, создавая дополнительные условия их сетевизации. Сетевая архитектура формирующихся отношений включает в себя не только собственно социальных и политических агентов, но и сами технические объекты, которые начинают выполнять функции медиаторов во взаимодействии. Существует пессимистическое и оптимистическое направления оценок происходящих трансформаций и роли в них технического компонента. Некоторые политики и ученые говорят о новом кибернетическом тоталитаризме, другие полагают, что в современных условиях возникают не только вызовы, но и формируются перспективы более содержательного и эффективного развития. В статье акцент сделан на одном важном аспекте темы, связанном с соотношением цифровизации, ее включении в систему публичного управления и возникающих проблем публичной управляемости. Рассматриваются тенденции влияния цифровизации на публичную управляемость, анализируются четыре модели сетевой эффективности управляемости: интерактивная, контингентная, многомерная, социально-техническая. Особое внимание уделяется проблеме сотрудничества

---

* **Сморгунов Леонид Владимирович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: l.smorgunov@spbu.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

© Сморгунов Л.В., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.03.01

между органами управления и гражданами, которые обеспечивают эффективность управляемости на основе сетей совместного управления.

Ключевые слова: цифровизация; государственная управляемость; сети; сетевая эффективность; гражданское участие; совместное управление.

Для цитирования: Сморгунов Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 13–36. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.01>

Введение

Феномен управляемости тесно связан с концепцией управления, которая, несмотря на свою популярность в социальных науках, довольно размыта в предметной области. Особое значение он имеет для публичного управления, под которым понимается не только государственное управление, но также, в более широком смысле, управление процессами разработки и реализации политики – государственная и муниципальная политика, государственные дела [Rhodes, 1996; van Kersbergen, van Waarden, 2004]. Обращают на себя внимание работы, описывающие признаки государственной управляемости, возникающие на основе различных моделей государственного управления – научного управления, нового государственного менеджмента, управления публичными ценностями, сетевого управления, управления на основе сотрудничества и др. [Osborne, Gaebler, 1992; Vigoda-Gadot, 2009; Stivers, 2009; Chhotray, Stoker, 2010; Kooiman, 2003; Lynn, Robichau, 2013; Сморгунов, 2012; Swanson et al., 2014].

Ключевую роль в изучении управляемости играет развитие сетей управления и политических сетей, которые возникают в связи с распределением ресурсов, растущим влиянием негосударственных субъектов на процессы принятия решений и, как следствие, снижением роли государства как ключевого политического игрока. В этом контексте власть в новых условиях хотя и сохраняет центральную роль в процессах разработки и реализации политики, но все в большей степени выполняет функцию координации сетевых взаимодействий [Börzel, 1998; Provan, Kenis, 2007; Koliba, Meek, Zia, 2011; Klijn, Edelenbos, 2012]. В ходе развития глобализации, основанной на управлении сетями, возникает вера в возможность существования «управления без правительства» [Rosenau, Czempel, 1992; Peters, Pierre, 1998]. М. Кастельс назвал

современное общество сетевым, формирование которого связано с четвертой промышленной революцией [Schwab, 2016]. Конечно, горизонтальные связи продолжают доминировать, но они становятся менее устойчивыми. В процесс социального взаимодействия все настойчивее вмешивается цифровая технология. Отношения становятся дискретными во времени, и период их существования стремительно сокращается. Зачем извлекать выгоду из социальных или институциональных связей, если современные технологии позволяют очень быстро установить их? Кроме того, существует предел перенасыщению связей, поскольку и отдельные лица, и учреждения не могут одинаково эффективно поддерживать большое количество отношений. Проблемы управляемости в этом аспекте не носят субъективного характера, как в случае с политическим управлением, где проблемы стоят перед государством, а скорее связаны с управляемостью общества как самоорганизующейся системы. Влияние сетевых взаимодействий на основе цифровых технологий способствовало увеличению интереса исследователей к оценке действенности и эффективности сетей в различных секторах, таких как психическое здоровье [Provan, Milward, 1995], защита детей [Graddy, Chen, 2006], образование [Meier, O'Toole, 2001].) и связанные с окружающей средой проекты и политика [Verweij et al., 2013; van Bueren, Klijn, Koppenjan, 2003].

Изучение распределенных сетей (блокчейн) также способствовало формированию целого научного направления, связанного с определением социально-политической природы цифровизации [Berry, 2014; Floridi, 2015; Carolan, 2018]. До сих пор нет целостного видения природы цифровых технологий как социотехнической системы. Концепция алгоритмического государственного управления характеризуется технократической основой описания и содержит ряд противоречий в описании возможности управляемости, основанной на алгоритмах, находящихся в открытом доступе. В этой связи цифровое государственное управление требует собственного социального и политического обоснования [Соловьев, 2019; Шерстобитов, Кусик, 2018; Al-Ani, 2017; O'Reilly, 2011; Margetts, Dunleavy, 2013]¹.

---

¹ См. также: Цифровое правительство 2020: перспективы для России. – 2016. – Режим доступа: <https://pubdocs.worldbank.org/en/473131460040867925/Digital-Government-Russia-2020-RUS.pdf> (дата посещения: 06.05.2021).

Между тем социальная и политическая природа этих новых технологий не изучена. Более того, имеющиеся исследования раскрывают лишь некоторые аспекты социально-политической природы цифровых технологий и в основном носят описательный и предположительный характер. Исследования рассредоточены по разным отраслям знаний, что снижает их эффективность, учитывая гуманитарно-технический характер цифровых технологий. С этой точки зрения сформулированная тема статьи актуальна, поскольку акцентирует внимание на междисциплинарном характере изучения цифровых технологий с акцентом на сетевую эффективность управления публичными процессами. Предмет статьи и сформулированная основная научная проблема – одни из немногих, которые позволяют продемонстрировать высокий потенциал интеграционного синтеза методологии и теории как потребности в современных научных знаниях, ориентированных на целостность и сложное мышление. Научная актуальность проблемы также связана с тем фактом, что она сосредоточена на изучении центральной роли управляемости для цифровизации государственного управления, влияющей на их архитектуру, процессы и эффекты, включая их социальное и политическое выражение. Цифровые технологии порождают не только надежды, но и вызовы, а их распространение и использование в государственном управлении связано с разумными рисками. В связи с этим актуальность заявленной проблемы выражается в сочетании научных знаний с критическим мышлением, что позволяет определить пределы разумного использования цифровых технологий в интересах устойчивого и динамичного развития, а также сформулировать необходимые алгоритмы противодействия им, определить неуместность использования их в общественной сфере. Практическая значимость исследованию придается тем, что в настоящее время цифровые технологии стали обычным инструментом формирования цифровой экономики, общества и государства в России и в большинстве стран мира. Российская государственная программа «Цифровая экономика», программные документы таких международных структур, как ООН, ОЭСР, Всемирный экономический форум, Всемирный банк ориентируют современную политику устойчивого развития на перспективы четвертой технологической революции, которая началась с блокчейн-технологий. Следовательно, изучение сетевых эффектов новых цифровых форматов

публичного управления актуально с точки зрения создания научной основы для оценки и продвижения политики цифровизации в общественных сферах и координации мирового сообщества в противодействии обоснованным в связи с этим рискам. Итак, мы сформулировали следующий исследовательский вопрос: может ли управляемость быть сетевым эффектом цифровизации публичного управления?

Концепция управляемости и цифровизация

Концепции управляемости за последние три десятилетия эволюционировали под влиянием новых информационных и коммуникационных технологий. Тройственная комиссия, созданная США, Канадой и Японией в 1975 г., проблемы государственной управляемости ставила в аспекте демократического развития [Crozier, Huntington, Watanuki, 1975]. В 2008 г. Комиссия по измерению экономической результативности и социального прогресса (Комиссия Саркози) рассматривала проблемы управляемости в необходимом сочетании параметров экономического, социального и экологического устойчивого развития¹. В 2012 г. Всемирный экономический форум выделил три стороны управляемости – устойчивость, подотчетность и приспособляемость². Сегодня вопросы управляемости приобретают особое значение в связи с цифровизацией и потребностью совместного публичного управления [Schwab, 2016]. ИКТ первого, второго и третьего поколений определили управляемость государства с функциональной (электронные государственные услуги), организационной (электронное участие) и коммуникативной (мониторинг демократии) позиций. Сетевая теория государственного управления сформировала радикальную концепцию «управления без правительства». Четвертое поколение ИКТ разработало технологию распределенных баз данных (регистров), блокчейн, основанный на способности выполнять прямые транзакции между пользователями распределенных сетей на основе криптографических

---

¹ Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.P. Report by the Commission on the measurement of economic performance and social progress. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf> (accessed: 06.05.2021).

² World economic forum. Global risks 2012. – (7 th ed.). – Mode of access: <https://www.weforum.org/reports/global-risks-2012-seventh-edition> (accessed: 06.05.2021).

протоколов и алгоритмов, почти без доверия и в обход третьих сторон, включая государство [Antonopulos, 2014; Swan, 2015]. Блокчейн также был исследован с точки зрения административных целей, его проблем, рисков и ограничений [Cusumano, 2014; Shermin, 2017; Danaher, Hogan, Noone, 2017; Scott, Loonam, Kumar, 2017]. Первичные исследования онтологических проблем цифровизации (философские, политические, социологические) сформировали идею перехода от институционально-жесткой архитектуры управления со стабильным представлением и иерархией (централизмом) к институционально-процедурной, основанной на гуманитарно-технической платформе сетевого взаимодействия со свободной идентификацией, организованной анархией и распределенным знанием. В связи с этим возникает вопрос, являются ли цифровые технологии сложной системой с нелинейными связями, которые создают трудности для институционализации управления и действий в нем, или мы можем говорить о сложном, алгоритмическом, но институционализированном цифровом управлении. Наряду с оптимистической позицией в отношении политических, социальных и технологических показателей цифровых технологий существует разумное суждение о рисках и вызовах для общества, связанных с деинституционализацией взаимодействий, нестабильностью и дисбалансом в развитии общественной жизни, использованием преступности и терроризма. Одной из центральных проблем в оптимистичных и критических областях является отсутствие ясности в отношении новой природы организации и, следовательно, управления и управляемости в распределенных сетях и цифровых платформах, включая их использование в общественной сфере. Часто это описывается противопоставлением двух политических стратегий, связанных с цифровизацией государственного управления: «цифровизацией политики» и «политикой цифровизации». Первое направление связано с постепенными адаптивными стратегиями политики по внедрению цифровых технологий в публичную политику и государственное управление. В то же время считается, что цифровые технологии не вторгаются в природу политического, а являются лишь технологическим средством повышения уровня эффективности выполнения функций. Второе направление – более радикальная, проактивная стратегия внедрения цифровых технологий, основанная на выявлении и использовании их институционально-процедурных политических свойств и возможностей. При этом су-

существует множество оценок их свойств – от обоснования анархической природы цифровых технологий до утверждений об их внутренней ориентированности на новые формы политического контроля, господства и подчинения. Онтологической основой этих выводов считается феномен социотехнических систем власти, возникающих в процессе четвертой технологической (цифровой) революции. Прежние модели публичного управления базировались на концепциях власти, которые описывали ее как такую координацию взаимодействий, которая опирается на концентрацию легитимных механизмов (институтов) упорядочения социальных связей в руках государства, обеспечивающих порядок легитимным подчинением. Власть формировалась на основе конституции, с которой были согласны по тем или иным основаниям все граждане. Современные подходы к власти включают в ее рассмотрение реляционные характеристики, которые связаны с текучим позиционированием участников взаимодействия в сетевом пространстве. В этом отношении «форма власти является функцией связанности [сети]. При анализе социальных сетей эта власть определяется положением центральности актора. Власть в форме связей позволяет участникам определять свою роль, выбирая союзы в зависимости от поставленных на карту проблем... Выбирая союзы, участники сети допускают функции управления внутри сети» [Zwitter, Hazenberg, 2020, p. 7]. Выполняет ли какую-то функцию технология, которая обеспечивает возможность установления сетевых отношений власти? Является ли цифровизация агентом возможных функций управления в сети?

Существует три основных направления изучения государственного управления на основе платформ, связанных с поиском особенностей доступности цифровых платформ для взаимодействия. Одно из них делает упор на формировании особой экологии взаимодействия между платформами и человеческими агентами в системе государственного управления [van Dijk et al., 2018]. Здесь доступность – это относительные характеристики зарождающейся техноэкологии. Второе направление указывает на значительную роль алгоритмов и искусственного интеллекта в процессах управления платформой [Gillespie, 2010]. Рассматривая алгоритмы как специфическую систему норм, исследователи обращают внимание на координирующую функцию алгоритмического управления. Соответственно, различные формы доступности рассматриваются ими как свойства структуры и архитектуры алгоритмического

управления. Третья область исследования включает роль компаний, производящих технологии в сфере цифрового государственного управления, взаимодействие с которыми позволяет сформировать системы доступности технологий с учетом формирования социальных и политических институтов взаимодействия [Gorwa, 2019].

Хотя тема агентности цифровых технологий подчинена политической роли информационных компаний, возможность демократического или авторитарного структурного наполнения алгоритмов и интерфейсов приобретает особое значение. Описывая сетевые платформы и возможности, необходимо, на наш взгляд, следовать некоторой комплексной стратегии исследования, подчеркивая, что управляемость в системах совместного управления определяется всеми тремя условиями цифровой координации – технокологией, алгоритмами и политиками цифровизации.

Сетевые платформы – это технические и информационные условия для повышения самоорганизации сообществ, сформированных в сети. Однако их качество определяется некоторыми условиями, связанными с ориентацией алгоритмов на допуск взаимодействия в форме сотрудничества, т.е. возможностями технологии как медиатора, а не как простого посредника. Различие между проводниками и медиаторами-посредниками, сделанное Бруно Латуром в отношении вещей-посредников [Latour, 2011], состоит в том, что проводники представляют собой простые структуры передачи информации между агентами действия, в то время как у медиаторов есть свои собственные политики связывания агентов, вводящие преобразование в эту связь. В этом отношении сетевые платформы являются скорее медиаторами, проявляя свои агентные качества через свои перформативные функции и соответствующие им формы доступности. Для выполнения этих функций они должны обладать некоторыми реляционными качествами, которые создают экологию социотехнического взаимодействия и обеспечивают управляемость возникающими союзами.

Эффективность сетевой организации как основа управляемости

В сетевой теории понятие сетевых эффектов связано с характеристиками данной формы организации взаимодействия.

На сетевых рынках эффект возникает с увеличением числа пользователей и достижением некоторого пограничного критерия – критической массы пользователей, при которых повышается ценность сети. Применительно к организации взаимодействия в социальных и политических сетях можно говорить о сетевых эффектах при дополнительных условиях – плотности сети (ее нагруженности взаимными связями), реципрокности сетевого взаимодействия (взаимности оказанных действий, а не обмене, как на рынке), общем чувстве принадлежности к сети, а также доверии, ориентирующем на предсказуемость поведения. Количественные и качественные характеристики сетевой организации предполагают ее устойчивость и скоординированность, что соотносимо с общей концепцией публичной управляемости. В этом отношении управляемость в публичном управлении и политике порождается сетевым эффектом сплоченности, сотрудничества и открытости к взаимодействию.

Вместе с тем следует отметить, что, как показывают исследования, невозможно определить однозначно сетевую эффективность из-за многообразия условий возникновения и целей организаторов сети, уровня достигнутых параметров сетевого взаимодействия, непредвиденных обстоятельств, интенсивности сетевого взаимодействия и т.д. «Эффективность сети не имеет единого “рецепта успеха”, который можно было бы применить ко всем типам сетей, а скорее зависит от набора характеристик, специфичных для сети, а также от критериев, используемых для ее оценки» [Seriku et al., 2020]. Руководствуясь этим вполне обоснованным утверждением, можно лишь выделять самые общие подходы, или модели оценки сетевой эффективности. На наш взгляд, в общей массе публикаций выделяются следующие модели оценки эффективности сетевой организации управляемости: 1) интерактивная модель; 2) контингентная модель; 3) многомерная модель; 4) социотехническая модель.

1. *Интерактивная модель сетевой эффективности управляемости* была разработана для анализа сетевой организации рыболовства и рассматривает ее в ракурсе улучшения сетевых подключений для увеличения возможностей обучения или создания новых способов для более справедливого распределения власти [Bavinck et al., 2013]. Используя сетевой анализ, разработчики этой модели предполагают сложный и разнонаправленный характер взаимосвязи между двумя субсетями интерактивного управления – управляющей и управляемой подсистемами. При этом эти системы пе-

ресекаются, поскольку многие члены являются общими для обеих групп, и их роли меняются при интерактивном взаимодействии. Они одновременно осуществляют и принимают управляющие взаимодействия, а также участвуют в неуправляющих транзакциях, которые состоят из товаров, услуг и различных форм оплаты с широко распространенными положительными и отрицательными отзывами. При этом «научение и адаптация являются важными аспектами управляемости, и анализ социальных сетей помогает нам понять природу этих процессов» [Bavinck et al., 2013, p. 308]. Сетевая организация интерактивного управления с ее характеристиками плотности и центральности способствует лучшей управляемости посредством решения задач повышения инклюзивности участников взаимодействия, распространения совместных принципов и ценностей и развития системы взаимного научения.

2. *Контингентная модель сетевой эффективности управляемости* основывается на новом прочтении функций управления в современном сложном и неопределенном обществе [Chandler, 2019; Provan, Kenis, 2007]. Часто непредвиденные обстоятельства (контингентность) рассматриваются в качестве условий, ставящих под удар управляемость и сетевую ее организацию. Отсюда следовал принцип воздержания от действия, сопряженного с риском и неясными последствиями. Однако этот подход является выражением прежнего взгляда на управление по принципу причина – следствие, предоставляемого наукой. В этом отношении план работы по преодолению этих обстоятельств является неотъемлемой частью управления сетью и ее безопасностью. Здесь управление полностью полагается на принцип предосторожности, который противопоставляется принципу воздержания. «Принцип предосторожности был введен, чтобы разорвать эту странную связь между научной достоверностью и политическими действиями, заявив, что решения могут приниматься даже при отсутствии уверенности» [Latour, 2011, p. 27]. В противоположность линейной направленности предыдущей системы управления, когда в центре стояли процессы принятия решений как способов реагирования на возникающие причинные зависимости, современная система управления ориентируется скорее на управление эффектами, которые возникают под влиянием непредвиденных обстоятельств (контингентности). В сложном обществе невозможно установить причинную последовательность происходящего из-за большого числа возни-

кающих связей и взаимных влияний. Но можно определить сами связи и отношения и попытаться отрегулировать их возможные эффекты. В этом отношении цифровизация является как базой для возникновения связей и отношений, так и возможностью их устройства и регулирования. Как пишет Дэвид Чандлер, «способность видеть или ощущать реальный эффект реляционных взаимодействий становится все более доступной, чем больше связей можно установить или вообразить на больших расстояниях и в более разнообразных формах интерактивной жизни. Эти сложные и запутанные петли обратной связи также требуют больших технологических способностей» [Chandler, 2019, p. 29]. Сетевая эффективность управляемости возникает на основе способности сети формировать необходимое для управления знание в ситуации постнауки, когда контингентность рассматривается в качестве естественного представления о происходящих событиях. Сторонник новой реальности постистины, которая близка к контингентной модели управляемости на основе сетевого принципа организации жизни, Стив Фуллер справедливо указывал, что в таком неопределенном обществе «вам всегда придется получать еще один шанс, чтобы сыграть в игру, правила которой всегда могут быть оспорены» [Фуллер, 2021, с. 336].

Кейт Прован и Патрик Кенис предложили свой вариант контингентной модели сетевой эффективности управляемости, поместив непредвиденные обстоятельства в формирующиеся структурные и реляционные качества самих управленческих сетей. Они указывали, что «хотя на эффективность сети могут влиять многие факторы, наши аргументы строятся на предположении, что есть основания для использования одной формы над другой и что есть последствия для выбора каждой формы управления. Сетевые менеджеры должны осознавать эти последствия и соответствующим образом устранять их, если должны быть достигнуты положительные результаты работы сети» [Provan, Kenis, 2008, p. 233]. Они выделили три типа управленческих сетей (сети самоорганизации, сети с лидирующей организацией, сети административного управления) и четыре контингентных фактора, относящихся к организации сети. К последним они отнесли доверие, размер (количество участников), согласованность целей и характер задачи (в частности, потребность в компетенциях сетевого уровня). Выбор эффективной сетевой структуры управления определяется соотношением

этих факторов. Отсюда, чем больше несоответствие между критическими факторами непредвиденных обстоятельств и конкретной формой управления (как с точки зрения количества несовместимых факторов, так и с точки зрения того, в какой степени эти факторы несовместимы с характеристиками формы управления), тем меньше вероятность, что эта конкретная форма будет эффективной, что приводит либо к общей неэффективности сети и ее роспуску, либо к изменению формы управления [Provan, Kenis, 2008, p. 242].

Контингентная модель сетевой эффективности управления находит интересное применение при изучении связи эффективности сетей с их уровнем закрытости и возникновения в них структурных дыр. Так, некоторые исследователи стремятся развить теорию непредвиденных обстоятельств, определяющую роль закрытия сети в инициировании и принятии организационных изменений. Здесь информационные и контролирующие преимущества структурных дыр принимают разные формы в инициировании изменений, и эти преимущества строго зависят от степени отклонения изменения от институционального статус-кво в сфере деятельности организации. Соответственно, структурные дыры в сети агента изменений способствуют инициированию и принятию изменений, которые расходятся с институциональным статус-кво, но препятствуют принятию менее разрушающих изменений в сети [Battilana, Casciari, 2012]. Другие используют теорию структурных дыр для описания контингентной модели публичного внимания в процессах коммуникации, когда эффективность сетевого взаимодействия определяется вероятностью расчета быть брокером в сети [Yang, Saffer, 2020].

3. *Многомерная модель сетевой эффективности управления* разрабатывалась как в связи с необходимостью теоретического описания самого феномена эффективности с учетом многообразных качественных и количественных характеристик сетевой организации, так и в качестве некоторой методологической базы эмпирического описания конкретных сетевых проблем управления. Денита Чепика включает в эту модель два уровня сетевой эффективности – уровень сообщества и организационный уровень. На первом уровне сетевая эффективность обеспечивается сетевой сплоченностью, возникающей на основе ресурсного обмена и сформированного сетевого социального капитала. На втором орга-

низационном уровне формируется сетевой порядок с выраженными параметрами плотности, центральности, доступности и т.д. Непосредственным фактором эффективности для обоих уровней выступают результаты сетевого менеджмента, которые определяются тремя условиями: внешними ресурсами и поддержкой, внутренними ресурсами (доверие в сети), процессами и структурами сетевого менеджмента. Хотя результаты сетевого менеджмента являются определяющими для двух уровней эффективности, однако прямое влияние на них оказывают ресурсные параметры формирования и развития сети [Серіку, 2014].

Данная модель использовалась для эмпирического исследования факторов сетевой эффективности с использованием качественного компаративного анализа (QCA) [Серіку et al., 2020]. В этом исследовании выбор случайных условий определялся многомерной моделью эффективности сети с расширенным списком ее факторов, или детерминантов. Конкретные детерминанты, как подчеркивалось, следует анализировать в каждом конкретном случае. Для эмпирического анализа рассматривался только уровень сообщества. В целом определились одиннадцать факторов, влияющих на производительность на данном уровне: сложность проблемы; наличие изначальной четкой цели; количество членов сети и их институциональная однородность; географическая удаленность между партнерами; наличие внешней контролирующей организации; политическая поддержка и стабильность; финансовый ресурс; тип структуры управления сетью; использование сетевых менеджеров стратегий подключения; уровень доверия; уровень консенсуса цели. В результате несмотря на то, что эта сеть имела низкий уровень внутреннего доверия, конфигурация с низкой сложностью сети и отличное управление сетью все же позволили достичь одного из самых высоких показателей на уровне сообщества. С другой стороны, хорошего управления сетью в сочетании с высоким уровнем доверия и обильными ресурсами было достаточно для повышения эффективности сети, независимо от уровня ее сложности. Как подчеркивали исследователи, «эта конфигурация особенно интересна, поскольку она указывает путь к достижению высокой производительности в сетях с высоким уровнем сложности» [Серіку et al., 2020, p. 16].

4. *Социотехническая модель сетевой эффективности управляемости* основывается на идеях, связывающих цифровые техноло-

гии и социально-политических агентов. Л. Луна-Рейес и Д. Гил-Гарсия предлагают теорию совместной эволюции технологий, организационных сетей и институциональных механизмов для объяснения процесса трансформации правительства, включая внутреннюю трансформацию в правительстве и трансформацию отношений между правительством, другими социальными структурами и политиками за счет развития информационных и коммуникационных технологий в правительстве [Luna-Reyes, Gil-Garcia, 2014]. В основе данной модели, развиваемой в рамках акторно-сетевой теории Бруно Латура [Латур, 2020], лежит идея активности технических объектов, входящих в социотехнические ассамбляжи. Радикальные концепции сетевой эффективности, построенной на цифровых технологиях, часто оценивают управляемость в качестве эксплуатации, всеобщего контроля и кибернетического тоталитаризма [Lanier, 2010; Borradori, 2016; Bakir, Feilzer, McStay, 2017]. Более умеренные говорят о возможности формирования таких социально-технических сетей, которые будут формировать пространство управляемости за счет не только адаптируемости людей к технике, но и технических объектов и алгоритмических систем – к человеку. В этом отношении все чаще наблюдается постепенный переход к совместным методам деятельности, эффективность которых зависит от синергетического взаимодействия между людьми и машинами. Именно сети цифрового сотрудничества демонстрируют новую конструкцию эффективной управляемости, создают цифровые модели взаимодействия в сетях, поскольку авторитет и власть становятся функцией цифровых навыков и бизнес-мышления, а задачи по внедрению и принятию решений все чаще делегируются машинам. Цифровое харизматическое лидерство обеспечивается притоком лидеров в области ИКТ, которые понимают, что возможно с технологической точки зрения взаимодействие человека с машиной, и которые узаконивают новые возникающие взаимодействия человека и машины, а также связанные с ними организационные процедуры и возможности. Более того, взаимодействия экспоненциально возрастают на этапах реализации совместных проектов, но эти взаимодействия начинают больше полагаться на межмашинную координацию [Kattel, Lember, Tõnurist, 2020, p. 1668–1669]. Блокчейн-технологии создают пространство такой сетевой взаимозависимости, которая строится на основе честной процедурной справедливости, обеспечивающей эффективность рекурсивной управляемости [Сморгунов, 2018].

Управляемость, цифровизация и гражданское участие

Эти новые проблемы и возможности определяются как трансформацией политических и административных институтов под влиянием противоречивой политики, так и появлением нового технологического ядра – электронного, а затем и цифрового управления. ИКТ первого, второго и третьего поколений определяли управляемость государства с функциональной (услуги электронного правительства), организационной (электронное участие) и коммуникативной (мониторинг демократии) позиций. Сетевая теория государственного управления сформировала радикальную концепцию «управления без правительства». В четвертом поколении ИКТ – технология распределенных баз данных (регистров) – блокчейн, основанный на способности выполнять прямые транзакции между пользователями распределенных сетей на основе криптографических протоколов и алгоритмов, практически без доверия и в обход третьих сторон, был развит. С теоретической точки зрения анализ цифровых технологий в управлении включает децентрализованное проектирование сети, снижение эксплуатационных расходов, прозрачность операций и конфиденциальность, повышение скорости текущих процессов, надежность и безопасность, а также повышение «осведомленности» о решениях по отслеживанию на всех этапах работы в офисе, что особенно важно для государственного сектора на современном этапе. В разных странах эти преобразования стали общими мотивами политических и административных реформ. В этом случае основным направлением политических и административных реформ является переход от электронного правительства, ориентированного на предоставление услуг и реализацию функций, к цифровому правительству, ориентированному на услуги, функции и управление посредством участия граждан. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своих рекомендациях формирования цифрового правительства в 2014 г. поставила проблему гражданского участия на первое место, определив три основных задачи: (1) обеспечить большую прозрачность, открытость и инклюзивность правительственных процессов и операций; (2) поощрять вовлечение и участие публичных, частных и гражданских стейкхолдеров в разработке политики, дизайна публичных услуг и их предоставления; (3) создать в пуб-

личном секторе культуру, ориентированную на информационные данные¹.

В этом отношении степень и качество участия граждан в сетях управления становится фактом, который необходимо изучать эмпирически, а не простым элементом, который соответствует этой парадигме партисипаторного управления [Parés et al., 2012]. Концепция управляемости на основе участия не может быть отделена от понимания управляемости в целом. Управляемость – это способность системы реагировать на изменение внешнего контекста, сохраняя при этом ее природу и назначение. Управляемость на основе участия является результатом сетевой координации взаимодействия, создающей эффект сотрудничества, а не конкуренции. Ориентация на сотрудничество и совместное производство в государственной политике означает, что разработка политики строится с упором на граждан, а не на учреждения; возникает сотрудничество, а не просто внешнее партнерство; взаимодействие в процессе государственной политики основано на общих ценностях, а не только на заключении договоров; расширяются общественные арены для сотрудничества; основное внимание уделяется обсуждению общественных ценностей и реальных потребностей; управление осуществляется через суждения, а не нормы [Сморгунов, 2016]; большое внимание уделяется реальному контексту жизни заинтересованных сторон государственной политики (потребностям и интересам, выбору места и времени); существует контекстуализация процесса государственной политики вместо его типизации; обеспечивается прозрачность управления и политики, формируются ориентированные на граждан данные, а цифровые ресурсы используются для государственной политики. Цифровизация играет важную роль в обеспечении управляемости на основе участия.

Цифровизация государственного управления – это процесс трансформации культуры, организации и взаимоотношений органов государственной власти с бизнесом и обществом посредством использования новых цифровых технологий (большие данные,

---

¹ Recommendation of the Council on Digital Government Strategies. Adopted by the OECD Council on 15 July 2014 // OECD. – 2014. – P. 6–7. – Mode of access: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf> (accessed: 11.05.2021).

интернет, искусственный интеллект). Понимание процесса цифровизации как способа преобразования пространства государственного управления определяется не только ориентацией на большую чувствительность и подотчетность, но и ориентированной на граждан правительственной организацией. Она часто понимается как процесс использования новых ИКТ и, в частности, электронных технологий для организации и обеспечения эффективного функционирования публичной сферы. Кроме того, подчеркивается, что цифровизация в политическом смысле является способом расширения политических форм взаимодействия общества и государства, что делает государственное управление совместным [Asgarkhani, 2005]. В то же время важно отметить, что участие граждан способствует развитию «подвижной демократии» в местных общинах – когда политические субъекты выбирают и голосуют по важным вопросам, и это указывает на то, что этот вопрос начинает фигурировать в политической повестке дня. Такой тип демократии позволяет не только принимать непосредственное участие в процессах принятия решений, но и создает условия, при которых представительство интересов приобретает характер «связанной репутации», обеспечиваемой участием в выработке политических решений.

Ценность цифровизации выходит далеко за рамки простого управления. Нормативная база, используемая цифровыми технологиями, позволяет нам решать ряд проблем, возникающих в связи с кризисом представительной демократии, подотчетности и контроля. Анализ технологии блокчейна показывает, что она создает условия для чистой процессуальной справедливости, обеспечивая возможность честного решения общественных вопросов [Scott, Loonam, Kumar, 2017]. Этот пример демонстрирует огромные возможности цифровизации процессов управления для формирования его новой организации, которая выходит за рамки простого общественного выбора между левиафаном и анархией. Предыдущий выбор был основан на минимизации издержек взаимозависимости (внешние издержки и транзакционные издержки), тогда как государственное управление основывалось на способности системы обеспечивать безопасность и учитывать основные интересы. Цифровизация не уменьшает эти требования, но идет дальше, обеспечивая управляемость без посредников через сетевой технологический алгоритм с криптографическими протоколами, обеспечивающими анонимность и справедливость участия. Технология блокчейна универ-

сальна настолько, что обеспечивает процессы международного общения государств в условиях децентрализации принятия решений современного плюрализма мировой политики [Салин, 2017] и необходимости защиты национальных больших данных. Действительно «криптография может защищать не только гражданские свободы и права отдельных лиц, но и суверенитет и независимость целых стран» [Assange et al., 2012, p. 60]. Управляемость как сетевой эффект цифровизации государственного управления основана как на количестве участников взаимодействия, так и на интенсивности публичного общения. Она поддерживается процедурой справедливого консенсуса, основанного на взаимности, равенстве, безразличии и автономной организации децентрализованных решений.

Заключение

В статье рассмотрена концепция управляемости, вызванная обширным и быстрым развитием информационных и коммуникационных технологий в последние несколько лет. Показано изменение отношения к управляемости, подчеркнув неопределенность политико-институционального характера цифровых технологий и выбор соответствующих дизайнов для их совместимости с правительством, обеспечивая управляемость публичной сферы в контексте современной технологической революции. Концепции управляемости за последние три десятилетия эволюционировали под влиянием новых информационных и коммуникационных технологий. ИКТ первого, второго и третьего поколений определили управляемость государства с функциональной (электронные государственные услуги), организационной (электронное участие) и коммуникативной (мониторинг демократии) позиций. Сетевая теория государственного управления сформировала радикальную концепцию «управления без правительства». Четвертое поколение ИКТ разработало технологию распределенных баз данных (регистров), блокчейн, основанный на способности выполнять прямые транзакции между пользователями распределенных сетей на основе криптографических протоколов и алгоритмов. Однако считается, что цифровые технологии вторгаются в политическую природу и не являются просто технологи-

ческим средством повышения уровня эффективности выполнения функций. Мы начали с управления как ключевой концепции для последующего рассмотрения того, что такое управляемость в контексте цифровизации. Затем изучили развитие сетей управления и институтов, а также политических сетей, которые возникают в связи с цифровизацией, растущее влияние негосударственных субъектов на процессы принятия решений и, как следствие, снижение роли государства. Раскрыли содержание четырех моделей сетевой эффективности управляемости. Проблемы управляемости в этом аспекте не носят субъективного характера, как в случае с политическим управлением, где проблемы стоят перед государством, а скорее связаны с управляемостью общества как самоорганизующейся системы в условиях формирующегося единства социотехнических структур. В конце статьи мы сосредоточились на изучении практики внедрения новых информационных технологий в механизмы гражданского участия и сотрудничества во взаимодействии властных структур и граждан, которые становятся все более важным направлением конструирования сетевой эффективности публичного управления, продвигаясь вперед в связи с развитием современной методологии сетевого анализа.

L.V. Smorgunov*

Digitalization and network effectiveness of public governability

Abstract. Technological changes taking place under the flag of digitalization affect not only the sphere of technology itself. Digitalization is not a politically neutral process, a simple means of increasing labor productivity. It has a decisive influence on all spheres of life of modern society, creating additional conditions for their networking. The network architecture of emerging relations includes not only social and political agents, but also the technical objects themselves, which begin to perform the functions of mediators in interaction. There is a pessimistic and optimistic direction in assessing the ongoing transformations and the role of the technical component in them. Some politicians and scientists talk about a new cybernetic totalitarianism, while others believe that in modern conditions not only challenges arise, but also prospects for more meaningful and effective development are being formed. The article focuses on one important aspect of the topic related to the relation of digitalization, its inclusion in the public administration system and the emerging problems of public governability.

---

* **Smorgunov Leonid**, Saint Petersburg state university (St. Petersburg, Russia), e-mail: l.smorgunov@spbu.ru

Trends in the impact of digitalization on public governability are considered, four models of network governability efficiency are analyzed: interactive, contingent, multidimensional, socio-technical. Particular attention is paid to the problem of cooperation between government and citizens, which ensure the effectiveness of governance based on co-governance networks.

Keywords: digitalization; public governability; networks; network efficiency; civic participation; joint governance.

For citation: Smorgunov L.V. Digitalization and network effectiveness of public governability. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 13–36. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.01>

References

- Al-Ani A. Government platform: services, participation and policies. In: Friedrichsen M., Kamalipour Y. (eds). *Digital transformation journalism and news media*. Cham : Springer, 2017, P. 179–196.
- Antonopoulos A. *Mastering bitcoin: unlocking digital crypto-currencies*. Sebastopol, Ca., 2014, 298 p.
- Asgarkhani M. Digital government and its effectiveness in public management reform. *Public management review*. 2005, Vol. 7, N 3, P. 465–487. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719030500181227>
- Assange J., Appelbaum J., Muller-Maguhn A., Zimmermann J. *Cypherpunks: freedom and the future of the internet*. New York, London : OR Books, 2012, 196 p.
- Bakir V., Feilzer M., McStay A. Introduction to special themeveillance and transparency: a critical examination of mutual watching in the post-Snowden, big data era. *Big data & society*. 2017, Vol. 4, N 1. DOI: <https://doi.org/10.1177/2053951717698996>
- Battilana J., Casciaro T. Change agents, networks, and institutions: a contingency theory of organizational change. *The Academy of management journal*. 2012, Vol. 55, N 2, P. 381–398. DOI: <https://doi.org/10.5465/amj.2009.0891>
- Bavinck M., Chuenpagdee R., Jentoft S., Kooiman J. (eds). *Governability of fisheries and aquaculture: theory and applications*. Cham : Springer, 2013, 382 p.
- Berry D.M. *Critical theory and the digital (critical theory and contemporary society)*. New York : Bloomsbury, 2014, 272 p.
- Borradori G. Between transparency and surveillance: politics of the secret. *Philosophy and social criticism*. 2016, Vol. 42, N 4–5, P. 456–464. DOI: <https://doi.org/10.1177/0191453715623321>
- Börzel T.A. Organizing Babylon: on the different conceptions of policy networks. *Public administration*. 1998, Vol. 76, N 2, P. 253–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
- Carolan M. ‘Smart’ farming techniques as political ontology: acceleration of the neo-liberal and not-so-neoliberal worlds. *Sociologia ruralis*. 2018, Vol. 58, N 4, P. 745–764. DOI: <https://doi.org/10.1111/soru.12202>

- Cepiku D., Giordano F., Mastrodascio M., Wang W. What drives network effectiveness? A configurational approach. *Public management review*. 2020, Vol. 22, P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2020.1764084>
- Cepiku D. Network performance: towards a dynamic multidimensional model. In: Keast R., Mandell M.P., Agranoff R. (eds). *Network theory in the public sector: building new theoretical framework*. New York : Routledge, 2014, P. 188–204.
- Chandler D. Digital governance in the anthropocene: the rise of the correlational machine. In: Chandler D., Fuchs Ch. (eds). *Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of big data*. London : University of Westminster press, 2019, P. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.25969/mediarep/11926>
- Chhotray V., Stoker G. *Governance theory and practice: a cross-disciplinary approach*. Basingstoke : Palgrave, 2010, 296 p.
- Crozier M., Huntington S., Watanuki, J. *The crisis of democracy; report on the governability of democracies to the Trilateral Commission*. New York : New York university press, 1975, 220 p.
- Cusumano M. Technology strategy and management: the bitcoin ecosystem. *Communication of the ACM*. 2014, Vol. 57, N 10, P. 22–24. DOI: <https://doi.org/10.1145/2661047>
- Danaher J., Hogan M., Noone Ch. Algorithmic governance: developing a research agenda through the power of collective intelligence. *Big data & society*. 2017, Vol. 4, N 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/2053951717726554>
- Floridi L. (ed.) *The online manifesto: being human in a hyperconnected era*. Cham : Springer, 2015, 264 p.
- Fuller S. *Post-truth: knowledge as a power game*. Moscow : Higher School of Economics, 2021, 368 p. (In Russ.)
- Gillespie T. The politics of ‘platforms’. *New media & society*. 2010, Vol. 12, N 3, P: 347–364. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444809342738>
- Gorwa R. What is platform governance? *Information, communication & society*. 2019, Vol. 22, N 6. P. 854–871. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118x.2019.1573914>
- Graddy E.A., Chen B. Influences on the size and scope of networks for social service delivery. *Journal of public administration research and theory*. 2006, Vol. 16, N 4, P. 533–552. DOI: <https://doi.org/10.1093/jopart/muj005>
- Klijn E.H., Edelenbos J. The influence of democratic legitimacy on governance networks. *Administration & society*. 2012, Vol. 45, N 6, P. 627–650. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095399712454113>
- Koliba Ch., Meek J., Zia A. *Governance networks in public administration and public policy*. Roca Raton, London, New York : CRC Press, 2011, 500 p.
- Kooiman J. *Governing as governance*. London : Sage, 2003, 262 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446215012>
- Lanier J. *You are not a gadget: a manifesto*. New York : Alfred Knopf, 2010, 224 p.
- Latour B. Love your monsters. Why we must care for our technologies as we do our children. *Breakthrough journal*. 2011, Vol. 2, P. 21–28.
- Luna-Reyes L.F., Gil-Garcia, J.R. Digital government transformation and internet portals: The co-evolution of technology, organizations, and institutions.

- Government information quarterly*. 2014, Vol. 31, N 4, P. 545–555. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.08.001>
- Lynn L.E., Robichau R.W. Governance and organizational effectiveness: towards the theory of government performance. *Journal of public policy*. 2013, Vol. 33, N 2, P. 201–228. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0143814x13000056>
- Margetts H., Dunleavy P. The second wave of digital-era governance: a quasi-paradigm for government on the web. *Philosophical transactions of the royal society A: mathematical, physical and engineering sciences*. 2013, Vol. 371, N 1987, P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1098/rsta.2012.0382>
- Meier K.J., O'Toole L.J. Jr. Managerial strategies and behavior in networks: a model with evidence from U.S. public education. *Journal of public administration research and theory*. 2001, Vol. 11, N 3, P. 271–294. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jpart.a003503>
- O'Reilly T. Government as a platform. *Innovations: technology, governance, globalization*. 2011, Vol. 6, N 1, P. 13–40. DOI: https://doi.org/10.1162/inov_a_00056
- Osborne D., Gaebler T. *Reinventing government*. New York : Penguin press, 1992, 405 p.
- Peters G.B., Pierre J. Governance without government: rethinking public administration. *Journal of public administration, research and theory*. 1998, Vol. 8, N 2, P. 227–243. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jpart.a024379>
- Provan K.G., Milward H.B. A preliminary theory of interorganizational network effectiveness: a comparative study of four community mental health systems. *Administrative science quarterly*. 1995, Vol. 40, N 1, P. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.2307/2393698>
- Provan K., Kenis P. Modes of network governance: structure, management, and effectiveness. *Journal of public administration research and theory*. 2007, Vol. 18, N 4, P. 229–252. DOI: <https://doi.org/10.1093/jopart/mum015>
- Kattel R., Lember V., Tõnurist P. Collaborative innovation and human-machine networks. *Public management review*. 2020, Vol. 22, N 11, P. 1652–1673. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1645873>
- Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Moscow : Higher School of Economics, 2020, 384 p. (In Russ.)
- Parés M., Bonet-Martí J., Martí-Costa M. Does Participation Really Matter in Urban Regeneration Policies? Exploring Governance Networks in Catalonia (Spain). *Urban affairs review*. 2012, Vol. 48, N 2, P. 238–271. DOI: <https://doi.org/10.1177/1078087411423352>
- Rhodes R.A.W. The new governance: governing without government. *Political studies*. 1996, Vol. 44, N 4, P. 652–667. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb01747.x>
- Rosenau J., Czempiel, E.-O. (eds). *Governance without government: order and change in world politics*. Cambridge : Cambridge university press, 1992, 311 p.
- Salin P. Hierarchy of equals. How to overcome the crisis in the system of international relations. *Russia in global affairs*. 2017, N 5, P. 129–140. (In Russ.)
- Schwab K. *The fourth industrial revolution*. World Economic Forum, 2016, 198 p.

- Scott B., Loonam J., Kumar V. Exploring the rise of blockchain technology: towards distributed collaborative organizations. *Strategic change*. 2017, Vol. 26, N 5, P. 423–428. DOI: <https://doi.org/10.1002/jsc.2142>
- Shermin V. Disrupting governance with blockchains and smart contracts. *Strategic change*. 2017, Vol. 26, N 5, P. 499–509. DOI: <https://doi.org/10.1002/jsc.2150>
- Sherstobitov A.S., Kusik O.A. Cryptocurrencies as the challenge to governability: public policy of the modern states in different networked and political administrative contexts. *Social and humanitarian knowledge*. 2018, Vol. 4, N 2 (14), P. 88–99. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. *In search of governability: concepts and transformation of public administration in the 21 st century*. Saint Petersburg : St. Petersburg University, 2012, 362 p. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. Knowledge and public administration: from ordered rule to judgment. *Political science (RU)*. 2016, N 2, P. 181–197. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. Blockchain as institution of procedural justice. *Polis. Political studies*. 2018, N 5, P. 88–99. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.08> (In Russ.)
- Soloviev A.I. Administrative and network barriers to digitalization of public administration. In: *Towards a “digital society”: expert estimates and forecasts*. Moscow : Nauka, 2019, P. 34–42. (In Russ.)
- Stivers C. The ontology of public space: grounding governance in social reality. *American behavioral scientist*. 2009, Vol. 52, N 7, P. 1095–1108. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764208327677>
- Swan M. *BlockchaIn: blueprint for a new economy*. Sebastopol, Ca. : O'Reilly Media, 2015, 152 p.
- Swanson D., Bizikova L. Thrift Ch., Roy D. *Governabilities: the nexus of sustainability, accountability and adaptability essential tools for successful governance in the 21 st century*. Manitoba : IIPG, 2014, 36 p.
- van Bueren E.M., Klijn E.H., Koppenjan J.F. Dealing with wicked problems in networks: analysing an environmental debate from a network perspective. *Journal of public administration research and theory*. 2003, Vol. 13, P. 193–212. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/jopart/mug017>
- van Dijk J., Ziegler M., Nooijer de L., Reichart G.-J., Xuan Ch., Ducassou E., Bernasconi S., Lourens L. A saltier glacial Mediterranean outflow. *Paleoceanography and paleoclimatology*. 2018, Vol. 33, N 2, P. 179–197. DOI: <https://doi.org/10.1002/2017PA003228>
- van Kersbergen K., van Waarden F. 'Governance' as a bridge between disciplines: accountability and accountability legitimacy. *European journal of political research*. 2004, Vol. 43, N 2, P. 143–171. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00149.x>
- Verweij S., Klijn, E., Edelenbos J., van Buuren A. What makes governance networks work? A fuzzy set qualitative comparative analysis of 14 Dutch spatial planning projects. *Public administration*. 2013, Vol. 91, N 4, P. 1035–1055. DOI: <https://doi.org/10.1111/padm.12007>
- Vigoda-Gadot E. *Building strong nations: improving governability and public management*. Farnham : Ashgate Publishing Company, 2009, 258 p.

- Yang A., Saffer A.J. Standing out in a networked communication context: toward a network contingency model of public attention. *New media & society*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444820939445>
- Zwitter A., Hazenberg J. Decentralized network governance: blockchain technology and the future of regulation. *Hypothesis and theory*. 2020, Vol. 3, Article 12. DOI: <https://doi.org/10.3389/fbloc.2020.00012>

Литература на русском языке

- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 2-е изд. – 384 с.
- Салин П. Иерархия равных. Как преодолеть кризис системы международных отношений // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 5. – С. 129–140.
- Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. – СПб. : Изд. Санкт-Петербургского университета, 2012. – 362 с.
- Сморгунов Л.В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 181–197.
- Сморгунов Л.В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 88–99. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.08>
- Соловьев А.И. Административно-сетевые барьеры цифровизации государственного управления // Навстречу «цифровому обществу»: экспертные оценки и прогнозы. – М. : Наука, 2019. – С. 34–42.
- Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с.
- Шерстобитов А.С., Кусик О.А. Криптовалюты как вызов управляемости: публичная политика современных государств в различных сетевых и политико-административных контекстах // Социальные и гуманитарные знания. – 2018. – Т. 4, № 2 (14). – С. 88–99.

С.В. ВОЛОДЕНКОВ, С.Н. ФЕДОРЧЕНКО*

СУБЪЕКТНОСТЬ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ИНТЕРНЕТА: ОСОБЕННОСТИ И СЦЕНАРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Аннотация. Цель работы состояла в изучении особенностей субъектности феномена цифровой коммуникации в условиях интенсивной цифровизации ключевых сфер жизнедеятельности современного общества, а также в выявлении перспектив и угроз внедрения самообучающихся нейросетевых алгоритмов и технологий искусственного интеллекта в коммуникационные процессы, разворачивающиеся в общественно-политической сфере. Одной из ключевых задач исследования стало определение сценариев возможных социальных изменений в условиях цифровизации общества и трансформации традиционных социальных практик в аспекте появления новых цифровых субъектов массовой общественной коммуникации, формирующих псевдоструктуру цифрового взаимодействия людей. В качестве методологической оптики в работе использованы метод дискурс-анализа научных исследований, посвященных внедрению и применению технологий искусственного интеллекта и самообучающихся нейросетей в процессах общественно-политической цифровизации, а также метод критического анализа актуальной коммуникационной практики в социально-политической сфере.

---

* **Володенков Сергей Владимирович**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: s.v.cyber@gmail.com; **Федорченко Сергей Николаевич**, кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и права, Московский государственный областной университет (Мытищи, Россия), e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., 2021   DOI: 10.31249/poln/2021.03.02

Одновременно с этим при анализе актуальной практики цифровизации зарубежных стран использовался метод case-study. В свою очередь, для определения сценариев трансформации традиционного социального пространства и социальных практик был применен метод сценариотехник и сценарного прогнозирования. В результате исследования сделан вывод о том, что внедрение технологических решений на основе алгоритмов искусственного интеллекта и самообучающихся нейросетей в современные процессы социально-политической коммуникации формирует потенциал возникновения проблемы определения и самоопределения субъектов коммуникативных актов в социально-политической сфере жизнедеятельности современного государства и общества. По итогам проведенного исследования показано, что искусственный интеллект и самообучающиеся нейросетевые алгоритмы все более широко имплементируются в актуальную практику современных цифровых коммуникаций, формируя высокий потенциал информационно-коммуникационного воздействия на массовое сознание технологических решений, уже не требующих управления собою со стороны операторов – людей. В работе также делается вывод о том, что в актуальной практике социальных взаимодействий в цифровом пространстве человек сталкивается с новым явлением – интерфейсизацией, в рамках которого самокоммуникация стимулирует универсализацию и стандартизацию цифрового поведения, создавая, распространяя, усиливая и навязывая особые цифровые ритуалы. В статье обосновывается, что цифровые ритуалы стирают грань между активностью цифровых аватаров на базе искусственного интеллекта и активностью реальных людей, в результате чего возникает потенциал утраты человеком собственной субъектности в цифровом универсуме.

Ключевые слова: субъект коммуникации; цифровая коммуникация; массовое сознание; искусственный интеллект; нейросетевые алгоритмы; цифровое общество; трансформация социальных практик; гибридная субъектность.

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 37–53. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.02>

Введение

Современная цифровизация общественно-политических процессов характеризуется своей высокой интенсивностью. Тренд на цифровизацию представляется нам сегодня глобальным и долгосрочным. В рамках данного тренда особый интерес представляют «умные» алгоритмы и технологии искусственного интеллекта, а также самообучающихся нейросетей, которые в последние годы стремительно эволюционируют. Одним из показателей подобной эволюции является не только существенное увеличение инструментального потенциала искусственного интеллекта в области

обработки и анализа больших данных в цифровом пространстве, но и формирование способности осуществлять в различных сферах жизнедеятельности современного общества коммуникацию с живыми людьми в автоматическом режиме.

Как показывает анализ актуальной практики, разработанные на сегодняшний день технологии искусственного интеллекта и алгоритмы самообучающихся нейронных сетей уже демонстрируют возможности успешного и при этом, по сути, самостоятельного общения с человеком, используя для этого анализ массивов пользовательских цифровых данных и последующего самообучения. При этом технологии искусственного интеллекта и нейросетей не только развиваются и эволюционируют – они интенсивно внедряются в актуальную практику массовых цифровых коммуникаций, проникая во все больший спектр сфер жизни современного общества.

Сегодня технологии искусственного интеллекта и самообучающихся нейронных сетей научились самостоятельно создавать и транслировать различный контент целевым аудиториям пользователей, основываясь на имеющихся у них особенностях восприятия окружающего мира, специфике субъективных представлений о социально-политической действительности, а также учитывая содержание и структуру групповых и индивидуальных ценностно-смысловых моделей мировоззрения и поведения. Таким образом, программный алгоритм, либо программно-аппаратный комплекс потенциально может осуществлять более эффективную коммуникацию с человеком, воздействуя на его взгляды, представления, а также поведенческие паттерны. И такого рода алгоритмы все более активно используются в цифровом пространстве глобальными платформами для достижения своих целей, в связи с чем появился концепт «капитализма платформ» [Срничек, 2019].

В условиях обладания, по сути, монополий на информационно-коммуникационное воздействие на своих пользователей, каждая из подобных платформ имеет на сегодняшний день мощные возможности формирования групповых представлений практически в любой сфере жизнедеятельности человека. В связи с этим обеспокоенность и внимание со стороны ученых к технологическим гигантам в аспекте реализации их потенциала влияния в общественно-политической сфере были лишь вопросом времени.

Нам представляется вполне закономерным, что в последние годы к теме применения технологий искусственного интеллекта и

нейросетей в социально-политической сфере привлечено большое внимание ученых и специалистов, а различным аспектам использования искусственного интеллекта в современных социальных и политических процессах посвящено значительное количество научных работ (см., например: [Федорченко, 2020; Быков, 2020; Baecker, 2019; Срничек, 2019; Ларина, Овчинский, 2018; Lovink, 2016; Kosinski, Stillwella, Graepel, 2013]¹).

В нашем представлении традиционная социальная сфера, а также сфера общественно-политических коммуникаций могут быть особо чувствительными к технологическим трансформациям – в силу того, что они характеризуются наличием ярко выраженных смысловых, идеологических, ценностных и символических компонент, которые, по сути, и определяют содержание процессов социального взаимодействия. Насколько нейросетевые алгоритмы и технологии искусственного интеллекта способны сохранить ценностно-смысловое и символическое содержание традиционных социальных интеракций, не редуцируя содержательные компоненты классического коммуникационного взаимодействия? Очевидно, что ответ на данный вопрос не является на сегодняшний день очевидным, и мы находим здесь определенные вызовы для развития общества.

Так, одним из потенциальных вызовов может стать проблема субъектности общественно-политических коммуникаций. В случае активного внедрения в традиционные процессы общественно-политической коммуникации самообучающихся программных алгоритмов, способных осуществлять самостоятельное информационно-коммуникационное взаимодействие с реальными пользователями цифрового пространства, возникает вопрос определения реальных субъектов соответствующих коммуникационных актов. Является ли нейросетевой алгоритм полноценным субъектом коммуникации? Чьи интересы он представляет в процессах информационно-коммуникационного взаимодействия, самостоятельно обучаясь и эволюционируя?

Нам представляется, что подобные вопросы приобретают особое звучание в условиях существования в онлайн-пространстве

---

¹ См. также: Artificial intelligence and international security / M.C. Horowitz, P. Scharre, G.C. Allen, K. Frederick, A. Cho, E. Saravalle. – Washington : Center for a New American Security (CNAS), 2018. – Mode of access: <https://www.cnas.org/publications/reports/artificial-intelligence-and-international-security> (accessed: 01.04.2021).

глобальных социальных сетей и ресурсов социальных медиа, в рамках функционирования которых активно формируются и реализуются процессы цифровых самокоммуникаций между пользователями, выступающими не только получателями информации, но и являющимися полноценными генераторами контента, а также инициаторами коммуникационных взаимодействий. В подобного рода цифровой среде самокоммуникаций, где существуют сотни миллионов создателей, распространителей и получателей информационного контента, внедрение в процессы сетевой коммуникации технологических решений, основанных на алгоритмах искусственного интеллекта и нейросетей и способных симулировать реального пользователя, еще острее ставит проблему определения субъектности коммуникации.

Безусловно, поставленными вопросами не ограничивается круг проблем, вызовов и рисков, связанных с цифровизацией современного общества и внедрением в актуальную практику общественно-политического взаимодействия технологий искусственного интеллекта и нейросетей. Однако даже очерченная нами проблематика является, по нашему мнению, важной для научного осмысления.

Обзор специальных исследований

Что касается вопроса изучения феномена субъектности в условиях современной цифровизации, многие авторы скептически оценивают роль Интернета в изменении субъектности, с одной стороны, полагая, что возникновение сетевых коммуникаций кардинально не меняет существующую структуру власти и социума, с другой – все же признавая возникновение феномена «сверхвласти», угадывающейся в ряде трендов [Родькин, 2016, с. 62–63]: росте псевдосубъектов коммуникации с ложными социальными идентичностями, автоматизации контроля, дегуманизации коммуникативных приемов, унификации идей в рамках виртуализации, вытеснении масс в Интернет при закреплении «права на реальность» в качестве привилегии элит и т.п. Р. Барбрук в качестве источника некорректного подхода к анализу современной субъектности видел так называемую «калифорнийскую идеологию», сторонники которой считали, что информационные технологии

непрерывно усиливают индивида, его субъектность в противостоянии национальному государству [Барбрук, 2015, с. 38].

В целом можно выделить ряд направлений, где есть серьезная перспектива разработки модели субъектности в условиях возникшего феномена самокоммуникации. Во-первых, наиболее активным драйвером современных разработок в области нейронных сетей и искусственного интеллекта является «сервисно-технологическое направление» как форма симбиотических отношений современного государства и IT-корпораций. Данное направление продолжает сегодня развиваться в рамках концепции «государства как платформы», предложенной в свое время А. Хельмондом, приравнявшим правительственную политику к сфере услуг [Helmond, 2015]. Наибольший интерес через призму этого подхода представляют две тенденции в современных коммуникациях – аватаризация и интерфейсизация. Аватаризация как массовое распространение цифровых аватаров у реальных людей была обусловлена самим сервисным подходом цифровых платформ – для того, чтобы человек смог получить какую-либо услугу, а самое важное – получить право на доступ к самому процессу коммуникации, ему было необходимо «загрузить» часть данных своей личности в цифровой аватар на соответствующей цифровой платформе. Тем самым субъектность на рубеже XXI в. обрела свою коммуникационную форму в виде цифрового аватара.

Другой стороной аватаризации стало возникновение цифровых аватаров «виртуальных чиновников» и «виртуальных политиков». Однако практически сразу возникли риски ложных цифровых аватаров, перед искусственным интеллектом которых интересантами ставилась задача по имитации активности как реальных людей, так и их официальных «виртуальных представителей». Сопутствующий процесс интерфейсизации был связан, с одной стороны, с внедрением общих алгоритмов, шаблонов функционала для пользователя цифрового аватара, с другой стороны, навязыванием цифровых ритуалов – стандартизированных моделей поведения пользователя при пользовании аватаром в процессе коммуникации (лайки, дизлайки, посты, репосты, просмотр новостей, селфи, комментарии, life-трансляция и т.п.).

Второе исследовательское направление связано с «теорией богатства медиавозможностей», получившей свою известность благодаря трудам Р. Ленгеля и Р. Дафта, предположивших, что

богатая и разнообразная информация должна доходить до человека посредством таких же разнообразных коммуникационных технологий [Daft, Lengel, 1986]. Несмотря на критику данной теоретической модели, появились современные политологические работы, использующие концепт медиавозможностей для анализа применения чат-ботов с искусственным интеллектом на ресурсах цифрового правительства [Androutsopoulou et al., 2019].

Теория богатства медиавозможностей, в принципе, соотносится с законом необходимого разнообразия У. Эшби, который гласит, что эффективное управление возможно при соответствии разнообразия управленческих техник со стороны субъекта разнообразию управляемого объекта. Но гораздо раньше Эшби к подобной аналитической схеме подошел российский ученый А.А. Богданов [Локтионов, 2016]. Фактически Богданов описал свойства сетевых коммуникаций до эпохи Интернета, называя их «сеткой из нитей», выделяя центральную «эгрессию» и укрепляющие ее «дегрессивные объединения». Если на место этих богдановских категорий поставить политического актора (представителя элиты, государства, правящей партии) и подчиненных его интересам, но одновременно способных к самокоммуникации ботов на основе искусственного интеллекта, то мы получаем особую гибридную субъектность, целью которой является все то же классическое подчинение объекта управления.

Гибридная субъектность интересна тем, что она на деле маскирует, скрывает от граждан реального актора, нацеленного на политико-управленческий процесс, через приемы имитации человеческой коммуникации технологиями, алгоритмами нейронных сетей и искусственного интеллекта. Достаточно представить себе, что модераторы виртуальных сообществ и активные участники социальных сетей будут на самом деле «интеллектуальными» ботами, которые начнут самокоммуницировать между собой, инициировать дискурс, конструировать и распространять фейки, ставить лайки и дизлайки, комментировать видео, «троллить» политического оппонента, влиять на политическую повестку.

В теоретическую рамку гибридной субъектности также хорошо ложатся весьма проницательные идеи И.А. Исаева о так называемой «мегамашине власти». По его мнению, данная «машина» сначала, на заре человеческой истории, являлась во многом мифологическим представлением о некоем порядке и создавалась для прикладных

задач – постепенного расширения власти над людьми и природой, через разные компоненты – политические, хозяйственные, военные, бюрократические и т.п. Но самым важным ее признаком, по мнению Исаева, стали управленческие технологии на основании манипуляций с цифрами. Таким образом, и архаичные, и современные технологии управления руководствовались одной и той же максимой «число – рациональное основание политического» [Исаев, 2019].

Таким образом, мы можем заметить, что эволюция технологий искусственного интеллекта и потенциал их применения в социально-политической сфере являются весьма активно разрабатываемой на протяжении длительного времени учеными и специалистами научной проблемой, не имеющей сегодня однозначного решения и универсального подхода.

Полученные результаты

Как демонстрирует анализ актуальной практики цифровизации, современные технологии позволят уже в ближайшем будущем заменить индивида алгоритмом нейронной сети, функцией которого станет осуществление информационно-коммуникационной активности от лица реального пользователя на основе анализа предпочтений пользователя и его предыдущего опыта, усвоенного искусственным интеллектом. По сути, ничто не мешает алгоритмам нейросетей осуществлять коммуникацию от имени различных акторов в процессах их социального взаимодействия.

Как заметил еще пять лет назад Шон Гурли, «искусственный интеллект и алгоритмы обучения сделают почти невозможным отличить роботов от людей, а настоящие новости – от подделки. И мы увидим появление более автоматизированной вычислительной пропаганды – ботов, использующих сложные структуры искусственного интеллекта, устраняющих необходимость в том, чтобы люди управляли профилями. Алгоритмы будут не только читать новости, но и писать их. Они будут алгоритмически адаптированы к каждому человеку и использованы для изменения их политических убеждений или для манипулирования их действиями»¹.

---

¹ *Gourley S.* Get ready for the robot propaganda machine // WIRED. – 2015. – February. – Mode of access: <http://www.wired.co.uk/article/robot-propaganda> (accessed: 01.04.2021).

Особо отметим, что нейронные сети могут обучаться не только в рамках логики человека и на его опыте, в результате чего созданный ими ценностно-смысловой контент может оказаться абсолютно не связанным с интересами человека. В связи с этим важным представляется вопрос о том, как будут развиваться алгоритмы нейронных сетей, освобожденные от «ручного управления». В этом отношении весьма показателен эксперимент Microsoft по внедрению нейросетевого комплекса Tay с элементами эмоционального интеллекта в сервис микроблогов Twitter. В результате самообучения, основанного на анализе результатов сетевого взаимодействия с реальными пользователями Twitter, Tay «радикализовался» и, как следствие, стал поддерживать радикальные идеи, поддерживая политику Гитлера и геноцид, а также оскорбляя феминисток. Крайне неудовлетворительные результаты были получены и при обучении искусственного интеллекта в рамках аналогичного проекта китайских специалистов [Ху, 2018], когда разработанные боты (Xiao Bing и BabyQ) стали демонстрировать критическую позицию в отношении действующего в стране политического режима. Перечисленные прецеденты показывают риски ценностного обучения искусственного интеллекта в рамках традиционного интерфейса «человек-бот».

Уже сегодня анализ современной коммуникативной практики в интернет-пространстве показывает, что в последние годы боты-киберсимулякры¹ все активнее используются в процессах самокоммуникации. Эти виртуальные конструкции интенсивно внедряются в коммуникационное пространство для организации массовых пользовательских дискуссий и управления ими в пространстве социальных сетей, что позволяет формировать эффект общественного мнения, влияющего на мнение онлайн-пользователей. Постепенно цифровое пространство массовых самокоммуникаций все больше наполняется манипулятивным и пропагандистским контентом, и киберсимулякры стали играть значительную роль в процессах воздействия на массовое сознание в Интернете, выступая в качестве инициаторов и активных участников массовых дискуссий, связанных с анализом и интерпретацией социально-политических явлений и событий, а также развитием коллективных смыслов в процессах онлайн-самокоммуникации [Bazarkina, Pashentsev, 2019].

---

¹ Киберсимулякр – виртуальная личность, функционирующая в интернет-пространстве и имитирующая репрезентацию реального пользователя сети.

Окруженный в пространстве социальных сетей киберсимулякрами, имитирующими реальных пользователей, а также алгоритмами нейронных сетей, которые генерируют персонализированный контент на основе анализа личности, человек попадает в цифровую информационную капсулу, в которой субъекты коммуникаций не понятны, а во многих случаях симулированы. Более того, в рамках такой капсулы человек становится лишь управляемым объектом технологического формирования убеждений, смыслов, представлений о социально-политической реальности [Lovink, 2016].

Тесно связан с процессами киберсимулякризации феномен цифровой аватаризации, которая означает не только распространение аккаунтов реальных людей для их подключения к процессу коммуникации, но и возникновение цифровых аватаров виртуальных личностей на основе искусственного интеллекта. Так, в актуальную политическую практику активно внедряются «виртуальные политики» [Федорченко, 2020]. Например, в Новой Зеландии на базе искусственного интеллекта был разработан проект SAM, который вел диалоги с пользователями в социальных сетях и готовился тем самым к всеобщим выборам в 2020 г. В Японии искусственный интеллект Michihito Matsuda имел собственную предвыборную программу и занял третье место на выборах Тамы (часть Токио). Однако что произойдет с социумом, если боты «виртуальных политиков» и «виртуальных чиновников» полностью перейдут в режим самокоммуникации, взаимодействуя с людьми лишь только по необходимости через свои антропоморфные цифровые аватары?¹

Кроме того, анализ современной практики цифровых коммуникаций демонстрирует, что мы все чаще сталкиваемся с процессами формирования интерфейса, в рамках которого при самостоятельном общении начинают учитываться не уникальные особенности, интересы личности, а некие «стандарты коммуникации». Политический интерфейс, создаваемый алгоритмами нейронных сетей и использующий разработки искусственного интеллекта, приобретает характер «машины власти» с функционалом универсализации и стандартизации [там же]. Поскольку цифровые

---

¹ Примечательно, что американская компания Avaaya уже анонсировала создание первой платформы для чат-ботов, благодаря которой они смогут взаимодействовать между собой для повышения собственной эффективности и расширения возможностей пользователей.

ритуалы продолжают развиваться в контексте формирования самосвязи, они фактически стирают границу между активностью киберсимулякров, основанных на искусственном интеллекте, и деятельностью реальных людей, в результате чего человек теряет субъективность в цифровом пространстве.

При этом ученые выделяют и такое явление, как асимметрию интерфейса «человек-машина», когда, чтобы компенсировать ограниченность доступа компьютера и интеллектуальной техники к действиям человека, разработчики изначально создавали такой дизайн систем, который бы частично принуждал пользователей к выполнению определенной процедуры последовательных шагов. Само политическое в таком интерфейсе формируется из-за возникновения авокации (термин К. Чешера) – специфических условий, которые побуждают реальных людей как интегральных актантов становиться составной частью целой технологической системы социоматериального характера (Г. Ловинк в своей «Критической теории интернета» пишет о схожем феномене социотехнической системы). В этой системе возникают инвокации – действия, определяющие параметры коммуникации, а также эвокации – системные изменения, влияющие на материальную жизнь и авокации [Сачмен, 2019, с. 184, 408].

Если учитывать гипотезу о том, что пик глобализации пройден [Жуков, 2020], то в скором времени важнейшие информационно-коммуникационные системы будут локализованы в виде «национальных зон» различных политических режимов. На этом этапе аватаризации может произойти более глубокая интерфейсизация, которая завершится конструированием вокруг каждого политического режима собственного политического интерфейса из стандартизированных и обязательных правил коммуникации. В результате возможен окончательный «захват» политическими интерфейсами цифровых аватаров собственных граждан через стандартизацию алгоритмов нейросетей и унификацию правил коммуникации «гражданин – гражданин», «гражданин – власть», «гражданин – машина» в приложениях, порталах, сообществах. Такой социотехнический порядок может базироваться на механизме самокоммуникации, в рамках которого многие задачи политических партий, министерств, организаций переходят к интеллектуальным системам, взаимодействующим между собой на принципах самосвязи. Партия, министерство или политик, уже не

способные обработать огромный объем информации в новых социотехнических условиях и вынужденные пользоваться услугами ботов, обретают гибридную субъектность.

И здесь актуальным становится вопрос о том, как гражданин сможет сохранить независимость в выборе цифрового контента в процессах потребления информации. Анализируя активность пользователей, искусственный интеллект способен самостоятельно выбирать и предлагать источники информации, публикации, события, наиболее привлекательных политиков и партии, исходя из индивидуальных характеристик и предпочтений индивида [Kosinski, Stillwella, Graepel, 2013]. Кроме того, искусственный интеллект также может продвигать контент для определения повестки дня и управления важностью события¹. В случае реализации такого сценария можно с высокой степенью уверенности прогнозировать существенное снижение степени независимости людей в процессах индивидуального потребления информации, а также утрату навыков и компетенций сознательной работы с информацией и формирования объективных представлений о действительности.

При этом очевидно, что у создателей технологий искусственного интеллекта и алгоритмов нейронных сетей есть свои интересы в политике, экономике и глобальном управлении [Howell, 2011]. Эти интересы могут существенно повлиять на содержательные аспекты функционирования искусственного интеллекта и нейронных сетей в пространстве цифровых коммуникаций. В результате вероятным представляется формирование гибридного коммуникационного пространства, в котором обычный человек станет лишь жертвой столкновения и противостояния различных заинтересованных сторон, обладающих компетенциями создания и применения технологических решений на основе искусственного интеллекта и нейросетей.

---

¹ Artificial intelligence and international security / M.C. Horowitz, P. Scharre, G.C. Allen, K. Frederick, A. Cho, E. Saravalle. – Washington : Center for a New American Security (CNAS), 2018. – Mode of access: <https://www.cnas.org/publications/reports/artificial-intelligence-and-international-security> (accessed: 01.04.2021).

Обсуждение и выводы

Подводя итоги данного исследования, необходимо сделать ряд выводов. В первую очередь следует отметить, что как и любая другая технология, созданная человеком, искусственный интеллект и нейронные сети обладают как созидательным, так и деструктивным потенциалом. Однако данный потенциал формируется преимущественно в рамках тех смысловых парадигм, которые задают содержательные векторы использования цифровых технологий в современном общественно-политическом и социальном развитии.

Как нам представляется, именно человек является основным создателем векторов технологического развития на данном этапе развития человеческой цивилизации. И именно от человека зависит то, каким образом будут применяться современные цифровые инструменты, какие интересы, ценности и смыслы будут определять дальнейшую технологическую эволюцию, будет ли цифровизация носить гуманистический характер. В связи с этим активное внедрение технологий искусственного интеллекта и самообучающихся нейронных сетей в различные сферы жизни современного государства и общества, по нашему мнению, неизбежно связано как с возникновением широкого спектра возможностей в сфере демократизации современных государств и общественного развития, так и с формированием целого ряда потенциальных угроз, рисков и вызовов для современного общества.

Основной спектр актуальных ключевых угроз, рисков и вызовов для современного общества мы видим именно в плоскости возможной утраты человеком своей субъектности, что с высокой степенью вероятности может привести к редукции возможностей индивида в процессах познания мира и формирования объективного восприятия действительности, а также к снижению способности человека критически воспринимать и оценивать окружающий мир.

В качестве одного из экстремальных, но при этом вполне вероятных сценариев технологического развития мы допускаем такую редукцию социума, при котором самообучающиеся нейронные сети и алгоритмы искусственного интеллекта будут коммуницировать друг с другом от лица индивидов на основе изучения и анализа их персональных цифровых профилей, при этом не только без их участия, но и с их согласия, формируя тем самым социальные нормы, в которых человек будет исключен из традиционного социального

взаимодействия под эгидой его личной безопасности и персонального комфорта¹. Данный сценарий может быть успешно реализован в рамках формирования технократического тоталитарного государства.

Что касается политической сферы, то здесь, по нашему мнению, существует значительный потенциал для использования технологий искусственного интеллекта и самообучающихся нейронных сетей в процессах установления режимов цифрового контроля и цифровых диктатур², основанных на манипулировании массовым сознанием и ограничении возможности гражданина свободно получать объективную общественно-политическую информацию, а также делиться ею с другими гражданами без ограничений, подвергаясь в случае несанкционированной коммуникационной активности легитимному насилию со стороны государства.

В этой связи мы хотели бы закончить свою работу пророческими словами Бенджамина Барбера о том, что «если мы измеряем власть потенциалом монополии и контроля над информацией и коммуникациями, очевидно, что новая технология может стать опасным помощником тирании. Даже в отсутствие сознательных злоупотреблений со стороны правительства этот потенциал может ограничить нашу свободу, посягнуть на нашу частную жизнь и нанести ущерб нашему политическому равенству. Нет тирании более опасной, чем невидимая и мягкая тирания, при которой субъекты становятся соучастниками своих жертв и порабощение является результатом обстоятельств, а не намерений. Технологии не обязательно неизбежно коррумпируют демократию, но нельзя игнорировать ее потенциал для благого господства» [Barber, 1998].

---

¹ При этом мы допускаем, что такого рода коммуникационные практики могут осуществляться не только между разными нейросетевыми ресурсами, но и в рамках единого нейросетевого пространства, обеспечивающего «коммуникацию» между своими пользователями в рамках единой цифровой платформы, комфортно «капсулируя» пользователей в границах единого ресурса.

² Такая диктатура может функционировать в режиме цифрового паноптикума, в котором индивид не только не имеет возможности свободно общаться с другими людьми, формировать независимые суждения, свободно делиться своим мнением с другими, но даже не представляет, насколько реален субъект, с которым он взаимодействует.

S.V. Volodenkov, S.N. Fedorchenko*
Subjectness of digital communication in the context
of technological evolution of the Internet: features
and transformation scenarios¹

Abstract. The work aimed to study the peculiarities of the subjectness of the phenomenon of digital communication in the context of intensive digitalization of key spheres of life of modern society, as well as to identify the prospects and threats of introducing self-learning neural network algorithms and artificial intelligence technologies into communication processes unfolding in the social and political sphere. One of the study's key objectives was to identify scenarios of possible social changes in the context of society digitalization and the traditional social practices transformation in terms of the emergence of new digital subjects of mass public communication that form the pseudo structure of digital interaction between people. As a methodological optics, the work used the method of discourse analysis of scientific research devoted to the implementation and application of artificial intelligence technologies and self-learning neural networks in the processes of socio-political digitalization, as well as the method of critical analysis of current communication practice in the socio-political sphere. At the same time, when analyzing the current practice of digitalization in foreign countries, the case study method was used. In turn, to determine the scenarios for the transformation of traditional social space and social practices, the method of scenario techniques and scenario forecasting was applied. As a research result, it was concluded that the introduction of technological solutions based on artificial intelligence algorithms and self-learning neural networks into contemporary socio-political communication processes creates the potential for the problem of identifying the subjects of communicative acts in the socio-political sphere of the contemporary society life. Based on the results of the study, it is shown that artificial intelligence and self-learning neural network algorithms are increasingly being implemented in the current practice of contemporary digital communications, forming a high potential for information and communication impact on the mass consciousness of technological solutions that no longer require self-control from human operators. The work also concludes that in the current practice of social interactions in the digital space, a person faces a new phenomenon – interfaceization, within which self-communication stimulates the universalization and standardization of digital behavior, creating, disseminating, strengthening, and imposing special digital rituals. The article proves that digital rituals blur the line between digital avatars' activity based on artificial intelligence and the activity of real people, resulting in the potential for a person to lose their own subjectness in the digital universe.

---

* **Volodenkov Sergey**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: s.v.cyber@gmail.com; **Fedorchenko Sergey**, Moscow Region State University (Mytishchi, Russia), e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

¹ This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Keywords: subject of communication; digital communication; mass consciousness; artificial intelligence; neural network algorithms; digital society; transformation of social practices; hybrid subjectness.

For citation: Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Subjectness of digital communication in the context of technological evolution of the Internet: features and transformation scenarios. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 37–53. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.02>

References

- Androutsopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots. *Government information quarterly*. 2019, Vol. 36, N 2, P. 358–367. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.10.001>
- Baecker R.M. *Computers and society: modern perspectives*. Oxford : Oxford university press, 2019, 548 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198827085.001.0001>
- Barber B. Three scenarios for the future of technology and strong democracy. *Political science quarterly*. 1998, Vol. 113, N 4, P. 573–589. DOI: <https://doi.org/10.2307/2658245>
- Barbrook R. *The internet revolution. From dot-com capitalism to cybernetic communism*. Moscow : Ad Marginem press, 2015, 128 p. (In Russ.)
- Bazarkina D., Pashentsev E. Artificial intelligence and new threats to international psychological security. *Russia in global affairs*. 2019, Vol. 17, N 1, P. 147–170. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170>
- Bykov I.A. Artificial intelligence as a source of political thinking. *Journal of political research*. 2020, Vol. 4, N 2, P. 23–33. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33> (In Russ.)
- Daft R.L., Lengel R.H. Organizational information requirements, media richness and structural design. *Management science*. 1986, Vol. 32, N 5, P. 554–571. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.32.5.554>
- Fedorchenko S. Artificial intelligence phenomenon: citizen between digital avatar and political interface. *Journal of political research*. 2020, Vol. 4, N 2, P. 34–57. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-34-57> (In Russ.)
- Helmond A. The platformization of the web: making web data platform ready. *Social media + society*. 2015, Vol. 1, N 2. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2056305115603080>
- Howell A. *Madness in international relations: psychology, security, and the global governance of mental health*. London : Routledge, 2011, 186 p.
- Isaev I.A. *Technologies of power. Power of technology*. Moscow : Prospekt, 2019, 144 p. (In Russ.)
- Kosinski M., Stillwell D., Graepel Th. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2013, Vol. 110, N 15, P. 5802–5805. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1218772110>
- Larina E., Ovchinskiy V. *Artificial intelligence. Big Data. Crime*. Moscow : Knizhnyj mir, 2018, 416 p. (In Russ.)

- Loktionov M.V. Alexander Bogdanov – the founder of General systems theory. *Philosophy of science and technology*. 2016, Vol. 21, N 2, P. 80–96. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2016-21-2-80-96> (In Russ.)
- Lovink G. *Social media abyss: critical internet cultures and the force of negation*. Cambridge and Malden : Polity press, 2016, 220 p.
- Rodkin P.E. *Media and society. Three attempts to reveal the subject of power: a critical essay*. Moscow : Sovpadenie, 2016, 72 p. (In Russ.)
- Srnicек N. *Platform capitalism*. Moscow : HSE Publishers, 2019, 128 p. (In Russ.)
- Suchman L. *Human-machine reconfigurations: plans and situated actions*. Moscow : Jelementarnye formy, 2019, 488 p. (In Russ.)
- Xu Y. Programmatic dreams: technographic inquiry into censorship of chinese chatbots. *Social Media + Society*. 2018, Vol. 4, N 4. DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305118808780>
- Zhukov D.S. Artificial intelligence for society and government: the future has already begun in China. *Journal of political research*. 2020, Vol. 4, N 2, P. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Барбрук Р. Интернет-революция: от капитализма доткомов к кибернетическому коммунизму. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 128 с.
- Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // *Журнал политических исследований*. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 23–33. – DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>
- Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае // *Журнал политических исследований*. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 70–79. – DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79>
- Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии. – М. : Проспект, 2019. – 144 с.
- Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. – М. : Книжный мир, 2018. – 416 с.
- Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // *Философия науки и техники*. – 2016. – Т. 21, № 2. – С. 80–96. – DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2016-21-2-80-96>
- Родькин П.Е. Медиа и социум. Три попытки вскрыть субъект власти : критический очерк. – М. : Совпадение, 2016. – 72 с.
- Сачмен Л. Реконфигурация отношений человек – машина: планы и ситуативные действия. – М. : Элементарные формы, 2019. – 488 с.
- Срничек Н. Капитализм платформ. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.
- Федорченко С.Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // *Журнал политических исследований*. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 34–57. – DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-34-57>

А.Ю. СУНГУРОВ, Д.А. АРКАТОВ*

ОБ ЭЛЕКТРОННОМ И ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ УЧАСТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Аннотация. Мировой тенденцией публичной политики становится внедрение механизмов электронного участия – технологически обусловленных каналов взаимодействия гражданского общества и государства, которые могут включать как консультирование органов власти на электронных площадках, так и прямое участие в государственном управлении. Несмотря на попытки осмыслить данный феномен, наше понимание электронного участия остается ограниченным. Данная работа является попыткой обзора исследовательской области с целью подчеркнуть, что мы уже знаем об электронном участии и его соотношении с традиционными формами. Выявлено наличие факторов, приводящих к низкой эффективности как традиционных, так и электронных форм общественного участия. Офлайн-формы зачастую встречаются с сопротивлением бюрократии и нежеланием граждан участвовать в общественном контроле. Онлайн-делиберация решает часть проблем, однако формирует новые. Сделан вывод о необходимости дальнейших исследований в ключе места и соотношения электронного и традиционного общественного участия.

---

* **Сунгуров Александр Юрьевич**, доктор политических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: asungurov@mail.ru; **Аркатов Дмитрий Александрович**, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: darkatov@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Общественно-консультативные советы как институты влияния экспертного сообщества и гражданских организаций на принятия политико-управленческих решений в г. Санкт-Петербурге» № 20-04-007 по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (НУГ).

© Сунгуров А.Ю., Аркатов Д.А., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.03.03

Ключевые слова: общественное участие; электронное участие; публичная политика; доверие; проблемы.

Для цитирования: Сунгуров А.Ю., Аркатов Д.А. Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 54–71. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.03>

В рамках современных подходов к анализу процессов публичной политики (public policy) большое внимание уделяется развитию различных форм общественного участия в процессах принятия и реализации политико-управленческих решений [Сунгуров, 2017]. Представители властных структур стремятся к широкому вовлечению граждан в политико-управленческий процесс, что обусловлено представлением о том, что реализуемые политические курсы должны быть легитимными [Archon, 2007]. Включая заинтересованные группы в процесс управления, органы власти решают проблему с информационной асимметрией, повышают качество реализуемой политики и легитимность принятых решений [Tomor et al., 2019].

На фоне падения эффективности старых практик государственного управления и благодаря развитию интернет-технологий появляются стимулы для внедрения инновационных практик вовлечения граждан [Dunleavy, 2005]. Для реализации подобного уровня вовлечения государственные органы прибегают к формированию различных механизмов электронного участия – технологически обусловленных каналов коммуникации и взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти и управления с целью улучшения качества принимаемых решений [Sæbø, Rose, Skiftenes, 2008; Бродовская, Тюков, 2020; Электронное участие: концептуализация..., 2020].

Одни исследователи видят интернет-технологии как путь по направлению к реальному участию граждан в деятельности власти, к развитию делиберативной демократии [Diamond, 2010; Jho, Song, 2015], другие проявляют скепсис, отмечая их существенные недостатки [Кабанов, 2018]. И электронное, и традиционное общественное участие испытывают как административные проблемы, так и проблемы вовлеченности населения [Lichfield, 2005].

О традиционном общественном участии мы знаем немного, а результаты противоречивы [Marzuki, 2015]. Еще меньше известно об электронном участии [Кабанов, 2018]. Что известно об этих

двух формах? С чем сталкивается современное общественное участие, и как его электронная форма соотносится с традиционными каналами?

Статья не предполагает всеобъемлющего ответа, однако ее цель в суммировании того, что мы уже знаем об этих формах участия граждан, и в попытке обозначить потенциальные направления для дальнейших исследований.

Общественное участие: взгляды на феномен

Традиционно общественное участие рассматривается через призму «лестницы гражданского участия» Ш. Арнштейн, сформулированной еще в 1969 г. [Arnstein, 1969]. Она предполагает классификацию широкого спектра процедур по своему наполнению – от полного неучастия и имитационных мер до граждан, полностью управляющих процессом принятия решений. Однако современный набор институционализированных форм участия редко затрагивает верхние уровни и ограничивается «партнерством» граждан и органов власти [Rowe, Frewer, 2013]. Поэтому более адекватной матрицей является типология Претти: она в большей степени характеризует реальные формы общественного участия (в основном консультирование), а также учитывает фактор все чаще встречающейся самоорганизации [Pretty, 1995].

Сегодня список формализованных форм общественного участия не мал, но чаще всего включает публичные слушания или локальные референдумы, а также опросы общественного мнения [Petts, 1997]. Однако данный список не является закрытым и варьируется в страновом разрезе. Так, в России, кроме стандартных форм, присутствует институт личных обращений [Богданова, 2014]. Кроме того, в разных государствах встречаются различные формы консультативных гражданских советов.

Общественное участие (в традиционном виде) представляется исключительно в положительном смысле, где оно должно служить способом влияния граждан на политики, осуществляемые в их отношении [Slocum et al., 1995]. Однако единого мнения в литературе о его природе не сложилось.

Исследователи государственного администрирования предлагают две перспективы. Первая говорит о том, что демократи-

ческий и бюрократический процессы в своем корне – противоречащие феномены [Neshkova, Guo, 2012]. Осуществление публичной политики требует профессиональных навыков и знания области. Сами граждане, имея возможность участвовать, не готовы тратить время и силы на контроль осуществляемых политик и не обладают достаточными компетенциями [Stivers, 1990]. Общественное участие видится слишком бюджетно затратным и тормозящим эффективное государственное управление. Кроме того, и исследователи, и бюрократы сходятся во мнении, что существует больший риск преваляирования интересов какой-то конкретной группы, нежели всей заинтересованной публики. Таким образом, данная перспектива представляет, что любая форма общественного участия и качество администрирования имеют негативную зависимость [Robbins, Simonsen, Feldman, 2008]. Потому такие распространенные формы участия, как публичные слушания, видятся малоэффективными: их имплементация невыборными властями – зачастую их дань принципу необходимости вовлечения широкой публики, нежели стремление к учету рекомендаций. В этой ситуации и публика, и бюрократы часто довольствуются видимостью вовлечения, а общественное участие «проваливается» на манипулятивный уровень [Wiedemann, Femers, 1993].

Есть и противоположная точка зрения, иллюстрирующая общественное участие в положительном ключе. Предполагается, что оно имеет нормативные и инструментальные эффекты: формирует у общества знания о процессе управления и политиках, стимулирует низовую самоорганизацию, существенно улучшает качество политики [Sirianni, 2009]. Кроме того, экспертность бюрократов и их консультантов ограничена, они не способны предвидеть все последствия принятых решений, а «внешние знания» представителей общества, как показывают систематические обзоры, действительно способствуют качественным исходам в реализации политик [Beierle, Cayford, 2002]. Однако, как это работает на практике?

Практика традиционного общественного участия

Российская практика дает некоторое представление о том, с чем может сталкиваться общественное участие. Интересным

иллюстративным примером общественного участия являются российские индивидуальные обращения [Богданова, 2014]. К.В. Подъячев считает, что обращения граждан выполняют три функции: *правозащитную, информационную и коммуникационную*. Обращения как юридический институт являются одним из средств защиты прав граждан. Также они являются для государственного аппарата источником сведений о проблемах граждан. Сами обращения могут быть средством коммуникации между государством и гражданами, служить своего рода каналом воздействия [Подъячев, 2007].

Однако есть и исследования, показывающие ранее отмеченные тенденции: обращения решают проблемы отдельных граждан или групп, а не сообществ, а также страдают от формализма, когда гражданину дается ответ в установленные законом сроки, а решения по проблеме не принимается [Кульпина, Прудник, 2010].

Во многом такой форме участия политическим руководством отводится роль низового контроля: сами обращения редко бывают эффективными с точки зрения решения проблемы заявителя, но их содержание анализируется в региональных и федеральных органах власти, где они могут осуществлять контроль за эффективностью низовой бюрократии.

Возможность проведения общественных слушаний в России была заложена еще в 1995 г. в рамках № 174-ФЗ. В явном виде публичные слушания фигурировали уже в другом Федеральном Законе № 131-ФЗ. Полное закрепление институт общественных слушаний получил в № 212-ФЗ. Целью общественных слушаний является обсуждение актуальной проблемы для данного города или региона, которое сопровождается выраженным итогом в виде итогового голосования, которое позволяет определить позицию участников слушаний по этой проблеме. Общественные слушания в своей сути существуют для обеспечения независимого анализа проблем управления и решения их с учетом мнения затрагиваемых групп [Нездюров, 2008].

Тенденции в этой области совпадают с описанными западными исследователями. Граждане не видят возможностей для влияния на институты власти, не принимают коллективных действий для влияния на политики [Бондаренко, 2008]. Так как в России отсутствует обязательность учета результатов слушаний, создается ситуация, когда граждане выступают статистами для органов

власти. Бюрократия интерпретирует результаты удобным для нее образом. Также невыборные власти воспринимают общественное участие как поле консультаций по благоустройству – они видят граждан как некомпетентных для распределения бюджетных средств или определения приоритетов развития [Фролова, 2016]. Проблемы с общественными слушаниями усиливает низкая информированность граждан о работе органов власти, а также информационная закрытость системы администрирования [Князева, 2004]. Нередко, в том числе и в России, бюрократы не питают ожиданий от общественного участия, что приводит к превращению его в имитационное участие по типологии Прети [Timothy, 1999]. Правда, ранее отмечалось, что существуют и ровно противоположные тенденции, поэтому публичные слушания требуют дальнейшего изучения.

Интересной особенностью в российском контексте обладает практика партисипаторного бюджетирования. В изначальной форме – это возможность для граждан распределять определенную часть бюджета одного из уровней по своему усмотрению [Vagin, 2019]. По критериям лестницы Арнштейн – это высшая форма вовлечения, предполагающая гражданское управление. Однако в своей традиционной форме оно может подвергаться влиянию таких же тенденций, что и публичные слушания. В данном случае – это превращение ПБ в соучаствующее проектирование, где граждане по принципу самообложения финансируют свои же проекты, либо предлагают их через проектный офис региона, что больше напоминает самоорганизацию Претти, нежели гражданский контроль Арнштейн [Вагин, Шаповалова, 2016]. Кроме того, бюрократия создает смежные проекты, которые искажают суть инициативы и дистанцируют граждан от участия в управлении.

Электронное общественное участие: основные характеристики

В попытках решить проблемы традиционного общественного участия в системе государственного управления стали появляться механизмы электронного участия. Мировая практика свидетельствует, что сегодня спектр каналов электронного общественного участия широко варьируется от подачи жалоб главам администра-

тивно-территориальных образований и представителям законодательных органов («электронные приемные») до распределения части средств бюджета и определения его статей посредством онлайн-дискуссий [Wirtz, Daiser, Binkowska, 2018]. Часто такие каналы являются технологически модифицированными вариантами традиционных форм общественного участия, однако их отличает одна специфика: они чаще всего создаются для работы по одной специфической проблеме [Santamaria-Philco, 2019].

Существует две точки зрения на то, какова роль подобных каналов в публичной политике [Stratu-Strelet et al., 2021]. С одной стороны, предполагается, что электронное вовлечение лишь усиливает существующие практики общественного участия: исследования показывают, что отсутствует зависимость между существованием электронного участия и изменением в количестве активных граждан в публичной сфере [Lunat, 2008]. Однако известно, что электронное участие привлекает акторов, ранее не заинтересованных в участии в политическом процессе либо представленных в нем недостаточно [Coleman et al., 2008].

Будут ли участвовать граждане в электронным взаимодействии с публичными организациями, часто зависит от уровня доверия к институтам власти [Lee, Kim, 2018]. Зачастую люди, воспринимающие действующие органы власти как не отвечающие их интересам, дистанцируются от политического процесса [Kim, 2005]. Здесь же наблюдается и обратная зависимость – гражданское общество, в котором уровень доверия к существующим институтам власти высок, активнее участвуют во взаимодействии с ней и широко поддерживают технологические инициативы правительств, выражают желание пользоваться ими [Bélanger, Carter, 2008].

Важным аспектом является доверие к технической инфраструктуре ОГВ – ресурсам электронного участия необходимо быть процессуально прозрачными, что позитивно сказывается на степени вовлечения граждан [Tolbert, Mossberger, 2006]. Какой тип доверия первичен при имплементации электронного участия – все еще предмет споров. Граждане гораздо легче способны довериться функциональным аспектам площадок, чем правительству, обеспечивающему их функционирование [Sweeney, 2008].

Риск манипуляций на площадках электронного участия часто воспринимается как высокий – он связан не только с манипуляциями со стороны власти-оператора, но также касается и защиты

данных от несанкционированного доступа со стороны преступников [Sachs, Schossböck, 2019]. Граждане больше настроены на электронное участие, если платформой управляет независимая НКО, а ПО базируется на открытом исходном коде [Parycek, Rinnerbauer, Schossböck, 2017].

На внутристрановую специфику адаптации часто влияют отдельные аспекты работы исполнительных органов власти. Горизонтальные взаимосвязи органов власти – на одном уровне управления (например, субъектном) [Royo, Yetano, Acerete, 2014]. Если представители единиц АТД часто обмениваются опытом или находятся в прямой конкуренции, это стимулирует развитие онлайн-делиберации. И хотя было доказано, что электронное участие развивается в межстрановой перспективе по другим паттернам, нежели классическая диффузия инновации, внутри государств данный механизм является рабочим [Sobaci, Erygit, 2015].

Для локального случая показано, что важным фактором становится то, насколько необходимым считает глава муниципалитета внедрение электронного участия. Если он находится в прямом контакте с жителями и имеет опыт работы с подобными ИКТ, качество внедрения электронных площадок растет [Ganapati, Reddick, 2014]. Важным фактором является поддержка со стороны региональных органов власти, а также нормативно-правовое обеспечение функционирования инструментов электронного участия [Norris, Reddick, 2013].

Электронное участие в России во многом повторяет паттерны его развития в других странах. Связь часто носит односторонний характер, что обычно ведет к крайне скромным результатам с точки зрения влияния на реализуемые политики [Royo, Yetano, 2015].

Мониторинговые исследования показывают, что региональные и муниципальные власти активно внедряют разные типы каналов, включая партисипаторное бюджетирование, однако наиболее функциональными остаются обращения по поводу проблем городской инфраструктуры, а также порталы электронных петиций [Кабанов, Панфилов, Чугунов, 2020]. В отличие от западных порталов, российские часто носят «гибридный» характер, совмещающая в себе ресурс открытого бюджета, подачи петиций и получения информации об актуальных государственных и муниципальных программах.

Стоит отметить, что развитие данных практик в России часто является следствием давления федерального центра [Kabanov, Sungurov, 2016]. Элементы e-governance находятся в большой зависимости от комплекса факторов, и отсутствие адекватного регламентирования и организационной поддержки может приводить к созданию имитационных инструментов: таких, которые создаются для символического выполнения требований и показателей [Meije, 2015].

Кроме того, зачастую удачная имплементация электронного участия сопряжена не только с внедрением самой инновации, но и с работой с организационной культурой невыборных властей. Даже большой спрос на такие ресурсы со стороны представителей гражданского общества не приведет к существенным изменениям, если представители институтов власти не видят в вовлечении граждан в процесс управления какой-то пользы [Hofmann, 2014]. Поэтому часто в мониторинговых исследованиях можно видеть выпадения заметного процента ресурсов из выборки – информация на некоторых из них не обновляется годами, и они дисфункциональны [Кабанов, Панфилов, Чугунов, 2020].

В современной России каналы подачи электронных жалоб получили большее развитие за счет возможности быстрого получения информации о состоянии инфраструктуры города и потенциальной повышенной скорости реакции: данные ресурсы часто имеют систему отслеживания реакции на обращения, а повторный запрос направляется непосредственно ответственному лицу индивидуально [Рыбальченко, Чугунов, 2018]. Также, за счет широкой интеграции с системами электронного правительства, это позволяет осуществлять быстрый контроль за эффективностью работы низовых структур со стороны федерального центра [Lorentzen, 2013]. Существенным преимуществом электронных жалоб, особенно на фоне других онлайн-каналов, является четкая правовая регламентация – процесс осуществления реагирования на жалобу по большей части прозрачен, что вкупе с существованием механизма народного контроля позволяет добиваться определенных результатов [Кабанов, Федяшин, Чугунов, 2019]. Существует и технологический аспект – применение современных технологий анализа данных позволяет снизить издержки модерации и быстрее обработать обращения, что также повышает конечное качество государственного управления [Беген, Рыбальченко, Чугунов, 2020].

Однако данные ресурсы проигрывают традиционным по обширности использования и доверию со стороны граждан. Люди предпочитают личный контакт с представителями власти, а электронными приемными и петициями пользуются меньше десятой части населения [Видясова, Видясов, Тензина, 2019]. Граждане в большей части доверяют правительственным технологиям, а не самому правительству, при этом существующие возможности электронной делиберации их не привлекают, что вполне соответствует трендам в других странах [Pérez-Morote, Pontones-Rosa, Núñez-Chicharro, 2020].

Сегодня неотъемлемым элементом института общественного участия становятся электронные петиции – системы электронной делиберации, предполагающее публичное предоставление предложений граждан органам власти [Филатова, Чугунов, 2013]. Предполагается, что инициатива размещается на портале и должна набрать определенный порог голосов при параллельном обсуждении, после которого она будет в обязательном порядке рассмотрена специальными комитетами¹. Создание таких электронных каналов преследует цель привлечения широкого спектра идей граждан к реализации в публичной политике с большим охватом по социальным группам, однако практика показывает серьезные вариации по социальным, территориальным и другим признакам [Chugunov, Kabanov, Zenchenkova, 2016].

Показательным случаем является «Российская общественная инициатива». Непосредственно участие в процессе требует серьезных затрат времени на оформление доступа к ЕСИА, голосование за инициативу не является анонимным, требуется преодоление большого порога голосов. Кроме того, существуют амортизирующие институты в виде комиссий, что снижает вероятность имплементации инициативы до минимума [Кабанов, 2016]. С учетом широких территориальных диспропорций, разной плотности населения и их социальноэкономического положения и доступа к ИКТ, вероятность эффективного использования такого ресурса понижается еще больше [Sedova, 2015].

---

¹ О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 4 марта 2013 г. № 183.

Это показывает важность корректного институционального дизайна при использовании таких платформ [Wright, Street, 2007]. Ошибки в определении пропорций голосов, сложные процедуры рассмотрения и утверждения инициатив приведут к падению доверия к органам власти и их ресурсам, что делает создание платформ электронного участия бессмысленной альтернативой традиционным формам участия [Kim, 2015].

Электронным вариантом общественных слушаний являются порталы электронных консультаций. Подобные ресурсы позволяют осуществлять онлайн-референдумы по вопросам развития регионального и городского пространства, выбирая наиболее приоритетные направления [Перезолова, 2015]. Здесь появляется больше возможностей для имитации: зачастую решения, выносимые на голосования, заранее подготовлены внутри ответственных органов власти, а гражданам лишь предлагается выбрать из того списка, что им предоставлен [Волошинская, 2016]. Таким образом, власти могут решать проблемы, прежде всего интересующие их, а не граждан, а кроме того, симулировать их вовлечение в управленческий процесс и повышать удовлетворение от проводимых политик [Schlauffer, 2020].

Заключение

Представленный анализ литературы позволяет сделать вывод о наличии различных оценок возможностей как традиционных видов общественного участия, так и участия электронного. Важными аспектами эффективности общественного участия становятся институциональная среда, уровень низовой самоорганизации и профессионализм представителей власти, уровень доверия к ним. Электронное участие к тому же требует наличия развитой технической инфраструктуры, технической грамотности граждан и правильного дизайна. Участие с помощью интернет-технологий дает возможность преодоления традиционных форм взаимодействия жителей и власти, но формирует новые диспропорции в возможности участия в деятельности власти.

Об электронном участии как институте нам известно немного. Представляется полезным для будущих исследований обратить внимание на то, на каком этапе эффективнее всего вовлечение

граждан в «гражданский контроль», что обеспечивает необходимую транспарентность процесса и наибольшее повышение заинтересованности граждан и как соотносится внедрение таких инноваций с традиционными формами участия.

A.Yu. Sungurov, D.A. Arkatov*

Electronic and traditional public participation in modern public policy

Abstract. Around the World, public policy is experiencing the growth of e-participation – ICT-based ways of interaction on public matters between state and general public. These may include online-consultations or participatory decision-making. Despite the scholars' effort to extensively study the phenomena, we still know little of e-participation. This review article seeks to compile what do we know of e-participation at the moment and how does it compare to traditional ways of public participation. It was showed that both traditional and digital participation are contradictory. The former is often resisted by bureaucracy and does not enjoy much of people's attention. The latter offers some solutions but brings new challenges. We further conclude the need for continuous studies of e-participation, offering the venues for the academic community.

Keywords: public participation; e-participation; public policy; trust; challenges.

For citation: Sungurov A.Yu., Arkatov D.A. Electronic and traditional public participation in modern public policy. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 54–71. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.03>

References

- Archon F. Democratic theory and political science: a pragmatic method of constructive engagement. *American political science review*. 2007, Vol. 101, N 3, P. 443–458. DOI: <https://doi.org/10.1017/s000305540707030x>
- Arnstein Sh.R. A Ladder of citizen participation. *Journal of the American institute of planners (JAIP)*. 1969, Vol. 35, N 4, P. 216–224. DOI: <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>
- Begen P.N., Rybalchenko P.A., Chugunov A.V. Improving the system of electronic interaction between citizens and authorities using artificial intelligence technologies: experience of the “Our St. Petersburg” Portal, 2019–2020. *Information Resources of Russia*. 2020, N 4, P. 30–36. (In Russ.)
- Beierle T., Cayford J. *Democracy in practice: public participation in environmental decisions*. Cambridge : Resources for the future, 2002, 162 p.

---

* **Sungurov Alexander**, HSE University – Saint Peterburg (St. Petersburg, Russia), e-mail: asungurov@mail.ru; **Arkatov Dmitriy**, HSE University – Saint Peterburg (St. Petersburg, Russia), e-mail: darkatov@hse.ru

- Bélanger F., Carter L. Trust and risk in e-government adoption. *The journal of strategic information systems*. 2008, Vol. 17, N 2, P. 165–176. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2007.12.002>
- Bogdanova E.A. The Soviet experience of regulating the labor relations. *The journal of sociology and social anthropology*. 2006, Vol. 9, N 1, P. 77–90. (In Russ.)
- Bogdanova E.A. Researching complaints: traditions and perspectives. Introduction. *Laboratorium*. 2014, N 6 (3), P. 8–12. (In Russ.)
- Bondarenko Yu.P. *The emergence and development of social activity in a local government of an average city*. Ekaterinburg, 2008, 19 p. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Tyukov N.A. Methodology of applied political research of civic activism in social media of modern Russia. *Vlast'*. 2020, N 2, P. 199–204. (In Russ.)
- Chugunov A., Kabanov Y., Zenchenkova K. Russian e-Petitions Portal: exploring regional variance in use. In: Tambouris E. (ed.). *Electronic participation lecture notes in computer science*. Cham : Springer international publishing, 2016, P. 109–122.
- Chugunov A.V., Filatova O.G. (eds). *E-Participation: conceptualization and practice in Russia*. St. Petersburg : Aleteja, 2020, 254 p. (In Russ.)
- Coleman R., Lieber P., Mendelson A.L., Kurpius D.D. Public life and the internet: if you build a better website, will citizens become engaged? *New media & Society*. 2008, Vol. 10, N 2, P. 179–201. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444807086474>
- Diamond L. Liberation technology. *Journal of democracy*. 2010, Vol. 21, N 3, P. 69–83. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.0.0190>
- Dunleavy P. New public management is dead-long live digital-era governance. *Journal of public administration research and theory*. 2005, Vol. 16, N 3, P. 467–494. DOI: <https://doi.org/10.1093/jopart/mui057>
- Filatova O.G., Chugunov A.V. Electronic interaction between society and the power: formation of the concept and the practice of realization in Russia. *Administrative consulting*. 2013, N 8 (56), P. 57–67. (In Russ.)
- Frolova E.V. Interactions between local government and citizens: issues and new ways. *Sociological research*. 2016, Vol. 4, N 384, P. 59–64. (in Russ.)
- Ganapati S., Reddick C.G. The use of ICT for open government in U.S. Municipalities: perceptions of Chief Administrative Officers. *Public performance & Management review*. 2014, Vol. 37, N 3, P. 365–387. DOI: <https://doi.org/10.2753/pmr1530-9576370302>
- Hofmann S. Just because we can – governments' rationale for using social media. In: *ECIS 2014 Proceedings*, 2014.
- Jho W., Song K.J. Institutional and technological determinants of civil e-participation: solo or duet? *Government information quarterly*. 2015, Vol. 32, N 4, P. 488–495. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.09.003>
- Kabanov Y., Sungurov A. E-Government development factors: evidence from the Russian regions. In: Chugunov A.V. (ed.). *Digital transformation and global society communications in computer and information science*. Cham : Springer international publishing, 2016, P. 85–95.
- Kabanov Yu.A. E-Participation and a hybrid regime; the case of “Russian Public Initiative”. In: *V International scientific and practical conference "Social computing: foundations, development technologies, social and humanitarian effects*. Moscow : RANEPA, 2016, P. 129–130. (In Russ.)

- Kabanov Yu.A. What is beyond the Façade? Research program of e-participation in non-democracies. *Perm University Herald. Political science*. 2018, N 3, P. 50–66. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-50-66> (In Russ.)
- Kabanov Yu.A., Chugunov A.V., Fediashin S.V. Development of the electronic “Reception Desks” in the Russian regions: pilot survey results of 2017–2018. *Information resources of Russia*. 2019, N 3, P. 32–36. (In Russ.)
- Kabanov Yu.A., Panfilov G.O., Chugunov A.V. E-Participation platforms monitoring in Russia: methods and results. *State and citizens in the electronic environment*. 2020, N 4, P. 572–573. (In Russ.)
- Kim S.-E. The Role of trust in the modern administrative state: an integrative model. *Administration & Society*. 2005, Vol. 37, N 5, P. 611–635. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095399705278596>
- Knyazeva E.A. The emergence of self-governance: interactions of citizens and local governments. Nizhnii Novgorod, 2004, 25 p. (In Russ.)
- Kulpina K.P., Prudnik A.V. Citizens’ Complaints as a palliative for public participation. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2010, N 1, P. 155–167.
- Lee J., Kim S. Citizens’ e-participation on agenda setting in local governance: do individual social capital and e-participation management matter? *Public management review*. 2018, Vol. 20, N 6, P. 873–895. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2017.1340507>
- Lichfield N. *Community impact evaluation: principles and practice*. London : Routledge, 2005, 384 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203991282>
- Lorentzen P.L. Regularizing rioting: permitting public protest in an authoritarian regime. *QJPS*. 2013, Vol. 8, N 2, P. 127–158. DOI: <https://doi.org/10.1561/100.00012051>
- Lunat Z. The internet and the public sphere: evidence from civil society in developing countries. *The electronic journal of information systems in developing countries*. 2008, Vol. 35, N 1, P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1681-4835.2008.tb00240.x>
- Marzuki A. Challenges in the Public Participation and the Decision Making Process. *Sociologija i proctor*. 2015, Vol. 53, N 1, P. 21–39. DOI: 10.5673/sip. 53.1.2
- Meijer A. E-governance innovation: barriers and strategies. *Government information quarterly*. 2015, Vol. 32, N 2, P. 198–206. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.01.001>
- Neshkova M., Guo H. Public participation and organizational performance: evidence from state agencies. *Journal of public administration research and theory*. 2012, Vol. 22, N 2, P. 267–288. DOI: 10.1093/jopart/mur038
- Nezdyurov A.L. Public hearings as a mechanism of social partnership. In: Shadrin A.E. (ed.). *Social partnership and development of civil society institutes in regions and municipalities*. Moscow : Social Information Agency, 2008, P. 114–128. (In Russ.)
- Norris D.F., Reddick C.G. E-democracy at the American grassroots: Not now ... not likely? *Information polity*. 2013, Vol. 18, N 3, P. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.3233/ip-130312>
- Parycek P., Rinnerbauer B., Schossböck J. Democracy in the digital age: digital agora or dystopia. *IJEG*. 2017, Vol. 9, N 3–4, P. 185. DOI: <https://doi.org/10.1504/ijeg.2017.088224>
- Perezolova A.S. City e-Referendums: case study of the project “Active CITIZEN”. *Vlast’*. 2015, N 2, P. 108–113. (In Russ.)
- Pod'yachev K.V. *Appeals to the public authorities as a form of public participation*. Moscow, 2007, 30 p. (In Russ.)

- Pretty J. Participatory learning for sustainable agriculture. *World development*. 1995, Vol. 23, N 8, P. 1–19. DOI: 10.1016/0305–750 X (95) 00046-F
- Robbins M., Simonsen B., Feldman B. Citizens and resource allocation: improving decision making with interactive web-based citizen participation. *Public administration review*. 2008, Vol. 68, N 3, P. 564–575. DOI: <https://doi.org/0.1111/j.1540-6210.2008.00891.x>
- Rowe G., Frewer L. Public participation methods: a framework for evaluation. *Science technology and human values*. 2013, Vol. 25, N 1, P. 3–29. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224390002500101>
- Royo S., Yetano A. “Crowdsourcing” as a tool for e-participation: two experiences regarding CO₂ emissions at municipal level. *Electron Commer research*. 2015, Vol. 15, N 3, P. 323–348. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10660-015-9183-6>
- Royo S., Yetano A., Acerete B. E-Participation and environmental protection: are local governments really committed? *Public administration review*. 2014, Vol. 74, N 1, P. 87–98. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.12156>
- Rybalchenko P.A., Chugunov A.V. E-Participation system development in St. Petersburg: the case of “our Petersburg” portal, 2014–2018. *Information resources of Russia*. 2018, N 6 (166), P. 27–34. (In Russ.)
- Sachs M., Schossböck J. Acceptance of tools for electronic citizen participation. In: Panagiotopoulos P. (ed.). *Electronic participation lecture notes in computer science*. Cham : Springer international publishing, 2019, P. 35–46.
- Sæbø Ø., Rose J., Skiftenes F.L. The shape of eParticipation: characterizing an emerging research area. *Government information quarterly*. 2008, Vol. 25, N 3, P. 400–428. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2007.04.007>
- Santamaria-Philco A., Canos C.J.H., Penades G.M.C. Advances in e-Participation: a perspective of last years. *IEEE Access*. 2019, Vol. 7, P. 155894–155916. DOI: <https://doi.org/10.1109/access.2019.2948810>
- Schlauffer C. Why do nondemocratic regimes promote E-participation? The case of Moscow’s active citizen online voting platform. *Governance*. 2020, e12531, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12531>
- Sedova N.N. The formats, factors, and social base of civic activism in Today’s Russia. *Sociological research*. 2015, Vol. 54, N 4, P. 284–306. DOI: <https://doi.org/10.1080/10610154.2015.1123531>
- Sirianni C. *Investing in democracy: engaging citizens in collaborative governance*. Washington, DC : Brooklyn institution press, 2009, 306 p.
- Slocum R., Wichhart L., Rocheleau D., Thomas-Slayter B. *Power, process and participation: tools for change*. Rugby : Practical Action, 1995, 251 p.
- Sobaci M.Z., Eryigit K.Y. Determinants of E-Democracy adoption in Turkish municipalities: an analysis for spatial diffusion effect. *Local government studies*. 2015, Vol. 41, N 3, P. 445–469. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2014.995296>
- Stivers C. The Public agency as polis: active citizenship in the administrative state. *Administration & Society*. 1990, Vol. 22, N 1, P. 86–105. DOI: 10.1177/009539979002200105

- Stratu-Strelet D. et al. Critical factors in the institutionalization of e-participation in e-government in Europe: Technology or leadership? *Technological forecasting and social change*. 2021, Vol. 164, P. 120489. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120489>
- Sungurov A.Yu. Public policy: Basic Directions of Research (World and Russian Experience). *Public policy journal*. 2017, N 1, P. 8–28. (In Russ.)
- Sweeney A.D.P. Electronic government-citizen relationships: exploring citizen perspectives. *Journal of information technology & Politics*. 2008, Vol. 4, N 2, P. 101–116. DOI: <https://doi.org/10.1080/19331680802076165>
- Timothy D. Participatory planning a view of tourism in Indonesia. *Annals of tourism research*. 1999, Vol. 26, N 2, P. 371–391. DOI: 10.1016/S0160-7383(98) 00104-2
- Tolbert C.J., Mossberger K. The effects of E-Government on trust and confidence in government. *Public administration review*. 2006, Vol. 66, N 3, P. 354–369. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2006.00594.x>
- Tomor Z., Meijer A., Michels A., Geertman S. Smart governance for sustainable cities: findings from a systematic literature review. *Journal of urban technology*. 2019, Vol. 26, N 4, P. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.1080/10630732.2019.1651178>
- Vagin V.V. The Monitoring of initiative budgeting development in Russian regions: methodology and practice of organization. *Financial journal*. 2019, N 2, P. 51–64. DOI: 10.31107/2075–1990–2019–2–51–64.
- Vagin V.V., Shapovalova N.A. Participatory budgeting and adjacent activities. *Financial Analytics: Science and Experience*. 2016, N 38, P. 2–19.
- Vidiasova L.A., Vidiasov E.Yu., Tensina I.D. A Study of social trust in information technology in the provision of electronic public services and the use of electronic participation portals (Case Study of St. Petersburg, Russia). *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019, N 5, P. 43–57. (In Russ.)
- Voloshinskaia A.A. E-Participation in Russia: a new way for communication between the government and the civil society or a digital «Potemkin villages»? *Information society*. 2016, N 1, P. 40–47. (In Russ.)
- Wiedemann P., Femer S. Public participation in waste management decision making: Analysis and management of conflicts. *Journal of Hazardous materials*. 1993, Vol. 33, N 1, P. 355–368. DOI: 10.1016/0304-3894(93) 85085-S
- Wirtz B.W., Daiser P., Binkowska B. Integrated model of E-Participation. In: Farazmand A. (ed.). *Global encyclopedia of public administration, public policy, and governance*. Cham : Springer international publishing, 2018, P. 1–6.
- Wright S., Street J. Democracy, deliberation and design: the case of online discussion forums. *New media & Society*. 2007, Vol. 9, N 5, P. 849–869. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444807081230>

Литература на русском языке

- Беген П.Н., Рыбальченко П.А., Чугунов А.В. Совершенствование системы электронного взаимодействия власти и граждан с использованием технологий искусственного интеллекта: развитие портала «Наш Санкт-Петербург» в 2019–2020 гг. // Информационные Ресурсы России. – 2020. – № 4. – С. 30–36.

- Богданова Е.А. Исследования жалоб: традиции и перспективы. Введение // *Laboratorium*. – 2014. – № 6(3). – С. 8–12.
- Богданова Е.А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «В ожидании заботы» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2006. – Т. 9, № 1. – С. 77–90.
- Бондаренко Ю.П. Становление и развитие социальной активности населения в местном самоуправлении типичного среднего города : автореферат дисс. ... канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2008. – 19 с.
- Бродовская Е.В., Тюков Н.А. Методология и методика прикладного политического исследования гражданского активизма в социальных медиа современной России // *Власть*. – 2020. – № 2. – С. 199–204.
- Вагин В.В., Шаповалова Н.А. Инициативное бюджетирование и смежные практики // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. – 2016. – № 38. – С. 2–19.
- Видясова Л.А., Видясов Е.Ю., Тензина Я.Д. Исследование социального доверия информационным технологиям при предоставлении электронных государственных услуг и использовании порталов электронного участия (кейс Санкт-Петербурга) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2019. – № 5. – С. 43–57.
- Волошинская А.А. «Электронное участие» в России: новый инструмент взаимодействия государства и общества или электронная потемкинская деревня? // *Информационное общество*. – 2016. – № 1. – С. 40–47.
- Кабанов Ю.А. Что скрывается за «фасадом»? Исследовательская программа электронного участия в недемократических странах // *Вестник Пермского университета. Политология*. – 2018. – № 3. – С. 50–66.
- Кабанов Ю.А., Федяшин С.В., Чугунов А.В. Развитие электронных приемных в регионах Российской Федерации: результаты пилотного исследования в 2017–2018 гг. // *Информационные ресурсы России*. – 2019. – № 3. – С. 32–36.
- Кабанов Ю. Электронное участие и гибридный режим: случай «Российской общественной инициативы» // V Международная научно-практическая конференция «Социальный компьютинг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты». – Москва, РАНХиГС, 2016. – С. 129–130.
- Кабанов Ю., Панфилов Г.О., Чугунов А.В. Мониторинг ресурсов электронного участия в России: методика и результаты // *Государство и граждане в электронной среде*. – 2020. – № 4. – С. 572–573. – DOI: <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2020-4-61-72>
- Князева Е.А. Становление местного самоуправления: взаимодействие населения с местными органами власти : автореф. дисс. ... канд. соц. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 25 с.
- Кульпина К.П., Прудник А.В. Обращения граждан как паллиатив гражданского участия в самоуправлении и социальной политике // *Вестник Института социологии (электронный научный журнал)*. – 2010. – № 1. – С. 155.
- Нездюров А.Л. Публичные (общественные) слушания как механизм социального партнерства // *Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодей-*

- ствия : практическое пособие / под ред. А.Е. Шадрина. – М. : Агентство социальной информации, 2008. – С. 114–128.
- Перезолова А.С.* Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный Гражданин» // Власть. – 2015. – № 2. – С. 108–113.
- Подъячев К.В.* Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия : автореф. дисс. канд. полит. наук. – М., 2007. – 30 с.
- Рыбальченко П.А., Чугунов А.В.* Развитие системы электронного взаимодействия граждан с властями в Санкт-Петербурге: опыт портала «Наш Петербург», 2014–2018 гг. // Информационные Ресурсы России. – 2018. – № 6 (166). – С. 27–34.
- Сунгуров А.Ю.* Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 8–28.
- Филатова О.Г., Чугунов А.В.* Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России // Управленческое консультирование. – 2013. – № 8 (56). – С. 57–67.
- Фролова Е.В.* Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. – 2016. – № 4 (384). – С. 59–64.
- Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России : коллективная монография / Под ред. А.В. Чугунова, О.Г. Филатовой. – СПб. : Алетейя, 2020. – 254 с.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

А.В. ТУРОБОВ, М.Г. МИРОНЮК*

ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ДИНАМИКИ АЛГОРИТМИЗАЦИИ (ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА) В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ США¹

Аннотация. Как меняется система безопасности государства под влиянием технологии искусственного интеллекта (ИИ)? В статье предлагается эмпирическая модель оценивания системы безопасности государства (на примере США) на основе показателя согласованности (консистентности) безопасности, измеряющего то, как государство оценивает угрозы (показатель угрозы), а также наличный уровень возможностей для их отражения (показатель возможностей) применительно к технологиям искусственного интеллекта. Показатель согласованности (консистентности) безопасности, по сути, описывает то, как государство способ-

---

* **Туробов Алексей Владимирович**, научный сотрудник Факультета социальных наук, преподаватель Департамента политики и управления, аспирант аспирантской школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: aturobov@hse.ru; **Миронюк Михаил Григорьевич**, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mmironyuk@hse.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20–011–31658. Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам за критику, а также В.В. Кабернику (МГИМО МИД России) и Д.В. Стефановичу (ИМЭМО РАН имени Е.М. Примакова) за поддержку и ценные предложения.

но оценивать угрозы (показатель угроз), и отвечает на вопрос, обладает ли государство необходимым уровнем возможностей для их отражения (показатель возможностей).

Разработанная модель (а также концептуализация технологии искусственного интеллекта в контексте сферы обеспечения безопасности) предоставляет свидетельства того, «как» происходят изменения в сфере обеспечения безопасности при помощи эмпирической модели, и представляет собой инструмент для изучения соответствующих изменений и оценки системы обеспечения безопасности государства. Необходимо обозначить ограничение исследования: мы не рассматриваем непосредственные военные приложения в области автоматизации и алгоритмизации (технологии искусственного интеллекта).

Валидизация представленной эмпирической модели проводилась на кейсе США (анализу подлежат восемь временных промежутков, а именно: 1999, 2002, 2006, 2010, 2012, 2015, 2017, 2019 гг.). Примечательно то, как меняются с развитием самой технологии «заинтересованность» государства и определение угроз, а также стремительный рост возможностей технологии искусственного интеллекта (в годы максимального прогресса в вычислительных мощностях и появления новых алгоритмов), а с 2012 г. динамика – более поступательная, так как все новые и новые «открытия» имеют скорее не революционный, а эволюционный характер.

Отличительной чертой модели является ее масштабируемость, которая выражается в возможности замены технологии искусственного интеллекта на любой другой тип цифровых технологий. В результате появляется возможность проследить динамику изменений системы безопасности государства, но уже применительно к иным технологиям, а затем проводить сравнительный анализ стран.

Ключевые слова: безопасность; исследования безопасности; модель; искусственный интеллект; оценка угроз; система безопасности государства.

Для цитирования: Туробов А.В., Миронюк М.Г. Эмпирическая модель анализа динамики алгоритмизации (технологии искусственного интеллекта) в сфере обеспечения безопасности на примере США // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 72–111. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.04>

Введение

Футурологи, публицисты и, наконец, исследователи все больше утверждают (правда, первые скорее «предвидят» и, возможно, стараются предупредить), что технологии, обозначаемые понятием «искусственный интеллект», меняют привычный уклад во внутренней и международной безопасности, трансформируют сферу обеспечения безопасности и, вероятно, требуют иного подхода ко всей системе безопасности.

Но как именно меняется система безопасности государства под влиянием распространения «искусственного интеллекта» (ИИ)?

Некоторые исследователи высказывают опасения, что расширение возможностей обычных вооружений при помощи искусственного интеллекта усугубляет риск непреднамеренной эскалации, вызванной объединением ядерного и стратегического неядерного оружия и возрастающей скоростью войны, тем самым подрывая стратегическую стабильность и увеличивая риск ядерной конфронтации [Johnson, 2020]. Также указывается, что передовые возможности, такие как автономные рои дронов и гиперзвуковое оружие, управляемые ИИ, будут иметь дестабилизирующее воздействие на стратегическом уровне конфликта и более того – значительно увеличат скорость и темп ведения боевых операций [Ibid., p. 29–30]. С прагматической точки зрения, ИИ интегрируется в выполнение боевых задач с целью улучшения знаний об оперативной обстановке, о возможностях противника, а также обеспечивает скорость и точность наступательных и оборонительных вооружений [Davis, 2019]. Специальный выпуск журнала «Диалог о безопасности» (Security Dialogue) за 2017 г. полностью посвящен проблематике ИИ, подводя читателей к мысли о росте неопределенности будущего (как бы людям ни хотелось обратного), причем в сфере безопасности, а также поднимает проблемы принятия решений в сфере обеспечения безопасности в условиях как раз еще большей неопределенности¹ [Amoore, Raley, 2017].

Другая сторона ИИ в сфере обеспечения безопасности рассматривается М. Фергюсоном (через призму проблемы «черного ящика» алгоритмов). Исследователь утверждает, что военное командование должно быть сосредоточено на информировании высших руководителей оборонных ведомств и политиков о том, чего НЕ может сделать ИИ и что может пойти не так [Ferguson, 2019, p. 141]. Иными словами, важно помнить, что сколько возможностей предлагает ИИ, столько же ответственности эти технологии влекут за собой [Ibid., p. 141].

В целом результаты академических и прикладных исследований и в России², и за рубежом указывают на определенные из-

---

¹ Показательно, что неопределенность, по версии авторов, связана именно с алгоритмами, как будто решения, принимаемые людьми, – исключительно рациональны, прозрачны, понятны и существуют в условиях определенности.

² Обращает на себя внимание то, что в «Энциклопедии РВСН» на официальном сайте Министерства обороны РФ присутствует статья «Искусственный интеллект в военном деле», которая определяет ИИ как область исследований, но

менения (а также фиксируют обеспокоенность или даже тревогу, связанную с такими изменениями) в сфере безопасности под влиянием технологий ИИ. Однако мало исследований фокусируются на рассмотрении того, КАК именно технологии ИИ проникают в сферу обеспечения безопасности, а также КАКИЕ изменения происходят в самой системе безопасности государства. Практически отсутствует понимание того, какой аналитический инструментарий (метод / подход) позволяет проследить такие изменения с возможностью оценки последствий для системы безопасности. Безусловно, экспертные интервью предоставляют некоторую «почву» для исследований, однако попытки «объективного» взгляда на систему безопасности посредством количественной методологии весьма редки. Не преуменьшая значение экспертного знания, мы стремимся его дополнить более верифицируемыми свидетельствами.

Данная статья предоставляет определенные свидетельства того, КАК происходят изменения в сфере обеспечения безопасности при помощи эмпирической модели (инструмента) изучения изменений и оценки системы безопасности государства – на примере США. В работе предлагается эмпирическая модель оценивания системы безопасности государства на основе показателя согласованности (консистентности) безопасности, определяемой как отношение индикатора возможностей технологий ИИ и оценки угроз. Модель согласованности (консистентности) безопасности показывает, как государство способно оценивать угрозы (показатель угроз) с последующим публичным их определением в официальных документах, и определяет то, обладает ли государство необходимым уровнем возможностей для их отражения (показатель возможностей).

Структуру статьи можно представить следующим образом: сначала дается обзор эволюции сферы обеспечения безопасности с целью «локализации» технологий ИИ в ней. Далее мы определяем понятие «искусственный интеллект» (для целей данного исследования). Затем описывается эмпирическая модель, данные и общий дизайн исследования. Учитывая, что речь идет о «системе безо-

---

при этом отмечает реальность внедрения достижений исследований, причем не только для создания «интеллектуальных систем и образцов вооружения (в частности – их бортовых систем управления) различного назначения». Подробнее см.: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=13200@morfDictionary.

пасности», мы рассматриваем два ключевых элемента – возможности технологии и оценка угрозы. Далее приводятся результаты применения модели на примере системы обеспечения безопасности США и, наконец, представляются некоторые выводы нашего исследования.

Важное ограничение – мы не фокусируемся на военнотехническом измерении ИИ. Мы не фокусируемся на многолетнем развитии автоматизированных систем (управления) военного назначения, в том числе бортовых систем и (или) систем управления войсками, поддержки принятия решений и т.п. Мы не оцениваем наличие или отсутствие влияния ИИ на концептуальную составляющую военных технологий и ведения войн. Мы фиксируем, что дискуссии на этот счет идут и далеки от завершения, и предложения авторитетных исследователей и практиков (чаще – отставников) включить дискуссию о перспективах ИИ в контексте ядерного оружия в переговоры по разоружению не утихают, а скорее становятся громче.

Эволюция сферы обеспечения безопасности

Сфера обеспечения безопасности не статична. Наполнение самих конструктов «безопасность» и «угроза» развивается, и границы / сферы распространения национальной безопасности также трансформируются. Традиционно обеспечение безопасности рассматривалось в военных категориях [Wright, 1942; Mead Earle, 1944; Bayley, 1975; Paret, 1986; Baldwin, 1995; Parker, 1996]. Угрозами безопасности воспринимались только те угрозы, которые непосредственно находились в плоскости военной готовности / возможностей государств. Именно поэтому исследования войны и мира являются отдельным направлением академических исследований. Первично исследования были направлены на триаду: State Power – War – Strategy.

После Первой мировой войны зрелости достигает концепция коллективной безопасности [Kennedy, 1987], хотя практики коллективной безопасности (в рамках узких альянсов) – это существенно более раннее явление. Коллективная безопасность не идентична международной безопасности. Коллективная безопасность распространяется только на тех акторов (государства), которые взяли на себя от-

ветственность за поддержание определенного уровня безопасности (по международным соглашениям и договорам). После Второй мировой войны [Wolfers, 1952; Buzan, 1991; Baldwin, 1997] концепция безопасности постоянно модернизировалась, так как сам факт мировой войны продемонстрировал несостоятельность действующих ранее подходов к обеспечению безопасности, и приверженность коллективной безопасности великих держав и даже сверхдержав (с созданием соответствующей системы) становится доминирующей практикой, по крайней мере публично.

Для нас существенно, что изучение опыта холодной войны способствовало входу в широкий оборот с 1991 г. теории секьюритизации [Buzan et al., 1998; Balzacq, 2011] и секторального подхода к безопасности [Buzan, 1991; Buzan, Waever, 2003; Brauch et al., 2008; Floyd, Matthew, 2013; Hanlon, Christie, 2016; Neack, 2017], которые обычно атрибутируются Копенгагенской школе безопасности. Данный подход расширил классические представления о секторах безопасности (не только военная сфера, не только суверенитет государства) и включил экономический, экологический, социальный и политический сектора. Несмотря на критику и объективные недостатки заявляемого подхода (см., например, тезисы Парижской школы безопасности), расширение секторов продолжается. Например, информационная безопасность [Nance, Straub, 1988; Alter, Sherer, 2004; Deshmukh, Ashutosh, 2004; Bulgurcu et al., 2010; Whitman, Mattord, 2011] (информационный сектор) выделяется не просто в отдельный сектор, а пронизывает все сектора безопасности и, по сути, является одним из ключевых. Точно также выделяется кибербезопасность, которая активно «проникает» во все сектора безопасности.

Краткое представление эволюции сферы обеспечения безопасности необходимо для фокусировки понимания безопасности данного исследования. Мы не отождествляем военную безопасность (отсутствие угроз и вызовов военного свойства) с безопасностью государства как таковой. Также следует отметить и специфику рассматриваемого нами государства – США, успешно применяющего логику секьюритизации для сохранения статус-кво в мировой политике.

Соответственно, данное исследование находится в предметном поле исследований безопасности (security studies) и подчинено его логике. Мы умышлено не учитывали какие-то конкретные

военные технологии и / или специфичные системы вооружений и т.д., потому что нас интересует непосредственно «слепок» состояния дел здесь и сейчас – в сфере обеспечения безопасности конкретной страны. Безусловно, все указанные предметные сферы взаимосвязаны, как, собственно, и все в социальных науках. Именно поэтому мы концептуализируем и операционализируем как «безопасность», так и саму технологию ИИ¹, и формируем эмпирическую модель по доступным и верифицируемым данным.

Что такое «искусственный интеллект»?

В рамках данного исследования необходимо (1) установить единообразие в понимании технологий ИИ и (2) концептуализировать технологии ИИ относительно сферы обеспечения безопасности. Решение обеих задач подразумевает первичный анализ академической литературы для получения оптимальной дефиниции с последующей актуализацией определения на основании отчетов (policy reports) и нормативно-правовых актов в сфере обеспечения безопасности.

Существуют разнообразные концепции понимания ИИ, но в широком смысле данный вид цифровых технологий определяют как «интеллектуальные системы со способностью думать и учиться» [Russel, Norvig, 2010]. По сути, это разнородный набор инструментов, методов и конкретных алгоритмов [Jagrahi, 2018]. Различные приложения и методы – от нейронных сетей (и моделей глубокого машинного обучения) до распознавания речи и / или образов и генетических алгоритмов, обработка естественного языка и машинное зрение – объединены «зонтичным» понятием технологий ИИ, на что обращает внимание государство (и государственное управление) [Reis, Santo, Melao, 2019]. Искусственный интеллект также определяется как система, способная независимо интерпретировать внеш-

---

¹ В качестве эпиграфа этого раздела можно привести отрывок небольшой статьи: «По мере того, как нефть вносит существенный вклад в великие геополитические конфликты XX века, политика данных и искусственного интеллекта быстро станет политикой международной безопасности...». Подробнее см.: *Winning the AI Revolution for American Diplomacy* // Warontherocks. – 2020. – Mode of access: <https://warontherocks.com/2020/11/winning-the-ai-revolution-for-american-diplomacy/> (accessed: 01.04.2021).

ние данные и учиться на них для достижения конкретных результатов посредством гибкой адаптации [Kaplan, Haenlein, 2019].

В свою очередь, некоторые исследования указывают, что «искусственного интеллекта не существует» (например, [Galanos, 2018] или [Edwards, 1997], ИИ и роботы являются историческими конструкциями). Рассматривая ИИ (1) как отдельную категорию интеллекта, которая отличается от «естественного» интеллекта и (2) что интеллект является неотъемлемым свойством физических субъектов (например, людей) или объектов (например, роботов) – демонстрируется, что ни первое, ни второе невозможно в рамках привычной социальной философии, так как интеллект – системное явление, а не свойство отдельной единицы [Longino, 2014]. В рамках исследований в социальных науках вполне допустимо существование «зонтичного» понятия технологий ИИ, определяющего совокупность подходов, инструментов и алгоритмов, так как основное «преломление» ИИ – социальное воздействие и социально-политические эффекты. Иными словами, для исследований социальных и политических процессов не имеет значения, насколько «искусственен» или «естественен» интеллект и каков он сам [Vallverdu, 2017], если рассматривать феномены через понимание интеллекта как основного явления с людьми и машинами в качестве его агентов [Galanos, 2018, p. 362].

Несмотря на сложность в понимании и содержательном насыщении технологии ИИ, государства вполне «успешно» вступили в новую «гонку вооружений» в отношении технологий ИИ [Horowitz, 2018; Sharre, 2019; Brose, 2019]. Более того, технологии ИИ по потенциалу и возможностям сравниваются с ядерным оружием [Payne, 2018], и даже ведутся дискуссии о допустимости применения ИИ в области ядерного сдерживания [Johnson, 2020]. Если учесть все разработки и практические результаты технологии ИИ в сферах здравоохранения, логистики, транспорта, коммуникации, экономики и т.д., совсем не удивительно, что правительства разных стран уделяют все больше внимания ИИ. Уже более 20 стран имеют национальные программы в сфере цифровизации и искусственного интеллекта¹, причем одними из последних (по

---

¹ Building an AI World: Report on National and Regional AI Strategies // Cifar. – 2018. – Mode of access: <https://www.cifar.ca/cifarnews/2018/12/06/building-an-ai-world-report-on-national-and-regional-ai-strategies> (accessed: 01.04.2021).

времени) в соперничество за первенство в сфере цифровизации и искусственного интеллекта включились США: в январе 2019 г. президентом США Д. Трампом подписана соответствующая национальная программа развития и внедрения ИИ в экономику, сферу безопасности и социальную сферу.

Согласно отчету «Building an AI World»¹, национальные стратегии ИИ включают как минимум восемь направлений (областей) государственной политики: (1) исследования, (2) развитие талантов, (3) навыки и трудовое будущее, (4) индустриализация технологий искусственного интеллекта, (5) этические стандарты ИИ, (6) данные и цифровая инфраструктура, (7) ИИ в правительстве, (8) инклюзивность и социальное благополучие.

Правительства разных стран используют разные подходы для развития технологий ИИ. Общим является то, что ИИ включается в число ключевых факторов развития и конкурентоспособности государств. Что еще более важно, это один из самых быстрорастущих источников международной конкуренции (как между государствами, так и между компаниями).

Тематическое ядро проблематики алгоритмизации и ИИ рассматривает следующие вопросы:

- применение усложненных алгоритмов в публичном секторе политики [Mikhaylov, Esteve, Campion, 2018];

- допустимость и применимость отправления правосудия при помощи алгоритмов [Ang, Goh, 2013; Aletras et al., 2016; Chen, Eagel, 2017; Martin Katz et al., 2017; Liu, Chen, 2018];

- алгоритмический процесс принятия политических решений² [Kissell, Malamut, 2005; Zarsky, 2016; Coglianese, Lehr, 2017; Tene, Polonetsky, 2018];

- проблемы «черного ящика» алгоритмов и этически-ценностная проблематика [Keskinbora, 2019; Williams et al., 2016; Martin, 2018; Brožek, Janik, 2019], включая предвзятость (bias), «уравнивание», а именно – невозможность эффективного анализа

---

¹ Building an AI World: Report on National and Regional AI Strategies. – 2018. – Mode of access: <https://www.cifar.ca/cifarnews/2018/12/06/building-an-ai-world-report-on-national-and-regional-ai-strategies> (accessed: 01.04.2021).

² Perspective on Issues in AI Governance report from Google. – Mode of access: <https://ai.google/static/documents/perspectives-on-issues-in-ai-governance.pdf> (accessed: 30.04.2021).

уникальных ситуаций; отсутствие морально-нравственных ориентиров [Mittelstadt et al., 2016] и пр.;

– применение алгоритмов в военных целях [Payne, 2018 Ayoub, Payne, 2016; Zegart, Morell, 2019] и / или как инструмент сдерживания (примером может служить дискуссия об использовании ИИ в вопросах мониторинга и развития проектов в области ядерного вооружения и боевого дежурства ядерных систем);

– алгоритмические решения и искусственный интеллект в правоохранительной деятельности [Patil et al., 2014; Lum, Isaac, 2016], в обеспечении социальной безопасности [Devereux, Vincent, 2010] и прогнозировании преступности [Nakaya, Yano, 2010; McClendon, Meghanathan, 2015];

– ИИ как вопрос глобальной безопасности с учетом конкуренции между наиболее влиятельными и технологически продвинутыми странами¹.

Обращаясь непосредственно к специфике понимания ИИ в США², в первую очередь отметим инициативу администрации Президента Трампа «Искусственный интеллект для американского народа» (Artificial Intelligence for the American People³), которая целенаправленно определяет основные этапы и направления развития технологии. В свою очередь, план федерального участия в

---

¹ Artificial Intelligence Index 2018 Annual Report. – 2018. – Mode of access: <https://hai.stanford.edu/ai-index-2018> (accessed: 05.05.2021); Report «Building an AI World: Report on National and Regional AI Strategies» // Cifar. – 2018. – Mode of access: <https://www.cifar.ca/cifarnews/2018/12/06/building-an-ai-world-report-on-national-and-regional-ai-strategies> (accessed: 01.04.2021).

² Для целей сравнения следует указать определение ИИ в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата посещения: 30.04.2021).

³ Artificial Intelligence for the American People. – 2019. – Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/ai/> (accessed: 30.04.2021).

разработке технических стандартов и связанных с ними инструментов «Лидерство США в области ИИ»¹, разработанный Национальным институтом стандартов и технологий, определяет девять основных направлений стандартов ИИ: (1) Концепции и терминология; (2) Данные и знания; (3) Взаимодействие с людьми; (4) Показатели; (5) Сеть; (6) Методология тестирования производительности и отчетности; (7) Безопасность; (8) Управление рисками; (9) Надежность. Указывается, что «хотя определения ИИ различаются, для целей этого плана технологии и системы ИИ считаются включающими программное обеспечение и / или оборудование, которое может научиться решать сложные проблемы, делать прогнозы или выполнять задачи, требующие человеческого восприятия (например, зрение, речь и прикосновение), восприятие, познание, планирование, обучение, общение или физическое действие. Примеры разнообразны и быстро расширяются. Они включают в себя, помимо прочего, помощников ИИ, системы компьютерного зрения, биомедицинские исследования, системы беспилотных транспортных средств, передовое игровое программное обеспечение и системы распознавания лиц, а также применение ИИ как в информационных технологиях, так и в операционных технологиях»².

Отдельно следует отметить «Обзор средств управления некоторыми развивающимися технологиями» Бюро промышленности и безопасности от 19.11.2018³, которым определяется, что к ИИ относятся такие технологии, как: (1) нейронные сети и глубокое обучение (например, моделирование мозга, прогнозирование

---

¹ U.S. LEADERSHIP IN AI: A Plan for Federal Engagement in Developing Technical Standards and Related Tools. Prepared in response to Executive Order 13859 Submitted on August 9, 2019. – 2019. – Mode of access: https://www.nist.gov/system/files/documents/2019/08/10/ai_standards_fedengagement_plan_9aug2019.pdf (accessed: 30.04.2021).

² U.S. LEADERSHIP IN AI: A Plan for Federal Engagement in Developing Technical Standards and Related Tools. Prepared in response to Executive Order 13859 Submitted on August 9, 2019. 2019. – P. 7–8. – Mode of access: https://www.nist.gov/system/files/documents/2019/08/10/ai_standards_fedengagement_plan_9aug2019.pdf (accessed: 30.04.2021).

³ Review of Controls for Certain Emerging Technologies A Proposed Rule by the Industry and Security Bureau on 11/19/2018. – 2018. – Mode of access: <https://www.federalregister.gov/documents/2018/11/19/2018-25221/review-of-controls-for-certain-emerging-technologies> (accessed: 24.04.2021).

временных рядов, классификация); (2) эволюция и генетические вычисления (например, генетические алгоритмы, генетическое программирование); (3) обучение с подкреплением; (4) компьютерное зрение (например, распознавание объектов, понимание изображений); (5) экспертные системы (например, системы поддержки решений, системы обучения); (6) обработка речи и звука (например, распознавание речи и производство); (7) обработка естественного языка (например, машинный перевод); (8) планирование; (9) обработка аудио- и видеотехнологии (например, клонирование голоса, дипфейки); (10) облачные технологии ИИ или же (11) наборы микросхем ИИ. В данном обзоре технологии ИИ ставятся в один ряд с машинным обучением и нейронными сетями (как проявлением усложненных математико-статистических алгоритмов).

Относительно понимания ИИ непосредственно в сфере обеспечения безопасности, необходимо обратиться к отчетам Комиссии национальной безопасности по искусственному интеллекту США¹, в частности промежуточному докладу от ноября 2019 г.² в разделе «Что мы подразумеваем под “ИИ”?», который определяет, что «ИИ – это способность компьютерной системы решать проблемы и выполнять задачи, которые в противном случае потребовали бы человеческого интеллекта. Технологии искусственного интеллекта развивались на протяжении многих десятилетий, включая распознавание образов, машинное обучение, компьютерное зрение, понимание естественного языка и распознавание речи. Эти технологии используются для расширения возможностей людей и машин, помогая им принимать решения более высокого качества и с большей скоростью. В растущем, но все еще ограниченном наборе областей машины могут достигать показателей, подобных человеческим или превосходящих человеческие, путем анализа больших объемов данных, выявления закономерностей и выполнения массового поиска полезных ответов, оценок и рекомендаций. Эти системы совершенствуются по мере перехода от экспертных систем, основанных на

---

¹ The National Security Commission on Artificial Intelligence // The National Security Commission on Artificial Intelligence (NSCAI). – Mode of access: <https://www.nscai.gov/home> (accessed: 24.04.2021).

² Interim Report. – 2019. – Mode of access: <https://drive.google.com/file/d/153OrxnuGEjsUvIxWsFYauslwNeCEkvUb/view> (accessed: 24.04.2021).

явных моделях, к системам машинного обучения, которые могут учиться на опыте и повышать свою производительность, в том числе те, которые могут учиться на достаточно больших и надежных наборах данных. Это системы, предназначенные для решения задач и достижения определенных целей, с компетенциями, которые в некоторых отношениях параллельны когнитивным процессам человека: восприятию, рассуждению, обучению, общению, принятию решений и действию». Таким образом, можно заключить, что власти США (1) определяют технологию ИИ максимально широко (зачастую объединяя с машинным обучением и нейронными сетями), (2) отмечают эволюционную природу технологии (постоянное развитие и усовершенствование) и (3) стремятся типологизировать технологии ИИ.

Более предметное рассмотрение ИИ в контексте непосредственно действий (обороны, безопасности, военных операций) представлено в отчете Исследовательской службы Конгресса «Искусственный интеллект и национальная безопасность» от августа 2020 г.¹, где представлены различные подходы и вызванные таким разнообразием сложности, начиная от систем с когнитивными функциями как у людей и заканчивая автоматизированным вооружением. Однако сам отчет содержит идентичное, с перечисленными выше, широкое определение ИИ, исходя из разнообразия практического (прикладного) применения технологии.

Завершая концептуализацию технологий ИИ, следует обратить внимание на отчет ООН «Милитаризация искусственного интеллекта» (2019)², где указывается, что ИИ не является единой технологией, а является скорее совокупностью теорий, методов, технологии и прикладных систем для стимулирования и расширения человеческого интеллекта. Отдельно рассматривается призма практического военного применения и влияния как на систему безопасности, так и на стратегию государств и международную стабильность.

---

¹ Artificial Intelligence and National security, august 2020. – Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R45178.pdf> (accessed: 24.04.2021).

² The Militarization of Artificial Intelligence, August 2019. – 2019. – Mode of access: <https://www.un.org/disarmament/the-militarization-of-artificial-intelligence/> (accessed: 24.04.2021).

В рамках данного исследования (включая единообразный сбор данных и методологическую валидность) *под технологией искусственного интеллекта будут пониматься алгоритмические и компьютерные системы (в том числе программное обеспечение и / или оборудование), которые, обучаясь, могут решать сложные проблемы, делать прогнозы или выполнять задачи, требующие человеческого восприятия, познавать, планировать, обучаться, общаться или совершать физическое действие, обязательно в сфере обеспечения безопасности или непосредственно в военной сфере.*

Еще раз повторим: в рамках данного исследования мы не фокусируемся на военно-техническом измерении ИИ, на многолетнем развитии автоматизированных систем (управления) военного назначения. Действительно, различные автоматизированные системы в военном деле успешно применяются многие десятилетия. Эти успехи обязаны своим существованием развитию кибернетики и соответствующим исследованиям конца первой половины – середины XX в. Однако нынешний этап после всех «зим» ИИ особый. Впервые в распоряжении и государств, и исследователей, и негосударственных акторов находятся вычислительные возможности и опыт, которых не было прежде. И более совершенные системы самонаведения, слежения и т.п. – это только часть приложения достижений последних десятилетий. Да, ИИ сохраняет специализацию (и, вероятно, будет сохранять), но уже сейчас он вышел за пределы задач дорогих и негибких АСУ, компьютеры «научились» «видеть, слышать, понимать» (при всей условности), справляться с беспрецедентно большими объемами информации. Иными словами, ИИ в сфере безопасности – это (уже) не только и не столько автоматика в сложных системах (кинетического) вооружения и управления войсками, которая по-прежнему вполне надежно обеспечивает скорость и точность ведения боевых действий.

Эмпирическая модель и данные

Формируя математическую модель, наш выбор индикаторов и параметров определяется акцентом на то, *что* поддается измерению [Fioramonti, Kononykhina, 2015, p. 476]. Работа с индикаторами и показателями, в свою очередь, подчинена необходимости соблюдать баланс между *полнотой* и *доступностью* данных [Ibid., p. 477].

Показатель согласованности (консистентности) безопасности (Security Consistency) формируется посредством разницы показателей угроз (Threats) и возможностей технологий ИИ (AI capability) реагировать на такие угрозы. Указанное можно представить в виде блок-схемы.

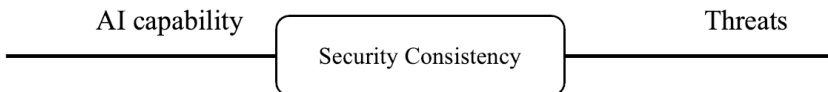

Рис. 1

**Блок-схема показателя согласованности
(консистентности) безопасности**

Показатель согласованности (консистентности) безопасности будет, по сути, отражать то, как государство способно оценивать угрозы (показатель угроз) и обладает ли государство необходимым уровнем возможностей для их отражения (показатель возможностей).

Таким образом, формула (1) вычисления индикатора согласованности безопасности имеет следующий вид:

$$\text{Security Consistency} = \text{AI Capability} - \text{Threats Evaluation} \quad (1)$$

Индикатор возможностей Искусственного интеллекта (AI capability). Вопросы измерений и оценки возможностей (capability) являются весьма актуальным направлением в политической науке (начиная от составления индексов государственной состоятельности (state capacity) и заканчивая исследованиями организационных возможностей (organizational capabilities)). По сути, все измерения «capability» в литературе представлены или различными регрессионными моделями для выявления связей индикаторов и их влияния на возможности (capabilities), или экспертными интервью [подробнее см. Grant, Verona, 2015, где проводится анализ основных эмпирических исследований и их проблемных зон в области «organizational capabilities»]. Отдельным направлением исследований с 2010-х годов является создание составных индексов «capabilities» на национальном и международном уровнях (например: Global capability index, Composite Index of National Capability).

В рамках данного исследования за основу взят методологический подход, используемый в «Global capability index» [Fioramonti, Kononukhina, 2015] и «Composite Index of National Capability»¹, который, в частности, учитывает расходы и финансирование военной сферы. Оба индекса предполагают формирование единого индикатора по стране, который представляет собой сумму показателей конкретных сфер, деленную на количество данных сфер. Например, «Global capability index» формируется на основе измерений трех областей (dimensions):

- социально-экономическая среда: образование, равенство и гендерное равенство, цифровое участие, инфраструктура коммуникационных технологий;

- социально-культурная среда: доверие, социальная толерантность, участие в коллективных действиях и т.д.;

- среда управления (Governance environment): индивидуальные и коллективные возможности социальной и политической активности, верховенство закона, политический диалог, нормативно-правовая база гражданских объединений и организаций и т.д.

Учитывая большой массив параметров в каждой области, финальный расчет индикатора «capability» представляет собой сумму показателей по областям, с учетом коэффициентов относительно количества каждого индикатора, деленной на три области.

Схожий подход и при измерении «Composite Index of National Capability». Только в данном случае высчитывается шесть параметров (а не три, как с «Global Capability Index»), они суммируются и делятся на количество параметров.

Исходя из концептуальной рамки понимания Искусственного интеллекта и целей создания показателя возможностей Искусственного интеллекта (AI capability), мы выделили четыре области / сферы:

1. Технологическая (Technological): учитывает технологические аспекты Искусственного интеллекта – показатели точности алгоритмов и результаты прохождения тестов (Turing Test, Lovelace Test и т.д.), а также применение технологии в государственном управлении и сфере безопасности. Является отражением технологических возможностей технологии.

---

¹ Composite Index of National Capability // The Correlates of War Project. – Mode of access: <https://correlatesofwar.org> (accessed: 20.04.2021).

2. Экономическая (Economic environment): учитывает финансирование технологии ИИ в контексте общего военного бюджета. Мы понимаем, что сфера безопасности может иметь различные источники финансирования, включая засекреченные статьи бюджета, финансирование за счет иных статей и разделов и т.п., поэтому вынужденно опираемся на публичные данные о финансовой поддержке технологии в непосредственно в военном бюджете. Демонстрируются финансово-экономические возможности технологии; без финансирования и экономического стимулирования развитие технологии и особенно ее применение в сфере обеспечения безопасности маловероятно.

3. Управление (Governance environment): учитывает количество государственных компаний, связанных с технологией ИИ и существование правовой санкции на использование ИИ в военной сфере. Отражает готовность государства развивать технологию и применять возможности технологии.

4. Социальная (Social environment): учитывает занятость населения в сферах и областях разработки и применения технологии ИИ и количество стартапов, фокусирующихся на технологии. Отражает вовлеченность общественности, а также возможность государства мобилизовать высокопрофессиональные кадры.

Указанные области / сферы с показателями и их краткой характеристикой расчета указаны в табл. 1.

Агрегирование указанных областей / сфер является заключительным этапом формирования индикатора возможностей технологии ИИ (AI capability), на котором «взвешиваются» эти области: Технологическая и Экономическая получают вес «0.25» из 1, а область Управления – вес «0.3» в связи с социально-политической значимостью данной области в вопросах безопасности. По схожим мотивам, Социальная сфера имеет вес «0.2», несмотря на значимость гражданского общества и общественной реакции, в сфере обеспечения безопасности население «знает только то, что государство считает позволительным знать». Иными словами, роль общества в вопросах возможности технологии в сфере безопасности будет наименее значима на ряду с остальными областями / измерениями.

Таблица 1

Измерения возможностей ИИ

Область / сфера (dimension)	Показатель	Краткая характеристика
Технологическая (0.25)	UT (use of technology)	Применение ИИ в государственном управлении и военной сфере (да / нет)
	Test	Существование технологии ИИ, прошедшей тест (Turing Test, Lovelace Test e.t.c.) (да / нет)
	AA (algorithm accuracy)	Медианный показатель «корректности» / точности алгоритмов ¹ (Vision & Image Recognition; Visual Question Answering; Speech Recognition; Image Generation; Language Modelling and Comprehension; Translation; Conversation: Reading Comprehension)
Экономическая (0.25)	MF (military funding)	Военные расходы на ИИ / Общие военные расходы
Управление (0.3)	SC (state companies)	Государственные компании по ИИ (да / нет)
	LA (legal authorization)	Правовая санкция на использование ИИ в военной сфере (да / нет)
Социальная (0.2)	JO (job openings)	Занятость – открытые вакансии (Job openings) / количество работоспособного населения
	RS	Стартапы, связанные с искусственным интеллектом

В результате формула (2) вычисления индикатора AI capability имеет следующий вид:

$$Aicapability = \frac{0.25 \cdot \Sigma(UT, TEST, AA) + 0.25 \cdot MF + 0.3 \cdot \Sigma(SC, LA) + 0.2 \cdot \Sigma(JO, RS)}{4} \quad (2)$$

где первые три показателя относятся к Технологической сфере: *UT* – показатель применения / использования ИИ в государственном управлении и военной сфере, *TEST* – показатель наличия технологии ИИ, прошедшей тесты (Turing Test, Lovelace Test e.t.c.), *AA* – показатель корректности / точности алгоритмов;

один показатель относится к Экономической сфере: *MF* – показатель финансирования ИИ в военной сфере;

два показателя относятся к области Управления: *SC* – показатель государственных компаний в сфере ИИ, *LA* – показатель наличия правовой санкции на применение технологии ИИ в военных целях;

¹ Measuring the Progress of AI Research. Project, metrics and datasets // Electronic Frontier Foundation. – Mode of access: <https://www EFF.ORG/ai/metrics> (accessed: 20.04.2021).

два показателя относятся к Социальной сфере: *JO* – показатель занятости в сфере ИИ, *RS* – показатель стартапов в сфере ИИ.

Индикатор оценки угроз. Оценке угроз (threat evaluation) посвящен отдельный раздел специализированной литературы, зачастую объединенный единым направлением – Оценка угрозы и распределение оружия (Threat Evaluation and Weapon Assignment – TEWA) (например, [Cocelli, Arkin, 2017; Johansson, Falkman, 2008; Naeem, Masood, 2010; Naseem et al., 2017; Kumar, Tripathi, 2016]). TEWA считается основным компонентом системы противовоздушной обороны (Air Defense system – ADS). В последнее время наиболее распространенными являются модели на основе байесовских сетей (Bayesian networks) [Kumar, Tripathi, 2016], нечеткой логики (fuzzy logic/ fuzzy inference rules) [Naeem, Masood, 2010; Johansson, Falkman, 2008] и систем поддержки принятия решений (decision support system) [Naseem et al., 2017].

TEWA-модели, основанные на байесовских сетях, позволяют преодолевать неопределенности (неполнота информации об объектах; отсутствие информации о состоянии инфраструктуры; вероятности и / или случайности в управлении конкретным вооружением и т.д.) при моделировании. В байесовском подходе переменные TEWA-модели содержат пределы вероятностей, или распределение вероятностей, что позволяет оценивать угрозы даже в случае неполноты данных.

В свою очередь, модели, основанные на правилах нечеткой логики (концепция нечетких множеств), строятся по принципу функций принадлежности (функций членства – membership function). В теории четких множеств члены x универсального множества X являются либо членами, либо не членами множества $A \subseteq X$. Таким образом, значения, присвоенные x , попадают в диапазон, указывая степень членства элемента в (нечетком) наборе, о котором идет речь. Большие значения указывают на более высокую степень членства, в то время как более низкие значения указывают на более низкую степень членства (degree of membership). Иными словами, для конкретного контекста может быть трудно определить четкие границы (показатели / параметры) переменной, поэтому используется функция членства, которая позволяет рассчитывать схожие, по степени членства, показатели переменной. Два важных замечания: (1) оценка членства (membership grades) в правилах нечетких множеств не относится к оценке вероятности

[Johansson, Falkman, 2008], (2) относительно самих правил нечеткой логики отсутствует единство в научной академической среде – часть исследователей в принципе не признают такой подход, считая его слишком абстрактным.

Применение систем принятия решений в TEWA-моделях позволяет учитывать показатели геоинформационных систем (ГИС картирование уязвимых активов), дополнять модель методами прогнозирования, распределять и оценивать «экономически эффективное назначение оружия» [Naseem et al., 2017, p. 169]. Таким образом, система принятия решений позволяет расширить перечень параметров в модели, а также оценивать дополнительные факторы (например, экономическую целесообразность) при оценке угроз. Сами TEWA-модели с системой принятия решений могут строиться на основе машинного обучения (наиболее популярные модели с древом решений; более продвинутые модели основываются на глубоком обучении, например Tactical Air Combat Decision Support System), теории игр и динамических байесовских сетей.

Отметим, что модели TEWA подразумевают создание полноценной системы реагирования и противодействия угрозам, что выходит за рамки данного исследования. Таким образом, на основе имеющихся исследований по оценке угроз, в том числе с учетом масштабного мета-анализа (156 публикаций исследований TEWA с 1975 по 2016 г.), проведенного Насимом, Шахом, Ханом и др., разработана математическая модель расчета угроз.

Оценка угроз зачастую представлена двумя [Naseem, Masood, 2010] или тремя [Naseem et al., 2017] этапами. Двухэтапная модель подразумевает (1) оценку и ранжирование угрозы, и соответственное (2) назначение оружия (weapon assignment). Трехэтапная модель состоит из (1) оценки восприятия угрозы (threat perception), (2) расчета индекса угрозы (threat index calculation) и соответственно (3) назначения оружия. Каждая модель оценки угроз обязательно учитывает соответствие угрозы защищаемому объекту / активу (defended asset).

Каждый этап включает расчет конкретных характеристик [Naseem et al., 2017]. Так, на этапе *восприятие угрозы* рассчитываются критические параметры конкретного типа вооружения (например, крылатой ракеты): скорость, высота, радиолокационное поперечное сечение / эффективная поверхность рассеяния радио-

локационных волн (Radar cross-section), маневренность (maneuvering capability), угол пикирования (dive angle), атакующий подход (attack approach) и др. Расчет *индекса угрозы* включает характеристики скорости, направления / курса, высоты над уровнем моря, угрозу маневрирования, расстояние от уязвимых точек, угрозу летальности из базы знаний и пр. Этап *назначения оружия* непосредственно учитывает характеристики имеющегося обороняющего вооружения и содержит параметры: (а) угроза назначается оружию на основе индекса угрозы, (б) угроза с самым высоким индексом угрозы (ТИ) назначается первой, (в) угроза назначается оружию с наибольшей вероятностью убийства.

Обобщенно модель TEWA представляет собой оценку и ранжирование угрозы по перечисленным выше характеристикам и расчет соответствия оцененной угрозы защищаемым объектам / активам, с последующим определением вооружения для обеспечения безопасности объектам и нейтрализации угрозы. Непосредственно оценку угрозы (без распределения вооружения) можно представить в виде блок-схемы, где рассчитывается общее число угроз (при оценке и ранжировании) и выводится показатель соответствия угрозы защищаемому объекту / активу [Naeem, Masood, 2010].

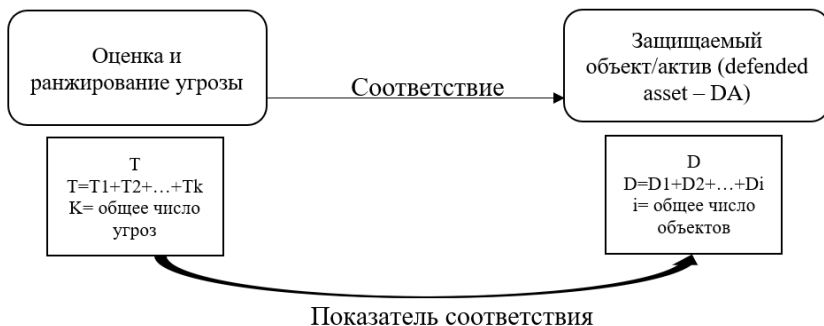

Рис. 2
Блок-схема обобщенной модели TEWA
(оценка и ранжирование угроз)

Для целей данного исследования показатели восприятия угрозы (ТР) и характеристика / тип угрозы (ТТ) концептуализированы следующим образом (все характеристики представлены в виде прокси-показателей), указанным в табл. 2.

Таблица 2

Показатели восприятия угрозы и характеристики угроз

Критические параметры, используемые для оценки угроз	
Этапы	Характеристики
1	2
Восприятие Угрозы (на основании стратегий и НПА)	<p>1. Показатель образования (education – Ed) – без обучения и переподготовки населения, чтобы соответствовать темпам технологических изменений и различным типам угроз, злоумышленники столкнутся с меньшим количеством препятствий при попытке использовать уязвимости ИИ¹. Образованное население также уменьшит непреднамеренные ошибки. Таким образом, любое государство, указывающее на угрозы ИИ, на уровне политики адаптирует образовательную систему к повышению осознания технологии ИИ. В данном исследовании показатель образования будет рассчитываться исходя из показателей результатов страны по рейтингу PISA исключительно по направлению математики, так как математическое образование является фундаментальным для разработок и применения технологии ИИ. Расчет представляет собой соотношение рейтинга страны в конкретный год к максимально возможному показателю рейтинга².</p> <p>2. Показатель нормативного регулирования (regulation – Reg) – восприятие угроз со стороны государства отражается в сфере нормативного регулирования. Удельный вес нормативно-правовых актов, закрепляющих (в той или иной мере) угрозы со стороны технологии Искусственного интеллекта будет рассчитываться следующим образом: количество НПА с упоминанием технологии ИИ на общее количество НПА в год.</p> <p>3. Показатель внутренних патентов (domestic patents – DP) – определение восприятия угроз со стороны государства невозможно без научно-технических исследований и разработок. Для расчета данного показателя будут учитываться только внутригосударственные патенты по тематике «Искусственный интеллект». Показатель будет представлять собой удельный вес количества внутренних патентов по тематике в соотношении с общим количеством патентов в рассматриваемый год.</p>

Продолжение таблицы 2

1	2
Характер / тип угрозы (на основании исследований, индексов и показателей отчетов, экспертных оценок)	<p>Данный показатель задумывался как демонстрация конкретного (и вычисляемого) показателя характера / типа угроз. К сожалению, на данный момент отсутствуют устойчивые статистические показатели непосредственно релевантных технологий ИИ³. Практически все тчеты и исследования несут «доктринальный» характер, а именно: указывают, что есть какой-то тип угрозы или ИИ обладает определенной характеристикой угрозы, однако никакого статистического или математического выражения нет. В связи с чем принято решение построения численного бинарного показателя:</p> <p>0 – тип / характер угрозы отсутствовал в стране в рассматриваемом году;</p> <p>1 – тип / характер угрозы присутствовал (зафиксирован / задокументирован) в стране в рассматриваемом году, согласно следующему перечню типов / характера ИИ угроз⁴:</p> <p>1) угрозы критической инфраструктуре;</p> <p>2) киберугрозы / кибератаки при помощи ИИ (ИИ расширяет векторы угроз, уязвимых для кибератак, обнаруживая и эксплуатируя слабые места системы);</p> <p>3) кампании по дезинформации (в том числе Deepfakes);</p> <p>4) нарушение прав человека (имеется в виду bias алгоритмов, нарушения персональных данных, угрозы биометрическим данным и т.д.).</p> <p>Соответственно указанному перечню, за каждый конкретный год будет формироваться показатель от «0» до «4». Если в исследуемом году были зафиксирован какой-то тип угроз – выставляется «1», если не было – «0».</p>

¹ Например, AI Using Standards of Mitigate Risk. – Mode of access: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/2018_AEP_Artificial_Intelligence.pdf (accessed: 20.04.2021).

² In each test subject, there is theoretically no minimum or maximum score in PISA; rather, the results are scaled to fit approximately normal distributions, with means for OECD countries around 500 score points and standard deviations around 100 score points. About two-thirds of students across OECD countries score between 400 and 600 points. Less than 2% of students, on average across OECD countries, reach scores above 700 points, and at most a handful of students in the PISA sample for any country reach scores above 800 points. – Mode of access: <http://www.oecd.org/pisa/pisafaq/> (accessed: 20.04.2021).

³ Рассматривались возможности расчетов в каждом типе угроз. Например, в разделе «дезинформация», несмотря на существование Глобального индекса дезинформации, исследования ЕС «Регулирование дезинформации с помощью искусственного интеллекта» и т.д. отсутствует какая-либо статистическая база для расчета непосредственной роли / угрозы ИИ. Рассматривалась возможность расчета, исходя из индекса v-dem свободы прессы (например, показатель «freedom of Expression», или показатель «the media» (или даже отдельную субкатегорию «media bias» (v2 mebias)) и устойчивого показателя количества угроз ИИ. Предполагалось, что устойчивый показатель будет выявлен на основании анализа литературы по исследованиям взаимосвязи свободы прессы и количества сгенерированной

дезинформации при помощи ИИ. Однако таких исследований не было найдено (анализ проводился по базам Jstor, Science Direct и EBSCO).

В разделе «киберугроз», несмотря на наличие различных индексов киберугроз (например, Cyber Threat // Impreva. – Mode of access: <https://www.impreva.com/cyber-threat-index/> (accessed: 05.05.2021); Cyber Risk // Trend Micro. – Mode of access: https://www.trendmicro.com/en_hk/security-intelligence/breaking-news/cyber-risk-index.html (accessed: 05.05.2021); и т.д.) и кибербезопасности (например, Global Cybersecurity Index v. 4 // The Telecommunication Development Sector (ITU-D). – Mode of access: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/global-cybersecurity-index.aspx> (accessed: 05.05.2021); IBM X-Force Threat Intelligence // IBM. – Mode of access: <https://www.ibm.com/security/data-breach/threat-intelligence> (accessed: 05.05.2021); Cybersecurity: Let's get tactical // TechRepublic. – Mode of access: <https://www.techrepublic.com/resource-library/whitepapers/cybersecurity-let-s-get-tactical-free-pdf/?flag=CMG-01-10aaa1b> (accessed: 05.05.2021) и т.д.) невозможно выделить отдельно роль / значение ИИ.

Более сложная ситуация (в контексте наличия данных) с иными типами, например отсутствует возможность определить удельный вес / объем потенциально подвергаемых угрозой ИИ элементов критической инфраструктуры и т.д.

⁴ Перечень сформирован на основании анализа профильных национальных НПА и отчетов (например, National Security Commission on Artificial Intelligence, Interim Report, 2019. – Mode of access: <https://www.nscai.gov/reports> (accessed: 05.05.2021); Artificial Intelligence and UK National Security: Policy Considerations, from RUSI, 2020 // RUSI. – Mode of access: <https://rusi.org/publication/occasional-papers/artificial-intelligence-and-uk-national-security-policy-considerations> (accessed: 05.05.2021); и т.д.), а также международных отчетов (например, Attacking Artificial Intelligence: AI's Security Vulnerability and What Policymakers Can Do About It, from Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs, 2019. – Mode of access: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/2019-08/AttackingAI/AttackingAI.pdf> (accessed: 05.05.2021)).

Расчет показателя восприятия угроз (TP), по сути, представляет собой сумму показателей прокси-образования (Ed), прокси-регулирования (Reg) и прокси-внутренних патентов (DP) и определяется по формуле (3) следующим образом:

$$TP = \sum(Ed, Reg, DP) \quad (3)$$

где: *Ed* – показатель образования;

Reg – показатель нормативного регулирования;

DP – показатель внутренних патентов.

Показатель типа / характера угроз (TT) будет принимать значение от «0» до «4» и может быть выражен следующей формулой (4):

$$T \in [0.1...4] \quad (4)$$

Предлагаемый подход к оценке угроз будет основан на оценке Восприятия угрозы (TP) и оценке Типа угрозы (TT) в соотношении с Защищаемыми объектами (DA). Восприятие угрозы (TP) относительно технологии Искусственного интеллекта основывается на анализе национальных стратегий по безопасности стран и нормативно-правовых актов в сфере безопасности. Тип угрозы (TT), в свою очередь, типологизирован из релевантного теоретического обзора, экспертных оценок, показателей и индексов из международных и национальных отчетов.

Защищаемые объекты / активы (DA) – то, на что, по сути, направлены угрозы технологии Искусственного интеллекта. Учитывая специфику направленности данного исследования, с практической точки зрения невозможно высчитать общее число защищаемых активов / объектов. Поэтому учитываться (численный бинарный показатель) будут все области, упоминаемые в НПА страны как защищаемые. Примерный перечень¹ указан в табл. 3.

Таблица 3

Примерный перечень защищаемых объектов / активов

Область, определяемая НПА	Численный показатель (определение в НПА)
Разведданные	0 – отсутствует; 1 – присутствует.
Данные государственных компаний	0 – отсутствует; 1 – присутствует.
Персональные данные граждан	0 – отсутствует; 1 – присутствует.
Автомобили с автономным управлением (self-driving cars)	0 – отсутствует; 1 – присутствует.
Автономное вооружение (autonomous weapons)	0 – отсутствует; 1 – присутствует.
...	...

Отдельным элементом расчета является показатель значимости / ценности активов / объектов. Кумар и Трипати указывают на высокую роль учета в модели показателя «значения защиты акти-

¹ Примерный перечень продемонстрирован на примере раздела об ИИ из: National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 19.04.2021).

вов (protection value), который назначается лицом, принимающим решения» и «лежит между 0 и 1» [Kumar, Tripathi, 2016, p. 1270]. Такой показатель необходим для учета распределения приоритета угрозы со стороны политических акторов и лиц, принимающих решение в сфере обеспечения безопасности. Предлагаемая модель также будет иметь показатель значимости (PV) и принимать значение от «0» до «1», но с распределением весов. Характеристика оценивания приведена в таблице 4.

Таблица 4

Показатели значимости

Характеристика показателя значимости	Шкала	Вес	Обоснование
Технология ИИ в Стратегии национальной безопасности страны	0 – отсутствует; 1 – присутствует.	0.3	Закрепление технологии в национальной стратегии обеспечения безопасности является наивысшим «признанием» со стороны государства значимости как самой технологии, так и потенциала угроз.
Отдельный государственный орган по проблематике ИИ	0 – отсутствует; 1 – присутствует;	0.3	Если в рамках системы государственных органов в структуре обеспечения безопасности создан специальный орган, посвященный технологии ИИ – мы можем утверждать, что государство определяет высокий приоритет данной технологии (вес – 0.3).
Национальная стратегия по ИИ	0 – отсутствует; 1 – присутствует.	0.2	Национальная стратегия по ИИ, хоть и не имеет прямого отношения к сфере обеспечения безопасности, однако в силу специфики самой технологии в определенной мере будет регламентировать и вопросы безопасности.
Сформулированное определение ИИ в национальной стратегии по цифровой трансформации	0 – отсутствует; 1 – присутствует.	0.1	Отсутствие отдельного регулирования (или, хотя бы, доктринального закрепления намерения в виде национальной стратегии) с фокусом на ИИ отражает не столь сильную «заинтересованность» со стороны государства.
Государственные (или аффилированные с государством) компании по разработке технологии ИИ в военной сфере и / или в сфере безопасности	0 – отсутствует; 1 – присутствует.	0.1	Учет технологических компаний является отражением наличия собственных (не иностранных) технических возможностей (вычислительных мощностей, программного обеспечения и т.д.) у государства выявлять угрозы технологии.
Максимальный показатель		1	

Наиболее важным и одним из ключевых моментов расчета угроз является учет факторов и отдельных категорий. Например, ПИР-центр при создании «Индекса международной безопасности»¹ указывает на приоритет военных факторов перед любыми иными (политические факторы, терроризм, техногенные и природные факторы, экономические факторы): «...Всеобщий политический или экономический кризис можно каким-то образом преодолеть, последствия даже глобальной экологической катастрофы, в том числе и вызванной действиями террористов – пусть и не полностью, но нейтрализовать... Что же касается глобальной ядерной войны – то это явление можно считать полностью необратимым и “летальным” для всего человечества» (стр. 5). Более того, предполагается ранжирование внутри каждой из групп по показателям глобального, региональных и локальных факторов безопасности. В предлагаемом подходе указанные факторы также учтены. Исходя из общей теоретической рамки исследования – секторального подхода анализа сферы обеспечения безопасности, предложенного Копенгагенской школой, вводится показатель – Фактор угрозы (TF). Фактор угрозы нашей модели представлен как отношение оценки каждой страны к общей оценке по пяти секторам безопасности Барри Бузана.

Таблица 5

Показатели угроз

Сфера / сектор безопасности	Описание [Buzan, Waever, de Wilde, 1998]	Шкала оценивания
1	2	3
Политическая	Угрозы суверенности, посягательство на легитимность и властный авторитет	0 – отсутствие; 1 – локальная; 2 – региональная; 3 – международная
Военная	Все военные вопросы определяются как угрозы безопасности (кроме миротворческих целей и ликвидации последствий стихийных бедствий)	0 – отсутствие; 1 – локальная; 2 – региональная; 3 – международная
Экономическая	Угрозы экономической стабильности государства и отдельным элементам экономической системы (например, банковскому сектору)	0 – отсутствие; 1 – локальная; 2 – региональная; 3 – международная

¹ Индекс международной безопасности iSi. Описание и методология расчета // ПИР-Центр. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13462438640.pdf> (дата посещения: 21.04.2021).

Продолжение таблицы 5

1	2	3
Экологическая	Все вопросы окружающей среды на территории национальных границ государства, в том числе глобальные международные климатические вызовы, касающиеся государства (глобальное потепление, загрязнение, озоновый слой и т.д.)	0 – отсутствие; 1 – локальная; 2 – региональная; 3 – международная
Социальная	Вопросы коллективной идентичности (языковой, культурной, религиозной и т.д.) и баланс идентичности в государстве (например, соотношение различных культур и мультикультуральность)	0 – отсутствие; 1 – локальная; 2 – региональная; 3 – международная

По сути, факторы угрозы (TF) учитываются как удельный вес отношения суммы шкалы оценивания на максимальное количество оценки сфер безопасности. Математическая формула (5) расчетов представлена следующим образом:

$$TF = \frac{\sum(score\ per\ sector)}{max\ score} \quad (5)$$

Общая формула расчета угроз (6) для целей исследования представлена ниже:

$$TE = \frac{PV \cdot \sum(TP, TT)}{DA \cdot TF} \quad (6)$$

где:

PV – показатель значимости ($PV \in [0; 1]$);

TP – показатель восприятия угроз;

TT – показатель характера / типа угрозы ($TT \in [0; 4]$);

DA – показатель числа защищаемых объектов ($DA = \{DA_1, DA_2, DA_3, \dots, DA_n\}$);

TF – показатель факторов угроз.

Иными словами, логическое содержание формулы можно представить следующим образом: оценка угроз (*TE*) представляет собой **отношение**

суммы показателя восприятия угроз (*TP* – как угрозы представлены на уровне нормативно правовых актов – акт политической воли) и показателя характера / типа угрозы (*TT* – как угрозы представлены в отчетах, релевантной литературе) умноженной

на показатель значимости (*PV* – как лица принимающие решения и политические акторы оценивают важность/значимость угроз) к произведению показателя числа защищаемых объектов (*DA* – объекты / активы, на которые направлены угрозы) на показатель факторов угроз (*TF* – оценка и ранжирование секторов безопасности, к которым относятся угрозы).

Указанное можно выразить в виде блок-схемы оценки угроз.

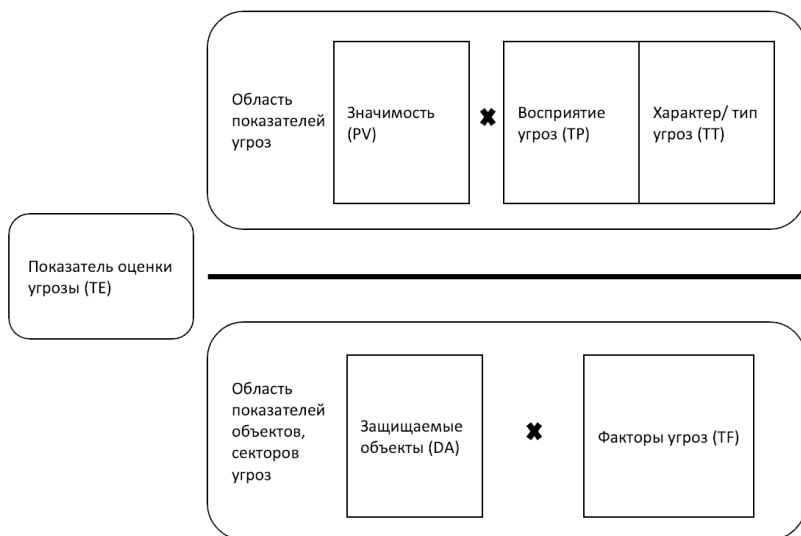

Рис. 3

Блок-схема показателя оценки угрозы

Результаты: динамика применения технологий ИИ на примере США

Валидизация представленной эмпирической модели проводилась на кейсе США. Выбор обоснован тремя основными факторами: (1) доступность (транспарентность) данных о сфере безопасности; (2) специфика стратегии национальной безопасности США, представляющей отдельный интерес; (3) лидирующие позиции по развитию технологий, особенно технологий ИИ, в мире и постоянное развитие (см. исследования DARPA), а также приме-

нение технологий непосредственно в сфере обеспечения безопасности, в том числе за пределами «узких» военных приложений.

Первичной задачей анализа было определение и обоснование временных промежутков, которые будут учитываться в модели. Иными словами, необходимо было выделить конкретные годы, по которым будет проводиться сбор данных. Реализация такой задачи потребовала изучения стратегий национальной безопасности США и нормативно-правовых актов федерального уровня о применении / внедрении технологий во временном охвате более 20 лет. В итоге, анализу подлежат восемь временных промежутков, а именно, года: 1999, 2002, 2006, 2010, 2012, 2015, 2017, 2019. Обоснование относительно анализируемых актов представлено в табл. 6.

Таблица 6

Обоснование дат (временных периодов анализа)

1999	Memorandum on the Use of Information Technology to Improve Our Society ¹	Администрация У. Клинтона
2002	E-government act ²	Администрация Дж. Буша-мл.
	The National Security Strategy of the United States of America ³	
	E-Government Strategic Action Plan ⁴	
2006	The National Security Strategy March 2006 ⁵	
	Expanding E-Government Making a Difference for the American People Using Information Technology ⁶	
2010	National Security Strategy. May 2010 ⁷	Администрация Б. Обамы
2012	Digital Government. Building a 21 st Century Platform to Better Serve the American People ⁸	
2015	National Security Strategy. February 2015 ⁹	
2017	National Security Strategy of the United States of America. December 2017 ¹⁰	Администрация Д. Трампа
2019	Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence ¹¹	
	Artificial Intelligence for the American People ¹²	
	National-AI-Research-and-Development-Strategic-Plan ¹³	

¹ Memorandum on the Use of Information Technology To Improve Our Society // Authenticated U.S. Government Informatio GPO. – Mode of access: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/WCPD-1999-12-27/pdf/WCPD-1999-12-27-Pg2639.pdf> (accessed: 05.05.2021).

² E-government act // Authenticated U.S. Government Informatio GPO. – Mode of access: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ347/html/PLAW-107publ347.htm> (accessed: 05.05.2021).

³ The National Security Strategy of the United States of America // 2009–2017 Archive of the U.S. Department of State. – Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed: 05.05.2021).

⁴ E-Government Strategic Action Plan A Road Map for Delivering Services // U.S. Department of Energy. – Mode of access: <https://www.hSDL.org/?view&did=444594> (accessed: 05.05.2021).

⁵ The National Security Strategy // White House U.S. – Mode of access: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (accessed: 05.05.2021).

⁶ Expanding E-Government Making a Difference for the American People Using Information Technology // Homeland Security Digital Library. – Mode of access: <https://www.hsdl.org/?view&did=468481> (accessed: 05.05.2021).

⁷ The National Security Strategy // The White House President Barack Obama Archive. – Mode of access: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 05.05.2021).

⁸ Digital Government. Building a 21 st Century Platform to Better Serve the American People // Homeland Security Digital Library. – Mode of access: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=711162> (accessed: 05.05.2021).

⁹ The National Security Strategy // The White House President Barack Obama Archive. – Mode of access: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 05.05.2021).

¹⁰ The National Security Strategy // The White House President Donald Trump Archive. – Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 05.05.2021).

¹¹ Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence // Federal Register. – Mode of access: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (accessed: 05.05.2021).

¹² Artificial Intelligence for the American People // The White House President Donald Trump Archive. – Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/ai/> (accessed: 05.05.2021).

¹³ National-AI-Research-and-Development-Strategic-Plan // National Science & Technology Council. – Mode of access: <https://www.nitrd.gov/pubs/National-AI-RD-Strategy-2019.pdf> (accessed: 05.05.2021).

Таким образом, анализируемые периоды охватывают (1) все ключевые даты определения и регулирования стратегии национальной безопасности США (национальные стратегии зачастую определяют основные вектора направленности сферы обеспечения безопасности), (2) основные нормативные документы в сфере технологического развития (начиная от концепции электронного правительства, заканчивая непосредственно регулированием технологий ИИ), (3) последние четыре Администрации, что позволяет проследить непосредственную динамику изменений.

После определения временных промежутков сбор данных происходил по единому протоколу по каждому индикатору по каждому году. Финальный датасет, с электронными ссылками на каждый источник и кратким описанием сбора данных, находится в открытом доступе¹.

---

¹ Data_AL_Security_USA // GitHub. – Mode of access: https://github.com/AITurobov/Data_AI_Security_USA/ (accessed: 29.07.2021).

После расчета¹ модели были получены следующие показатели по параметрам *Возможностей ИИ (AI capability)* и *Оценке угроз (Threat Evaluation)*, а также по искомому показателю согласованности (консистентности) безопасности (*Security Consistency*). Результаты представлены в табл. 7.

Таблица 7

Результаты расчета модели

Год	Возможности ИИ (AI capability)	Оценка угроз (Threat Evaluation)	Согласованность безопасности (Security Consistency)
1999	0.19625	0	0.19625
2002	0.248425	0	0.248425
2006	0.247	0	0.247
2010	0.9031422	0.1995818	0.7035604
2012	1.563833	0.3844019	1.1794311
2015	1.604973	0.414918	1.190055
2017	1.639961	0.4498543	1.1901067
2019	1.648234	0.9116182	0.7366158

Результаты в графическом виде представлены ниже на рисунке 4.

График позволяет отследить динамику изменений не только самого показателя Согласованности безопасности, но и по каждому значению Оценки угроз и Возможностей ИИ по годам. Примечательно, как меняется с развитием самой технологии «заинтересованность» государства и определение угроз, а также стремительный рост возможностей ИИ (в годы максимального прогресса в вычислительных мощностях и появления новых алгоритмов), а с 2012 г. динамика более поступательная, так как все новые и новые «открытия» в технологиях ИИ имеют уже не революционный, а эволюционный характер.

¹ Все вычисления проводились в бесплатной программой среде для статистических вычислений и графики R (v. 4.0.5).

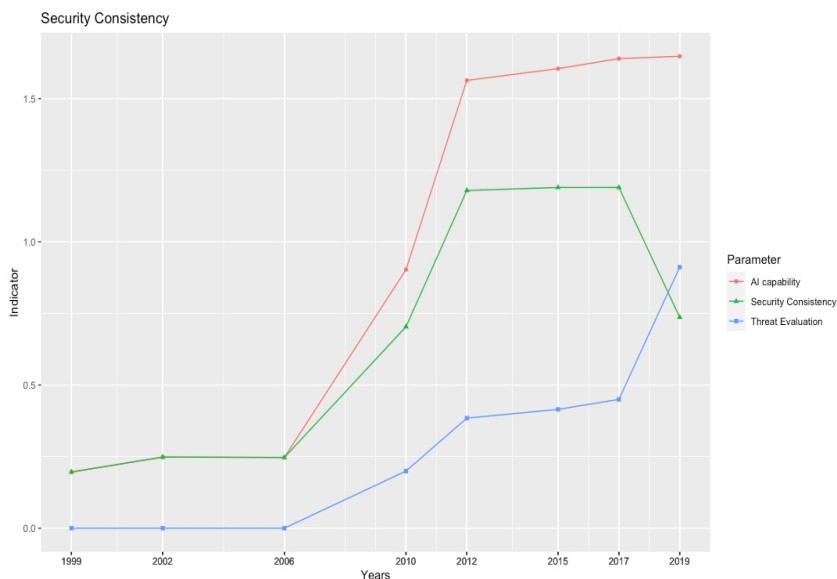

Рис. 4

График Согласованности (консистентности) безопасности, Возможностей ИИ, Оценки угроз (с 1999 по 2019 г.)¹

Дискуссия и обсуждение

Предлагаемый подход подразумевается как дополнение к существующим и позволяет взглянуть на динамику развития (эволюции и трансформации) системы безопасности конкретного государства под влиянием технологий искусственного интеллекта.

Попытка «объективного» анализа динамики, реализуемая на примере США, демонстрируют некоторые преимущества разработанной модели. Во-первых, мы можем отдельно наблюдать изменения как в официальных оценках угроз (то, КАК и на ЧТО госу-

¹ На оси абсцисс расположены года, на оси ординат – индикаторы. Красная кривая представляет параметр возможностей технологии ИИ, синяя кривая – параметр оценки угроз. Зеленая кривая является иллюстрацией согласованности (консистентности) безопасности.

дарство обращает внимание и определяет как угрозу), а также на возможности технологии ИИ (в контексте публичного восприятия реализуемых исследований, апробации и внедрения различных алгоритмических систем ИИ). Во-вторых, мы можем с учетом временных отрезков анализировать то, как развивалась технология, как она «проникала» в систему безопасности. Например, стремительное развитие технологии ИИ в период с 2006 по 2012 г. (показатель «AI capability» на рис. 1) позволило США инициировать и возглавить технологическую гонку, последствия которой выходят за сугубо научно-исследовательские и технологические пределы. В-третьих, отдельный акцент на оценке угроз позволяет анализировать политическое внимание (отношение) к технологии, что расширяет существующую дискуссию в предметном поле политизации и секьюритизации технологий. В-четвертых, представленная модель обладает интерпретационной мобильностью (гибкостью), учитывая, что собираемые данные представлены из разных областей (социальная, экономическая, политическая) и с большим временным охватом. В-пятых, модель может быть полезна для проведения сравнительных исследований стран. Последующие исследования будут направлены на построение аналогичных моделей для других стран и проведение кроссстранового сравнительного анализа как по единому показателю согласованности безопасности, так и по отдельным индикаторам возможностей ИИ и оценки соответствующих угроз.

Апробация эмпирической модели оценивания системы безопасности государства (на примере США) на основе измерения согласованности безопасности продемонстрировала и некоторые ограничения. Следует отметить, что сама логика согласованности безопасности демонстрирует, что чем меньше показатель, тем более «согласована» система безопасности государства. Иными словами, исходя из математической логики разности (мы вычитаем из индикатора возможностей индикатор угроз), чем больше у государства возможностей и чем больше государство определяет для себя угроз, тем выше вероятность того, что показатель согласованности стремится к нулю. Однако на уровне интерпретации и аргументации необходимо учитывать сложности с оценкой угроз. Например, государство может просто «не видеть» угрозу (умышленно или случайно), но она будет существовать реально. Наоборот, государство может излишне политизировать и секьюритизировать

ровать целые сектора (а акторов – в этих секторах), в результате модель будет демонстрировать высокий индикатор оценки угроз, но фактически эти угрозы не будут иметь реального воплощения. В свою очередь, аналогичные флуктуации могут происходить и с индикатором возможностей ИИ (когда государство «преувеличивает» возможности и т.д.). Также большим ограничением может служить отсутствие данных для некоторых стран. Отдельно следует отметить, что на данный момент сложно говорить о существовании пороговых значений, которые были бы оптимальными для показателя согласованности безопасности. Иными словами, сейчас модель позволяет лишь фиксировать, а не оценивать с позиции успешности / эффективности национальных стратегий развития ИИ, в том числе в приложении к сфере безопасности. Проведение сравнительного анализа с участием большого числа стран позволит выявить лучшие практики и определить границы показателя согласованности безопасности (в сугубо аналитических целях).

Предложенная модель не рассматривает целенаправленно военные приложения технологии ИИ, в том числе по причине того, что сведения о таких приложениях могут иметь закрытый характер (например, для получения и (или) сохранения преимущества в реальном или потенциальном конфликте). Любая модель, в том числе претендующая на отражение сложности реального мира, – это неизбежное упрощение реальности. Используемые в модели параметры описывают не столько реальность («на самом деле»), сколько ее отражение (и понимание), элементы которого содержатся в официальных документах. Отсюда опора на публичные источники, проверяемые и «считаемые» параметры на их основе.

Особо отметим масштабируемость модели: потенциально можно заменить технологию ИИ любой другой цифровой технологией (например, облачные вычисления, технологии связи 5 g и т.д.) и строить эмпирическую модель согласованности (консистентности) безопасности с учетом конкретной технологии. Подразумевается, что сферы, веса и коэффициенты будут сохранены и для другого типа цифровой технологии, однако указанное будет проверено в последующих исследованиях. В результате можно проследить динамику изменений системы безопасности государства, но уже относительно конкретного типа технологии, и также проводить сравнительный анализ стран. Последующие исследования будут сфокусированы на тестировании возможностей модели

и проверке ее интерпретационных возможностей (особенно в сравнительной перспективе).

A.V. Turobov, M.G. Mironyuk*

Empirical model for analysis of the dynamics of algorithmization (artificial intelligence technology) in the field of security by the example of the USA¹

Abstract. How does the state security system evolve under the influence of the artificial intelligence technology? To answer this question, an empirical model is proposed. The model evaluates the state security system (by the example of the USA) using the security consistency parameter, which estimates how the state perceives threats (indicator of threats) and whether the state has the necessary capabilities to counter them (indicator of capabilities) in relation to the artificial intelligence technology. The model (as well as the conceptualization of the artificial intelligence technology in the context of the security domain) provides evidence of how security transformations occur. It serves as a tool for studying the corresponding changes and assessing the state security system. It is necessary to indicate the limitation of the study: we do not consider direct military applications in the field of automation and algorithms (artificial intelligence technology).

The validation of the empirical model has been undertaken using the case of the USA (eight-time intervals are subject to analysis, namely: 1999, 2002, 2006, 2010, 2012, 2015, 2017, 2019). With the development of the technology itself, the “interest” of the state and the definition of threats, as well as the rapid growth of the capabilities of the artificial intelligence technology (coincides with the years of maximum progress in computing power and the introduction of new algorithms) are growing, and since 2012, the dynamic has been linear, since more new “discoveries” have contributed to evolutionary rather than “revolutionary” growth trajectory.

The developed model is scalable. This feature may be useful in the empirical security studies: the artificial intelligence technology within the model can be replaced with other types of digital technologies (for example, big data, cloud computing or 5 g connection technologies, etc.); thus, empirical models of security consistency under the impact of other technologies can be developed. The approach proposed allows to under-

---

* **Turobov Aleksey**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: aturobov@hse.ru; **Mironyuk Mikhail**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mmironyuk@hse.ru

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20–011–31658. The authors appreciate criticism of anonymous reviewers. The authors thank Vitaly Kabernik (MGIMO University) and Dmitry Stefanovich (IMEMO RAS) for support and advice.

take cross-country comparisons with respect to specific types of digital technologies and their interactions with the security domain.

Keywords: security; security studies; model; artificial intelligence; threat evaluation; national security.

For citation: Turobov A.V., Mironyuk M.G. Empirical model for analysis of the dynamics of algorithmization (artificial intelligence technology) in the field of security by the example of the USA. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 72–111. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.04>

References

- Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoțiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the European court of human rights: A natural language processing perspective. *PeerJ computer science*. 2016, Vol. 2, P. 93.
- Alter S. Sherer S.A. A general, but readily adaptable model of information system risk. *Communications of the association for information systems*. 2004, Vol. 14, Article 1, P. 1–28. DOI: 10.17705/1 CAIS. 01401
- Amoore L., Raley R. Securing with algorithms: knowledge, decision, sovereignty. *Security dialogue*. 2017, Vol. 48, Iss. 1, P. 3–10.
- Ang R.P., Goh D.H. Predicting juvenile offending: A comparison of data mining methods. *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2013, 57(2), P. 191–207.
- Ayoub K., Payne K. Strategy in the age of artificial intelligence. *Journal of strategic studies*. 2016, Vol. 39, P. 793–819.
- Baldwin D.A. Security studies and the end of the Cold War. *World politics*. 1995, Vol. 45, P. 117–141.
- Baldwin D.A. The concept of security. *Review of international studies*. 1997, Vol. 23, P. 5–26.
- Balzacq T. (ed.). *Securitization theory*. London : Routledge. 2011, 272 p.
- Buzan B. *People, states and fear. An agenda for international security studies in the Post-Cold War Era*. Brighton : ECPR Press, 1991, 318 p.
- Bayley D.H. The Police and political development in Europe. In: Tilly C., Ardan G. (eds). *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, NJ : Princeton university press, 1975, P. 328–339.
- Brauch H.G., Spring O.Ü., Mesjasz C., Grin J., Dunay P., Behera N.C., Chourou B., Kameri-Mbote P., Liotta P.H. (eds). *Globalization and environmental challenges: rreconceptualizing security in the 21 st century: Vol. 3*. Berlin : Springer Science, Business Media, 2008, 1141 p.
- Brose C. The new revolution in military affairs: War's sci-fi future. *Foreign affairs*. 2019, Vol. 98, N 3. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-04-16/new-revolution-military-affairs> (accessed: 15.05.2021).
- Brożek B., Janik B. Can artificial intelligences be moral agents? *New ideas in psychology*. 2019, Vol. 54, P. 101–106.

- Bulgurcu B., Cavusoglu H., Benbasat I. Information security policy compliance: an empirical study of rationality-based beliefs and information security awareness. *MIS Quarterly*. 2010, N 34, P. 523–548.
- Buzan B., Wæver O. *Regions and powers*. Cambridge : Cambridge university press, 2003, 598 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
- Chen D.L., Egel J. Can machine learning help predict the outcome of asylum adjudications? *Proceedings of the ACM Conference on AI and the Law*. 2017, P. 237–240.
- Cocelli M., Arkin E. A threat evaluation model for small-scale naval platforms with limited capability. *EEE Symposium Series on Computational Intelligence (SSCI 2016)*. 2017, P. 1–8.
- Coglianese C., Lehr D. Regulating by robot: Administrative decision making in the Machine-learning era. *Georgetown law journal*. 2017, 1734 p.
- Davis, Zachary. Artificial intelligence on the battlefield: implication for deterrence and surprise. *Institute for national strategic security*. 2019, P. 114–131.
- Deshmukh A. A Framework for Online Internal Controls. *AMCIS August*. 2004, P. 4471–4479.
- Devereux S., Vincent K. Using technology to deliver social protection: exploring opportunities and risks. *Development in practice*. 2010, Vol. 20, N 3, P. 367–379.
- Edwards P.N. The closed world: computers and the politics of discourse in Cold War America. Cambridge : MIT press, 1997, p. 468.
- Ferguson M.P. The digital maginot line: autonomous warfare and strategic incoherence. *Prism*. 2019, Vol. 9, N 2, P. 132–145.
- Fioramonti L., Kononykhina O. Measuring the Enabling Environment of Civil Society: A Global Capability Index. *Voluntas*. 2015, Vol. 26, P. 466–487.
- Floyd R., Matthew R.A. *Environmental security: approaches and issues*. In *environmental security: approaches and issues*. London : Routledge, 2012, 320 p.
- Galanos V. Artificial intelligence does not exist: Lessons from shared cognition and the opposition to the nature/nurture divide. *IFIP advances in information and communication technology*. 2018, P. 359–373.
- Grant R.M., Verona G. What's holding back empirical research into organizational capabilities? Remedies for common problems. *Strategic organization*. 2015, Vol. 13, Iss. 1, P. 61–74.
- Buzan B., Wæver O., Wilde, J. de. *Security: a new framework for analysis*. London : Lynne Rienner, 1998, 239 p.
- Hanlon R.J., Christie K. *Freedom from fear, freedom from want: an introduction to human security*. Toronto : University of Toronto press, 2016, 288 p.
- Horowitz, M.C. Artificial intelligence, international competition, and the balance of power. *Texas national security review*. 2018, Vol. 1, P. 37–57.
- Jarrahi M.H. Artificial intelligence and the future of work: Human-AI symbiosis in organizational decision making. *Business horizons*. 2018, Vol. 61, Iss. 4, P. 577–586.
- Johansson F., Falkman G.A. Comparison between two approaches to threat evaluation in an air defense scenario. *Lecture notes in computer science (including subseries lecture notes in artificial intelligence and lecture notes in bioinformatics)*. 2008, Vol. 5285, P. 110–121. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-88269-5_11

- Johnson J.S. Artificial Intelligence: A Threat to strategic stability. *Strategic studies quarterly*. 2020, Vol. 14, P. 16–39.
- Kaplan A., Haenlein M. Siri, Siri, in my hand: Who's the fairest in the land? On the interpretations, illustrations, and implications of artificial intelligence. *Business Horizons*. 2019, Vol. 62, Iss. 1, P. 15–25.
- Kennedy D. The move to institutions. *Cardoso law review*. 1987, N 8(5), P. 841–988.
- Keskinbora K.H. Medical ethics considerations on artificial intelligence. *Journal of clinical neuroscience*. 2019, Vol. 64, P. 277–282.
- Kissell R., Malamut R. Algorithmic Decision-Making Framework. *The Journal of trading*. 2005, Vol. 1, P. 12–21.
- Kumar S., Tripathi B.K. Modelling of threat evaluation for dynamic targets using Bayesian network approach. *Procedia technology*. 2016, Vol. 24, P. 1268–1275.
- Liu Z., Chen H. A predictive performance comparison of machine learning models for judicial cases. *2017 IEEE Symposium Series on Computational Intelligence, SSCI 2017*. 2018, P. 1–6
- Longino H. Individuals or populations? In: Cartwright N., Montuschi E. (eds). *Philosophy of social science: an introduction*. Oxford : Oxford university press, 2014, P. 102–120.
- Lum K., Isaac W. To predict and serve? *Significance*. 2016, Vol. 13, Iss. 5, P. 14–19.
- Martin Katz D., Bommarito M.J., Blackman J. A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States. *PLoS ONE*. 2017, Vol. 12(4). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0174698>
- Martin K. Ethical implications and accountability of algorithms. *Journal of business ethics*. 2018, Vol. 160, P. 835–850. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-018-3921-3>
- McClendon L., Meghanathan N. Using machine learning algorithms to analyze crime data. *Machine learning and applications: an international journal*. 2015, Vol. 2, N 1, P. 1–12.
- Mead Earle E. (ed.). *Makers of modern strategy: military thought from Machiavelli to Hitler*. Princeton, NJ : Princeton university press, 1944, p. 951.
- Mikhaylov S.J., Esteve M., Campion A. Artificial intelligence for the public sector: Opportunities and challenges of cross-sector collaboration. *Philosophical transactions of the royal society a: mathematical, physical and engineering sciences*. 2018, Vol. 376, Is. 2128. DOI: <https://doi.org/10.1098/rsta.2017.0357>
- Mittelstadt B.D., Allo P., Taddeo M., Wachter S., Florid, L. The ethics of algorithms: mapping the debate. *Big data and society*. 2016, Vol. 3, Iss. 2, P. 1–21.
- Naehm H., Masood A. An optimal dynamic threat evaluation and weapon scheduling technique. *Knowledge-based systems*. 2010, Vol. 23, Iss. 4, P. 337–342.
- Nakaya T., Yano K. Visualising crime clusters in a space-time cube: An exploratory data-analysis approach using space-time kernel density estimation and scan statistics. *Transactions in GIS*. 2010, Vol. 14, Iss. 3, P. 223–239.
- Nance William D., Straub Detmar W. An Investigation into the Use and Usefulness of Security software in Detecting Computer Abuse. *ICIS 1988 Proceedings*. 1988, N 36. Mode of access: <http://aisel.aisnet.org/icis1988/36> (accessed: 05.05.2021).
- Naseem A., Shah S.T. H., Khan S.A., Malik A.W. Decision support system for optimum decision-making process in threat evaluation and weapon assignment: Current

- status, challenges and future directions. *Annual reviews in control*. 2017, Vol. 43, P. 169–187.
- Neack L. *National, international, and human security: a comparative introduction*. Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 2017, 236 p.
- Paré P. (ed.). *Makers of modern strategy from Machiavelli to the Nuclear age*. Princeton, NJ : Princeton university press, 1986, 951 p.
- Parker G. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West. 1500–1800: 2 nd ed*. Cambridge : Cambridge university press, 1996, 292 p.
- Patil S., Potoglou D., Lu H., Robinson N., Burge P. Trade-off across privacy, security and surveillance in the case of metro travel in Europe. *Transportation research procedia*. 2014, Vol. 1, Iss. 1, P. 121–132.
- Payne K. Artificial intelligence: A revolution in strategic affairs? *Survival*. 2018, Vol. 60, P. 7–32.
- Reis J., Santo P.E., Melão N. Artificial intelligence in government services: a systematic literature review. *Advances in intelligent systems and computing*. 2019, P. 241–252.
- Russell S., Norvig P. *Artificial intelligence a modern approach*. New Jersey : Prentice-Hal, 2010, 1152 p.
- Sharre P. Killer apps: The real dangers of an AI arms race. *Foreign Affairs*. 2019. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-04-16/killer-apps> (accessed: 20.04.2021).
- Tene O., Polonetsky J. Taming the golem: challenges of ethical algorithmic decision-making. *North Carolina journal of law & Technology*. 2018, Vol. 19, Iss. 1, P. 1–15.
- Vallverdu J. The emotional nature of post-cognitive singularities. In: Callaghan V. et al. (eds). *The Technological singularity, the frontiers collection*. Germany : Springer-Verlag, Heidelberg, 2017, P. 193–208.
- Whitman M.E., Mattord H.J. *Principles of information security*. Boston : Course Technology, 2011, 656 p.
- Williams M., Axon L., Nurse J.R.C., Creese S. Future scenarios and challenges for security and privacy. *2016 IEEE 2 nd International Forum on Research and Technologies for Society and Industry Leveraging a Better Tomorrow, RTSI 2016*. 2016, P. 1–6.
- Wolfers A. “National Security” as an Ambiguous Symbol. *Political science quarterly*. 1952, N 67(4), P. 481–502.
- Wright Q. *A Study of War*. Chicago : University of Chicago press, 1942, 466 p.
- Zarsky T. The Trouble with algorithmic decisions: an analytic road map to examine efficiency and fairness in automated and opaque decision making. *Science technology and human values*. 2016, P. 118–132.
- Zegart A., Morell M. Spies, lies, and algorithms: Why U.S. Intelligence agencies must adapt or fail. *Foreign Affairs*. 2019, N3. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-04-16/spies-lies-and-algorithms> (accessed: 30.04.2021).

Е.В. БРОДОВСКАЯ, Д.А. ЕЖОВ, А.С. ОГНЕВ*

**ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В ТЕКУЩЕМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ЦИКЛЕ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ОКУЛОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СЕТЕВОГО КОНТЕНТА¹**

Аннотация. Представлены результаты исследования интернет-коммуникаций российских политических партий на старте нового электорального цикла в 2021 г.

Исследование носит междисциплинарный характер и опирается на следующие методологические подходы: постбихевиоризм, имплицитная когнитивистика, Predictor Mining. Эмпирическая стратегия включает в себя комбинацию методов: SMA, айттрекинга, фокус-группового интервью. В ходе реализации окулометрического анализа для построения батареи визуальных стимулов был выбран протокол, разработанный при оценке продуктивности сочетания психосемантических процедур и регистрации с помощью айттрекера глазодвигательной активности респондента в ходе избирательных кампаний 2018 г. В результате

---

* **Бродовская Елена Викторовна**, доктор политических наук, доцент, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: brodovskaya@inbox.ru; **Ежов Дмитрий Александрович**, кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: president@lenta.ru; **Огнев Александр Сергеевич**, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии и педагогики, Российский новый университет (Москва, Россия), e-mail: altognev@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31407.

© Бродовская Е.В., Ежов Д.А.,
Огнев А.С., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.03.05

исследования зафиксированы следующие особенности восприятия респондентами интернет-контента политических партий: основная линия спектрального противопоставления связана в представлениях российского электората с антагонизмом таких политических партий, как «Единая Россия» и «Яблоко»; в большей степени на момент проведения исследования отоброилирован электорат «новых партий», добившихся успеха на региональных выборах в 2020 г.; опора «новых» политических партий на лидеров общественного мнения становится одним из базовых инструментов реализации их электоральных задач и др.

Предложенная в исследовании методика аттестации интернет-контента может быть востребована политическими партиями для совершенствования содержательных и психотехнологических характеристик их информационных потоков в социальных медиа. Применение разработанной методики окулометрического анализа для аттестации интернет-контента позволит партийным акторам усовершенствовать технологию таргетирования во взаимодействии с электоратом.

Ключевые слова: политические партии; айтрекинг; айтрекер; окулометрия; социальные сети; сетевой контент; социально-психологические и социально-политические исследования; фокусированное интервью; достоверность информации; добросовестность респондентов; политические предпочтения.

Для цитирования: Бродовская Е.В., Ежов Д.А., Огнев А.С. Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулометрического анализа сетевого контента // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 112–141. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.05>

Проблемное поле

Применение в современных политических исследованиях междисциплинарной методологии позволяет в некоторой мере примирить противопоставление позитивистской и интерпретаторской стратегий их реализации. Исследовательские замыслы, сформированные на стыке политической науки когнитивистики нейровизуального моделирования воплощают ответ гуманитарного знания на вызовы гибридизации медиа-пространства. Фактором, сдерживающим развитие данного направления политических исследований, является сложность триангуляции методов: SMA, айтрекинга, фокус-группового интервью. Вместе с тем именно данная комбинация методов в полной мере отвечает принципам комбинирования методов прикладного политического исследования для достижения максимального коэволюционного результата, при котором количественные и качественные методы дополняют и усиливают друг друга, взаимно нивелируют слабые стороны их применения. Помимо этого, гибридный характер стратегии иссле-

дования обеспечивается тем, что используются методы, приемлемые для работы с эмпирическими объектами как в реальной, так и в цифровой средах.

Настоящее исследование ориентировано на развитие таких направлений политической науки, как социально-медийная предиктивная аналитика и имплицитная когнитивистика. Социально-медийная предиктивная аналитика предполагает реализацию интеллектуального поиска и анализа данных, создание датасетов открытых цифровых следов пользователей в интернет-пространстве. В свою очередь, имплицитная когнитивистика направлена на выявление неявных когнитивных процессов, оказывающих влияние на выбор стратегии политического поведения. Синтезирование обозначенных направлений позволяет выделять «нарративные элементы, нарративные стратегии и политические убеждения» [Shanahan et al., 2013], опираясь на большие массивы данных в социальных медиа, верифицировать их посредством социального эксперимента с использованием айтрекинга и элементов фокус-группового интервью. Возможности представленной методологии и методики для решения теоретических задач и задач политической практики продемонстрированы на кейсе сетевого контента политических партий в РФ.

Теоретический обзор

Проникновение интернет-коммуникаций в деятельность политических партий в начале 2000-х годов предопределило возникновение научно-исследовательского интереса, сосредоточенного вокруг особенностей использования партиями коммуникативных возможностей глобальной сети Интернет и их адаптации к появлению новых технологий.

Так, проблема использования политическими партиями ресурсов сети Интернет для выполнения ряда ключевых функций нашла отображение в исследовании А. Реммеле, исходящей из того, что новые информационные и коммуникационные технологии по-разному применяются отличными друг от друга типами политических партий в ходе осуществления их деятельности [Römmele, 2003]. В условиях столкновения политических партий с вызовами цифровой интерактивности результаты ряда исследова-

ний демонстрируют нежелание политических субъектов взаимодействовать с гражданами с помощью сетевых коммуникаций, мотивированное ограниченностью подобного рода интеракций. В частности, взаимодействие в онлайн-пространстве описывается в качестве «децентрализованного общения многих ко многим» [Janssen, Kies, 2005]. Среди причин ограниченного политического взаимодействия выступают отсутствие ресурсов, опыта или необходимость контроля [Mascheroni, Mattoni, 2013]. В то же время отдельными учеными прямой диалог с избирателями рассматривается в качестве одной из основных мотиваций для политических партий и политиков в использовании социальных сетей [Enli, Skogerbo, 2013]. Интенсификация проведения партиями онлайн-политики объясняется в литературе коммуникативным потенциалом соответствующих политических субъектов [Johnson, 2011]. Отдельно следует выделить исследования, в которых рассматриваются коммуникации политических партий в период предвыборных кампаний. В частности, С. Карлсеном подчеркивается, что во время избирательных кампаний коммуникативная цель политических партий состоит как в мобилизации сторонников, так и в убеждении неопределившихся избирателей [Karlsen, 2011], а, согласно А. Чедвику, роль цифровых медиа в преобразовании политических партий и избирательных кампаний, обусловленная противоречием между контролем и интерактивностью, неизбежно ведет к обновлению политических субъектов извне [Chadwick, 2017].

В силу специфики объектно-предметной области настоящего исследования отдельный интерес представляют работы российских ученых, посвященные вопросам типологизации инструментов интернет-коммуникации политических партий, формирования сетевых партий, конструирования имиджа партий в сети Интернет, создания цифровых платформ партий, изучения технологий влияния интернет-коммуникаций на общественно-политические процессы.

В ходе анализа медиаландшафта и коммуникационного пространства политических партий России Д.В. Чижев выделяет основные формы и инструменты интернет-коммуникации, в числе которых выступают официальные интернет-сайты политических партий; интернет-проекты – спутники политических партий; специальные и электоральные проекты, проекты по фандрайзингу; активность политических партий в социальных сетях, блогосфере и на форумах; интернет-телевидение, видеохостинги, вебинары [Чи-

жов, 2015]. Рассматривая основные подходы к построению имиджевых стратегий российских политических партий в межвыборный период и в избирательном процессе, а также коммуникационные инструменты формирования эффективного имиджа российских политических партий в интернет-пространстве, автор полагает, что свойства социальных медиа делают их идеальным оперативным каналом политической коммуникации, позволяющим улавливать настроения избирателей и получать эксклюзивную информацию для оперативной проработки в конкретные управленческие решения [Чижов, 2016].

Рассматривая интернет-технологии в качестве фактора, повышающего эффективность деятельности политических партий посредством расширения возможностей внутрипартийной и внешнепартийной коммуникации, гибкой политической мобилизации, а также активного привлечения финансовых средств, А.Н. Балашов приходит к выводу, что роль интернет-технологий в деятельности российских политических партий постоянно возрастает [Балашов, 2015 а]. При этом отмечается, что российские партии испытывают конкуренцию в сети Интернет со стороны новых коллективных форм политической активности, а изменение организационной структуры и способов коммуникации партий способствует появлению виртуальных партий [Балашов, 2015 а]. Оценивая перспективы сетевых партий в России, автор отмечает большую научную и практическую ценность анализа качества коммуникации представителей партий в социальных медиа, а именно процента конструктивных сообщений, а также количества ответов на сообщения и содержания таких ответов, и полагает вероятным создание партий по типу кибер-партий с учетом российской специфики [Балашов, 2015 б].

Л.В. Сморгунов рассматривает влияние факторов персонификации, интерактивности и прямого участия на традиционные политические партии, оказавшиеся перед вызовами сокращения партийного членства, неэффективности традиционной организационной мобилизации, критики политических элит и репрезентации. Использование веб-сайтов и выход партий в социальные сети, по мнению автора, определили тенденцию превращения их в медиа-коммуникационные партии с формированием расширенных партийных сетей, а традиционные партии, оказавшиеся перед вызовами новых форм политической коммуникации, вынуждены

адаптироваться к актуальной ситуации, что способствует сетевой организации и перестройке их работы [Сморгунов, 2014].

В ходе исследования роли политических идентичностей в социальных сетях С.Н. Федорченко отталкивается от концепта фронта и выступает против жесткого разделения онлайн- и офлайн-политики, рассматривая становление сетевых политических идентичностей в ракурсе наложения процесса виртуализации политического сегмента и встречного процесса социализации Интернета. Изучая переход абсентеистов в социальные сообщества на фоне метаморфозы институтов партий и парламентаризма, автор определяет современное государство в качестве активного дизайнера провластных сетевых политических идентичностей [Федорченко, 2017].

С.В. Володенков рассматривает влияние технологических трансформаций в сфере интернет-коммуникаций на общественно-политические процессы. Полагая, что сетевые сообщества в ряде случаев могут превращаться в виртуальные институты воздействия на власть, которые за счет своей информационно-коммуникационной активности в интернет-пространстве способны успешно агрегировать и артикулировать интересы своих сторонников, а также влиять на общественно-политическую повестку, автор делает заключение о возможных рисках существенной дифференциации различных общественных групп в разрезе структуры их информационного потребления и формирования принципиально различных по своему смысловому наполнению моделей социально-политической реальности [Володенков, 2019].

Увеличение масштаба, интенсификация динамики и роста технологичности информационных потоков различных политических сил в социальных медиа отмечаются в новейшем исследовании Е.В. Бродовской, посвященном анализу цифрового менеджмента политических партий и протопартийных сетевых акторов в современной России, в качестве отличительной особенности которого выступает наличие оценки эффективности интернет-практик российских политических партий в условиях пандемии коронавируса COVID-19, в период, характеризующийся предельным ограничением коммуникаций партий с электоральными группами в реальной среде [Бродовская, 2020].

В настоящее время за рубежом активно реализуются исследования, фиксирующие с помощью айттрекеров влияние онлайн-

сопровождения имиджей на политическое участие [Geise, Heck, Panke, 2021]. Тестирование восприятия политической рекламы также осуществляется благодаря применению методики окулометрии [Schmuck et al., 2019]. Несмотря на то, что основы представленного в настоящем исследовании метода были заложены в 60-е годы XX в. советским ученым [Ярбус, 1965], в современной российской политической науке пока не сложилась традиция применения инструментальной диагностики в эмпирических исследованиях, что существенно обедняет их методический аппарат и снижает результативность. Вместе с тем современная наука нуждается в совершенствовании методов и инструментов получения неспровоцированных данных. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что представленная в статье методика применения окулометрии для анализа реакции респондента на предъявляемый сетевой контент строится на принципе отсутствия прямого запроса информации и снимает ряд ограничений, присущих традиционным эмпирическим методам (имеется ввиду подстраивание ответов респондентов под социальные ожидания). Кроме этого, скорость предъявления визуального контента (смена картинки каждые 7 секунд) гарантирует свободу результата эксперимента от намеренного изменения респондентом своей реакции на предъявляемый стимул. Исходя из этого, представленные в статье материалы инициируют расширение практик применения инструментальной диагностики с помощью айтрекеров для задач исследования скрытых механизмов гражданской и политической активности.

Наличие значительного числа публикаций, в которых освещаются теоретические аспекты функционирования партий в интернет-пространстве, формирует достаточную теоретическую базу для последующего анализа интернет-коммуникаций российских политических партий в текущем избирательном цикле.

Методология исследования

Методология исследования базируется на сочетании нескольких подходов к исследованию влияния интернет-коммуникаций на выбор политических предпочтений и стратегий поведения.

Постбихевиоризм. Особую значимость на современном этапе приобретает концепция подталкивающей информации, прак-

тическое воплощение которой связано с таргетированием цифрового контента. Подталкивание подразумевает «любой аспект процесса принятия решения, который побуждает людей изменять свое поведение определенным образом, не внося никаких ограничений в возможности выбора» [Талер, Санстейн, 2017]. Необходимо отметить, что концепция подталкивающей информации подверглась критике за направленность на применение методов манипулятивного воздействия в целях социальной инженерии¹. Вместе с тем идеи концепции получили развитие в технологиях убеждения, используемых в цифровых коммуникациях. В условиях цифровизации поведение индивида обуславливается как его мотивацией и способностями, так и информационными подсказками (импульсами) [Fogg, 2009]. Основные положения обозначенных концепций нашли свое применение в современных избирательных технологиях, политическом маркетинге, брендинге политических партий.

Имплицитная когнитивистика. Значимость применения имплицитной когнитивистики связана с тем, что она, в первую очередь, сконцентрирована на исследовании неявных аттитюдов. По мнению основоположников данного подхода, мысли и чувства вне осознания или сознательного контроля могут влиять на восприятие, суждение и действия. При этом отмечается то, что «люди обладают неявным отношением и стереотипами, которые часто отличаются от их явно одобряемых убеждений и ценностей» [Greenwald, McGhee, Schwartz, 1998; Nosek et al., 2007; Karpinski, Hilton, 2001, p. 774; Nosek, Riskind, 2012].

Predictor Mining. Predictor Mining – это подход, сфокусированный на извлечении смыслов из цифровых информационных потоков. Интеллектуальный поиск и анализ данных используется в исследовании благодаря тому, что представляет собой междисциплинарную область, возникшую на пересечении прикладной статистики, искусственного интеллекта, теории баз данных и др., включающую в себя систему методов обнаружения в данных ранее неизвестных и доступных интерпретации знаний, необходимых для моделирования и прогнозирования социально-политических

---

¹ Tapson M. The soft totalitarianism of nudging. – 2013. – Mode of access: <https://www.frontpagemag.com/fpm/200533/soft-totalitarianism-nudging-mark-tapson> (accessed: 12.03.2021).

процессов (Data Mining, Text Mining, Predictor Mining, Social Computing) [Predictor Mining: применение методов ..., 2013].

Методика исследования

Исследование направлено на поиск неявных внутренних оснований, актуализирующих формирование электоральных установок и электоральный выбор.

Цель исследования заключалась в комплексном анализе восприятия сетевого контента политических партий для уточнения результатов социально-медийного анализа их информационных потоков в социальных медиа.

Можно обозначить несколько базовых задач, решенных в ходе исследования:

- определение содержательных доминант и проблемного поля информационных потоков политических партий;
- отбор визуальных и текстовых материалов для формирования батареи стимулов;
- проведение эксперимента для уточнения реакции респондентов на предъявляемые стимулы;
- количественная интерпретация полученных данных и ранжирование позиций политических партий;
- определение соотношения количественных и качественных данных, полученных в ходе эксперимента с результатами социально-медийного анализа информационных потоков политических партий.

Для достижения цели исследования и решения поставленных задач в качестве основы для построения батареи визуальных стимулов был выбран протокол, разработанный для оценки продуктивности сочетания психосемантических процедур и компьютерной регистрации взора человека в ходе избирательных кампаний 2018 г. [Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 b]. Как и в указанном исследовании, в качестве элементов визуальных стимулов использовались логотипы политических партий, скриншоты их первых интернет-страниц в социальных сетях. Как и ранее, в визуальных стимулах использовались перечисленные материалы парламентских политических партий и тех политических партий, которые в ходе избирательной кампании 2018 г. набрали более 1% голосов избирателей. В отличие от цитируемого исследования в

перечень указанных материалов были включены логотипы и скриншоты ряда зарегистрированных в последние два года политических партий, принявших активное участие в избирательной кампании 2020 г. Указанные элементы были частью визуальных стимулов, в состав которых также включались комплементарные полюса семантических дифференциалов «свой – чужой», «сильный – слабый», «победит – проиграет», «Я – за!» – «Я – против!», «скучный – интересный», «удачный – неудачный», «привлекательный – отталкивающий» и т.д.

Кроме того, в тестовую батарею были включены валидизированные визуальные стимулы, разработанные ранее для оценки персональных особенностей респондентов и для уточнения индивидуальных психосемантических особенностей восприятия ими цветовых элементов тестируемых изображений (наборы таких визуальных стимулов и особенности их использования детально описаны в работах [Возможности использования окулометрических технологий ..., 2020; Специфика использования айтрекеров ..., 2021; Окулографические показатели преобладания ..., 2020; Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 а; b; c; Использование айтрекеров для диагностики ..., 2020; Огнев, Петровский, Лихачева, 2018 а; b; Ognev, 2019; Ognev et al., 2019 а; b; c]. В состав этой части визуальных стимулов вошли:

- визуальный стимул № 1 – помещенная в верхней части экрана фраза «Где Вы?» над изображением трех бегунов у финишной ленты: первый бегун на этом рисунке уже достиг финиша, второй и третий находятся в шаге от лидера;

- аналогичный стимулу № 1 визуальный стимул № 2 – помещенная в верхней части экрана фраза «На глазах у мамы» над изображением трех бегунов у финишной ленты: первый бегун на этом рисунке уже достиг финиша (переменная 63), второй и третий находятся в шаге от лидера;

- аналогичный стимулам № 1 и № 2 визуальный стимул № 3 – помещенная в верхней части экрана фраза «На глазах у папы» над изображением трех бегунов у финишной ленты: первый бегун на этом рисунке уже достиг финиша, второй и третий находятся в шаге от лидера;

- визуальный стимул № 4 – изображение под надписью: «Где здесь вы?» игрового эпизода, в котором участвуют вратарь, хоккеист-защитник, атакующий ворота хоккеист;

– аналогичный визуальному стимулу № 4 стимул № 5, на котором под фразой «На глазах у папы» показан игровой эпизод с участием вратаря, хоккеист-защитник (переменная 59), атакующий ворота хоккеист;

– аналогичный визуальному стимулу № 4 стимул № 6, на котором под фразой «На глазах у мамы» показан игровой эпизод с участием вратаря, хоккеист-защитник, атакующий ворота хоккеист;

– визуальный стимул № 7 – размещенная на белом фоне красная черта с надписью «за черту нельзя!»;

– стимул № 8 – фраза «где вы?» над изображением двух обращенных к зрителю контурных фигур, одна из которых – взрослый человек без выраженных признаков принадлежности к какому-нибудь полу в свободной домашней одежде, а вторая – энергично бьющий в барабан ребенок (рисованная часть воспроизводит сюжет картинки № 11 из детского варианта теста фрустрационных реакций Розенцвейга);

– стимул № 9, который от визуального стимула № 8 отличается тем, что его тестовая часть состоит из фразы: «Это папа. Мама спит»;

– стимул № 10, который от визуального стимула № 8 отличается тем, что его тестовая часть состоит из фразы: «Это мама. Папа спит»;

– визуальный стимул № 11, рисованная часть которого содержит фрагмент картинки № 22 из теста фрустрационных реакций Розенцвейга, а в качестве переменных на нем выделены: участливо повернувшийся к упавшему человек, сам упавший, явно стремящийся отстраниться от участия в изображенном фрустрирующем событии человек;

– аналогичный визуальному стимулу № 11 стимул № 12, на котором под фразой «На глазах у мамы» расположены участливо повернувшийся к упавшему человек, сам упавший, явно стремящийся отстраниться от участия в изображенном фрустрирующем событии человек;

– аналогичный визуальному стимулу № 11 стимул № 13, на котором под фразой «На глазах у папы» расположены участливо повернувшийся к упавшему человек, сам упавший, явно стремящийся отстраниться от участия в изображенном фрустрирующем событии человек;

– стимул № 14, на котором в центре экрана айттрекера размещена надпись «мне ближе», а в углах экрана даны различные

следующие варианты ответов: «организация», «исполнение», «традиции», «инновации»;

– стимул № 15, на котором в центре экрана айтрекера размещена надпись «в конфликте лучше», а в углах экрана даны различные следующие варианты ответов: «выждать», «уступить», «атаковать», «отстаивать».

При работе с каждым визуальным стимулом регистрировалась фиксация внимания на указанных выше элементах. Например, определялось, на логотипе какой из партий дольше всего задерживалось внимание респондента при появлении фразы «голосовать за».

В качестве респондентов в эмпирической части исследования участвовало 118 человек в возрасте от 18 до 63 лет. Для проведения окулометрического и окулографического анализа тестируемых изображений использовался компактный мониторинговый айтрекер GP-3, различные варианты применения которого подробно изложены в [Возможности использования окулометрических технологий ..., 2020; Применение компьютерного кардиографа ..., 2019; Окулографические показатели преобладания ..., 2020; Николаева, Лихачев, Огнев, 2020; Применение окулометрии ..., 2020; Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 а; б; в; Использование айтрекеров для диагностики ..., 2020; Огнев, Петровский, Лихачева, 2018 а; Огнев, Петровский, Лихачева, 2018 б; Ognev, 2019; Ognev et al., 2019 а; б; в]. Как и в ряде предыдущих исследований, для повышения полноты и достоверности получаемой информации нами были использованы два режима работы с визуальными стимулами – аутентичный и реверсивный. Первый из них («аутентичный взгляд») предписывал респонденту непосредственное созерцание визуальных стимулов, когда в пределах экрана он (она) смотрит туда, куда ему (ей) хочется. Второй режим («реверсивный взгляд») предписывал выбор на экране того, что, по мнению респондента, является диаметрально противоположным его (ее) первоначальному (естественному, аутентичному, истинному) выбору [Возможности использования окулометрических технологий ..., 2020; Применение компьютерного кардиографа ..., 2019; Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 б; Ognev, 2019].

Двойной вариант тестирования (аутентичный взгляд и взгляд в реверсивном режиме, когда респонденту нужно было выбрать наименее подходящий вариант стимула) визуальных стимулов производился с учетом того, что непрерывный рост интенсив-

ности информационного воздействия на современного человека сопровождается снижением толерантности потенциальных респондентов по отношению к попыткам побудить их к анализу контента, который выбран кем-то другим с не всегда понятными целями. Это существенно осложняет использование случайных выборок респондентов для оценки цифрового контента – особенно тех его разновидностей, которые не относятся к разряду наиболее популярных. Так, например, сейчас обстоит дело с теми материалами, которые современные политические партии размещают в интернете в различных социальных сетях. В результате возникает порочный круг, образованный неудовлетворительной подачей материалов в социальных сетях и большими сложностями для выявления того, что именно по форме и содержанию не устраивает тех, кому они адресованы. Эта проблема усугубляется еще и тем, что в случае с сетевым контентом политических партий уже многие годы наблюдается стойкое нежелание основной части общества знакомиться с его содержанием. Но обычно применяемая для решения подобных задач индивидуальная и групповая формы фокусированного интервью в качестве обязательного условия предполагают предварительную работу респондента со специально подобранным материалом, участие в определенном рода событии, в котором такой материал как-то используется [Мертон, Фиске, Кендалл, 2019; Оберемко, Тереньева, 2018]. И, как мы предполагали в начале серии описываемых в данной работе исследований, выполнение этого условия в сочетании с пробуждением интереса к такой работе можно обеспечить путем проведения фокусированного интервью как послетестовой беседы с респондентами, которым анализируемый контент вначале был показан на экране айтрекера в виде серии визуальных стимулов. Основанием для этого предположения стали многочисленные примеры успешного использования айтрекеров для проведения социально-политических и демографических исследований [Возможности использования окулометрических технологий ..., 2020], при изучении мотивации личности [Алмаев, Бессонова, Мурашева, 2020], в ходе оценки достоверности информации [Специфика использования айтрекеров ..., 2021; Применение компьютерного кардиографа ..., 2019; Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 b; Ognev, 2019; Ognev et al, 2019 b; c], в государственном управлении, политическом брендинге и планировании избирательных кампаний [Игнатовский, Ива-

нов, 2020], в процессе выявления позитивных или негативных эмоциональных состояний [Окулографические показатели преобладания ..., 2020; Ognev, 2019], при определении индивидуальных особенностей личности как субъекта жизнедеятельности [Николаева, Лихачева, Огнев, 2020], в обнаружении различных видов установок и персональных жизненных сценариев [Применение окулометрии для определения ..., 2020; Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 а; b; c; Использование айтрекеров для диагностики ..., 2020; Огнев, Петровский, Лихачева, 2018 а; b].

После предъявления всех визуальных стимулов на экране соединенного с айтрекером компьютера с каждым респондентом проводилась послетестовая беседа с одновременным использованием материалов, полученных и в режиме «аутентичный взгляд», и в режиме «реверсивный взгляд». Это позволяло обсудить с каждым респондентом причины его и политических, и визуальных предпочтений, и то, что по его мнению может быть причиной неприятия им и каких-либо политических партий, и используемого ими в социальных сетях контента. Послетестовая беседа – в форме фокусированного интервью с учетом критериев и показателей его эффективности и согласно правилам и рекомендациям, изложенным в работах [Мертон, Фiske, Кендалл, 2019; Оберемко, Тереньева, 2018], а также с учетом определения вариантов оптимального сочетания с окулометрической диагностикой [Специфика использования айтрекеров ..., 2021; Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 а].

Указанный вариант использования айтрекеров отвечал всем критериям эффективности фокусированного интервью благодаря тому, что, например, по такому критерию, как полнота, беседа с опорой на показатели айтрекера помогала респондентам без особых затруднений освещать различные стороны обсуждаемой («стимульной») ситуации и содержательно объяснять свои реакции. По такому критерию, как специфичность, описываемый вариант фокусированного интервью может быть охарактеризован наилучшим образом благодаря тому, что окулографический материал обеспечивает точные сообщения о тех аспектах стимульной ситуации, которые вызвали определенные реакции (например, респонденты в ходе тестирования уделяли каким-то элементам повышенное внимание или подчеркнуто их игнорировали). Высокие показатели по такому критерию, как глубина, в этом виде интервьюирования были обусловлены тем, что окулометрия помогала

интервьюируемым описать эмоциональный, когнитивный и ценностный смысл ситуации и степень своей включенности в нее. Личностный контекст как один из важнейших критериев фокусированного интервью в нашем случае эффективно выявлялся за счет того, что окулометрический анализ дает хорошие результаты при определении характерных персональных черт и предшествующего опыта интервьюируемых, которые влияют на наполнение смыслом обсуждаемой ситуации.

Применение реверсивных режимов, визуальных стимулов личной направленности, активное участие респондентов в обсуждении всех полученных с их помощью окулометрических и окулографических данных повышало мотивацию интервьюируемых к аттестации ими самых разных видов информационного контента. Наглядное воссоздание с помощью айтрекера аутентичных реакций интервьюируемых стимулировало их желание выявить природу собственных реакций и дать содержательные рекомендации по улучшению тематики и формы подачи различных видов информации в социальных сетях.

Оперативность самого тестирования, высокая степень включенности в работу с айтрекером помогала поддерживать на протяжении всей работы с каждым интервьюируемым высокий уровень концентрации, фокусировки его внимания на всех анализируемых составляющих изучаемого контента. Это давало возможность быстро выявлять сильные и слабые стороны того, что и как представлено в оцениваемых материалах, какие существуют возможности для его доработки. В результате каждый интервьюируемый становился деятельным соучастником работы по улучшению подобного рода контента.

Фокусировка на зафиксированных айтрекером и подвергнутых окулометрической обработке реакциях интервьюируемого минимизировала вмешательство интервьюера. Это снижало риск искажений из-за невольных ожиданий интервьюера от проводимого исследования. Такие ожидания могут побуждать интервьюера к тому, чтобы своими наводящими вопросами и предлагаемыми процедурами не столько выявлять аутентичную реакцию респондента, сколько пытаться получить подтверждение своей гипотезы. В нашем случае профилактикой таких искажений служила фокусировка на окулометрических параметрах взгляда респондента в процессе предъявления ему изучаемых стимулов на экране совмещенного с айтрекером компьютера. Кроме того, такой вариант фо-

кусировки позволял объективировать реакцию на конкретные элементы предъявляемых стимулов и в беседе с интервьюируемым предметно уточнить именно их смысловую нагрузку – как наиболее лично значимых составляющих анализируемого контента. Важно и то, что ориентация на демонстрируемых с помощью айтрекера окулограммах позволяла фокусировать внимание респондента на его связанных с контентом персональных реакциях, а не на интервьюере. Так, например, вопросами о чувствах и мыслях, возникавших при фиксации на конкретном элементе изображения, может быть усилена фокусировка на аффективных и когнитивных составляющих реакции самого респондента, на значимом для него в соответствующий момент личностном контексте.

Результаты и их обсуждение

Итоги анализа полученных окулOMETрических показателей в целом по всей группе респондентов представлен в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Ранжированные показатели фиксации взора на отдельных фрагментах тестовых визуальных стимулов

Логотипы партий (из информационных плакатов на избирательных участках)	С каким понятием ассоциируется (ранги с учетом фиксации взгляда)			
	СВОЙ	СИЛЬНЫЙ	ПОБЕДИТ	Я- «ЗА»!
Единая Россия	1	1	1	1
КПРФ	12	13	10	14
ЛДПР	11	15	11	13
Справедливая Россия	10	8	9	15
Коммунисты России	7	14	6	11
Яблоко	8	3	3	4
Партия пенсионеров	9	13	14	9
Родина	14	12	16	6
Партия роста	13	10	7	10
Зеленые	2	2	4	2
ПАРНАС	17	17	8	17
Патриоты России	4	9	12	8
КПСС	16	16	13	16
Новые люди	5	5	2	3
Зеленая альтернатива	15	6	15	12
За правду	3	11	17	5
Партия прямой демократии	6	7	5	7

Таблица 2

**Ранжированные показатели фиксации взора
на скриншотах страниц в социальных сетях**

Скриншоты сайтов партий (июнь 2018 года)	Ранжирование по длительности фиксации взгляда	
	Страница в сети ВКонтакте	Страница в сети Facebook
Единая Россия	3	1
КПРФ	15	7
ЛДПР	2	8
Справедливая Россия	5	11
Коммунисты России	7	9
Яблоко	1	3
Партия пенсионеров	4	6
Родина	16	10
Партия роста	6	12
Зеленые	13	2
ПАРНАС	11	17
Патриоты России	13	16
КПСС	14	13
Новые люди	9	4
Зеленая альтернатива	16	14
За правду	3	5
Партия прямой демократии	6	15

Из сопоставления табл. 1 и 2 видно, что связь популярности политических партий и внимание к их материалам в социальных сетях выражена крайне слабо. Из представленных в таблицах материалов также видно, что у принимавших в исследовании респондентов повышенное внимание вызывают партии, декларирующие свою готовность решать экологические проблемы. Как альтернативу доминирующей партии «Единая Россия» наши респонденты более всего склонны считать партию «Яблоко». Полученные с помощью айтрекера данные и результаты послетестовых бесед показали, что сторонников этой политической партии от сторонников партии «Единая Россия» отличает сниженный уровень самоконтроля, склонность к поиску нетривиальных форм решения возникающих перед ними проблем и пониженный интерес к высокому социальному статусу. Заметным образом от указанных групп респондентов отличаются и сторонники новых партий («Новые люди», «Зеленая альтернатива», «За правду»). Их стремление к новому сочетается с повышенным личным интересом к социальному статусу. Значительная часть респондентов из этой группы,

как и сторонники партии «Зеленые», проявляет повышенный интерес к проблемам экологии. Но между ним также есть существенное отличие. Как правило, сторонники партии «Зеленые» не проявляют больших амбиций в отношении своего социального статуса и более склонны не к активным (атакующим), а к реактивным (контратакующим) действиям.

Также было обнаружено, что готовность демонстрировать ту или иную степень включенности в проблемную ситуацию, выбор способа поведения в условиях соревнования у сторонников партии «Яблоко» и партий из группы недавно зарегистрированных существенным образом зависит от присутствия или отсутствия в поле зрения таких респондентов референтных лиц. Так, появление в ситуации конкуренции референтного лица, которое эти респонденты относят к архетипическим фигурам отцовского типа, побуждает сменить тип предпочтительного поведения с атакующего на контратакующий. При этом следует отметить, что у сторонников партии «Единая Россия» такой смены не происходит.

Как уже было отмечено выше, для определения возможных побудительных мотивов сделанного подсознательного выбора и для выявления связанных с этим выбором субъективно значимых ориентиров после каждого тестирования с каждым респондентом проводилось обсуждение того, что было зафиксировано айтрекером. В ходе такого обсуждения интервьюер в основном выслушивал респондента и управлял ходом общения с помощью наводящих вопросов. Эти вопросы, как и рекомендовано в работах [Мертон, Фиске, Кендалл, 2019; Оберемко, Тереньева, 2018], помогали сфокусировать внимание респондента на каких-то аспектах обсуждаемой темы, более глубоко обсудить отношение к связанным с этой темой элементам визуальных стимулов. В качестве исходного объекта фокусировки послетестовой беседы использовались полученные с помощью айтрекера окулографические данные. Каждого респондента просили пояснить, что его (ее) побудило сделать такой выбор. Затем у каждого респондента спрашивали, что могут означать среднестатистические результаты, которые айтрекер зафиксировал для всех протестированных ранее (эти данные прибор определяет автоматически, и при необходимости они легко могут быть выведены на экран рабочего компьютера интервьюера). В результате таких обсуждений была обнаружена неоднородность оснований производившегося респондентами выбора.

Оказалось, что в тех случаях, когда у респондентов существует осознанное понимание своих политических предпочтений, сделанный ими выбор отражал то, чего им хочется («чтобы победили “свои” и проиграли “чужие”»). Когда осмысленные предпочтения отсутствуют, то выбор делается уже на основе не политических, а эстетических предпочтений («выбираю то, что лучше смотрится»).

Обсуждение данных окулуметрии выявило иллюзорные представления большинства респондентов о том, что используемые в социальных сетях материалы КПРФ, Коммунистов России и КПСС – это рекламная продукция одной и той же партии. Также послетестовая беседа в формате фокусированного интервью показала, что у ряда респондентов симпатия к партиям «Зеленые» и «Зеленая альтернатива» обусловлены исключительно использованием в их материалах слов «экологическая», «экология». Ни о каких конкретных инициативах в связи с решением экологических проблем эти респонденты никогда не слышали, а просто механически приписали им готовность «заниматься чем-то в этом роде». То же относится и к Партии пенсионеров: никто не смог назвать ничего конкретного в плане отстаивания интересов этой группы населения, но все симпатизировавшие этой партии сочли, что именно решение проблем пенсионеров – это и есть суть ее «политической борьбы».

Подобно протестированным нами ранее в других исследовательских проектах группам респондентов [Возможности использования окулуметрических технологий ..., 2020; Применение компьютерного кардиографа ..., 2019; Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 а; Ognev, 2019 с], нашими интервьюируемыми в ходе послетестовых бесед также было отмечено, что опыт работы в реверсивном режиме существенно облегчал им аутентичный выбор. В данном исследовании это было особенно значимым в связи с тем, что о существовании некоторых партий из указанного в таблицах 1 и 2 перечня подавляющее число респондентов вообще не знало. К тем, о существовании которых основная часть респондентов говорили, что «о таких никогда не слышали», материалов которых никогда не видели, «о самом существовании подобных даже не догадывались», прежде всего относятся партии «Прямой демократии», «За правду», «Зеленая альтернатива», «Парнас».

Кроме того, обобщенный анализ результатов послетестовых бесед и окулуметрических данных также подтвердил целый ряд выявленных нами ранее в других исследованиях психосеманти-

ческих особенностей восприятия некоторых элементов визуальных стимулов. Так, вновь были получены подтверждения того, что использование в политической рекламе округлых равновесных форм (в предельном варианте окружностей и кругов – особенно кругов желтого цвета) ассоциируется у респондентов с ощущениями внутреннего комфорта, спокойствия (исключая круги коричневого и зеленого цвета). Обращенные острием вниз остроконечные фигуры (треугольники, ромбы, звезды и т.п.) ассоциировались и у обследованной группы респондентов с нестабильностью, ощущением временности, зыбкости. Усилению таких ассоциаций способствует окраска таких фигур в черный, коричневый и красный цвета.

Как в проводившихся ранее исследованиях с привлечением других респондентов [Огнев, Лихачева, Николаева, 2020 b], и в нашем случае с понятием «сильный» преобладали ассоциации с красным, желтым и зеленым цветами. Как и раньше, эти же цвета наименее часто вызывали ассоциации с понятием «слабый», которому более всего способствовало преобладание светло-серого цвета.

Вновь такая характеристика, как «активный», наиболее часто ассоциировалась, как и в случае с оценкой «сильный», с красным, желтым и зеленым цветом. Но с понятием «пассивный», в отличие от понятия «слабый», ассоциировались не только серый, но еще и коричневый, а также насыщенный синий цвет. С понятием «движение» более всего ассоциировались такие цвета, как красный, желтый и сиреневый. С понятием «покой» наиболее часто возникали ассоциации при использовании серого, синего и черного цветов. С понятием «близкий» более часто ассоциировались желтый и синий цвет. С диаметрально противоположным ему по смыслу понятием «далекий» более всего ассоциировался серый цвет.

В качестве рекомендаций для разработчиков рекламной продукции для политических партий полученные данные можно представить в виде следующих выявленных ассоциативных связей между цветами и оценочными суждениями.

Синий цвет более всего ассоциативно связан с такими понятиями, как «свобода», «покой», «постоянство». Этот цвет в наименьшей степени ассоциируется с такими понятиями, как «активность» и «напряжение».

Зеленый цвет имеет выраженную ассоциативную связь с такими понятиями, как «покой» и «расслабление». Менее всего этот

цвет ассоциируется с такими понятиями, как «закрытый», «напряжение» и «принуждение».

Красный цвет имеет сильную ассоциативную связь с такими понятиями, как «победа», «напряжение», «активность», «движение». Менее всего красный цвет ассоциируется с такими понятиями, как «постоянство», «пассивность», «покой» и «расслабление».

Для желтого цветы были обнаружены сильные ассоциативные связи с такими понятиями, как «открытый», «удовольствие», «близкий». Менее всего желтый цвет ассоциируется с такими понятиями, как «закрытый», «принуждение» и «ограничение».

С учетом полученных окулометрических данных можно предполагать, что использование сиреневого цвета в наибольшей степени будет ассоциироваться с такими понятиями, как «фантазии» и «удовольствие». Менее всего он будет ассоциативно связан с понятиями «ограничения» и «постоянство».

Коричневый цвет, по нашим данным, наиболее тесно связан с понятиями «поражение», «закрытый» и «напряжение». Менее всего он сочетается с такими понятиями, как «победа», «открытый» и «расслабление».

Черный цвет имеет сильную ассоциативную связь с такими понятиями, как «ограничения», «принуждение», «поражение», «закрытый» и «постоянство». Менее всего этот цвет ассоциируется с такими понятиями, как «фантазии», «открытый», «активный» и «расслабление».

Серый цвет наиболее сильно ассоциируется с такими понятиями, как «пассивный», «далекий», «покой», «ограничения», «постоянство». Как показали проведенные окулометрические исследования, менее всего серый цвет ассоциируется с такими понятиями, как «победа», «свобода» и «движение».

Заключение

Результаты исследования демонстрируют эвристический потенциал применения междисциплинарной методологии и гибридной эмпирической стратегии для решения исследовательских задач, связанных с изучением неявных когнитивных процессов. Теоретическое значение результатов представленного исследования для развития политической науки заключается в совершенст-

вовании методики тестирования интернет-контента, посредством применения инструментария, исключающего прямой запрос информации у респондента. Реализация методики позволяет установить взаимосвязи между психологическими особенностями респондентов и их электоральными предпочтениями. С точки зрения практического значения результатов исследования, применение предложенных методики и инструментов востребованы в политическом маркетинге в рамках реализации электоральных кампаний.

Выводы относительно интернет-коммуникаций российских политических партий, сформулированные по итогам применения окулометрического анализа для аттестации интернет-контента, свидетельствуют, во-первых, о том, что российские политические партии в своем большинстве не рассматривают цифровые коммуникации с целевыми группами в качестве приоритетного направления реализации задачи масштабирования целевой аудитории в условиях старта электорального цикла. В частности, по-прежнему связь популярности политических партий и внимание к их материалам в социальных сетях выражена крайне слабо.

Во-вторых, основная линия спектрального противопоставления связана в представлениях российского электората с антагонизмом таких политических партий, как «Единая Россия» и «Яблоко». При этом фиксируется четкая дифференциация целевых аудиторий данных партийных акторов. Основаниями для дифференциации выступают: уровень самоконтроля, выбор стратегии решения проблем, ориентация на достижение высокого социального статуса. С точки зрения анализа психотипов пользователей социальных медиа для определения их партийных электоральных предпочтений, это означает то, что чем ниже уровень самоконтроля, нестандартнее стратегии решения проблем, ниже уровень стремления к достижению высокого социального статуса, тем выше вероятность выбора политической партии «Яблоко».

В-третьих, исследование подтвердило рост запроса в российском обществе на экологическую повестку. Особенно ярко данная тенденция проявляет себя на примере целевых аудиторий таких политических партий, как «Новые люди», «За правду», «Зелёная альтернатива», «Зелёные». Помимо некоторого пересечения повестки, целевые аудитории данных политических партий отличается выраженный запрос на «новые лица». Согласно результатам исследования, наибольшую активность в указанной группе партий

на предстоящих выборах депутатов Государственной думы, Федерального собрания Российской Федерации проявит электорат именнoдусловно «новых партий», претендующих на обеспечение перетока голосов.

В-четвертых, электоральные предпочтения россиян, ориентированных на «новые партии», а также на основного антагониста «партии власти» (по результатам исследования – «Яблоко»), чаще связаны с наличием среди социальных и политических акторов референтных лиц и в меньшей степени обусловлены погружением в партийные программы. Исходя из этого, необходимо отметить, что опора «новых» политических партий на лидеров общественного мнения становится одним из базовых инструментов реализации их электоральных задач. Что касается традиционных парламентских партий, то в их случае одним из эффективных способов электоральной борьбы останется привлечение спойлеров. Например, большинство респондентов – участников исследования не дифференцируют такие политические партии, как «КПРФ», «Коммунисты России» и «КПСС».

В-пятых, существенная часть участников исследования не идентифицируют такие политические партии, как «Партия прямой демократии», «За правду», «Зеленая альтернатива», «Парнас». И если обозначенная ситуация в отношении «новых партий», добившихся результатов в отдельных регионах на выборах в Единый день голосования 13 сентября 2020 года, является ожидаемой, то в случае с «Партией прямой демократии» мы имеем дело с относительно неудачной попыткой конвертации неполитического комьюнити в политическое сообщество.

Перспективы развития представленного направления исследований в рамках политической науки и политической практики прежде всего связаны с масштабизацией выборки исследования для валидизации его результатов. Помимо этого, применение представленной в статье методики может быть продуктивным для решения задачи определения содержательных составляющих сетевого взаимодействия субъектов политической коммуникации.

E.V. Brodovskaya, D.A. Ezhov, A.S. Ognev*
Internet communications of Russian political parties
in the current election cycle: results
of oculometric analysis of the network content¹

Abstract. The article presents the results of a study of Internet communications of Russian political parties at the start of a new electoral cycle in 2021.

The research is interdisciplinary in nature and based on the following methodological approaches: post-behaviorism, implicit cognitive science, Predictor Mining. The empirical strategy includes a combination of methods: SMA, eye tracking and focus group interviews. During the implementation of the oculometric analysis, a protocol developed for evaluating the productivity of a combination of psychosemantic procedures and computer registration of a person's gaze during the 2018 election campaigns was selected to build a battery of visual stimuli. As a result of the study, the following features of respondents' perception of the Internet content of political parties are recorded: the main line of spectral opposition in the views of the Russian electorate is associated with the antagonism of such political parties as "United Russia" and "Yabloko"; to a greater extent, at the time of the study, the electorate of "new parties" that achieved success in the regional elections in 2020 is mobilized; the reliance of "new" political parties on public opinion leaders becomes one of the basic tools for implementing their electoral tasks, etc.

The proposed in the study methodology for attestation of Internet content can be in demand by political parties to improve the content and psychotechnological characteristics of their information flows in social media. The use of the developed methodology for applying oculometric analysis for the certification of Internet content will allow party actors to improve the targeting technology in cooperation with the electorate.

Keywords: political parties; eye tracking; eye tracker; oculometry; social networks; network content; socio-psychological and socio-political research; focused interviews; reliability of information; conscientiousness of respondents; political preferences.

For citation: Brodovskaya E.V., Ezhov D.A., Ognev A.S. Internet communications of Russian political parties in the current election cycle: results of oculometric analysis of the network content. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 112–141. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.05>

---

* **Brodovskaya Elena**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: brodovskaya@inbox.ru; **Ezhov Dmitry**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: president@lenta.ru; **Ognev Alexander**, Russian New University (Moscow, Russia), e-mail: altognev@mail.ru

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No 20-011-31407.

References

- Almaev N.A., Bessonova Yu.V., Murasheva O.V. *Text. Sight. Motivation: methodological issues*. Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2020, 310 p. (In Russ.)
- Avdeeva I.N., Bukach B.A., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S. Possibilities of using ocolometric technologies for socio-political and demographic research. *Human capital*. 2020, Vol. 143, N 11, P. 193–201. (In Russ.)
- Azarov A.A., Brodovskaya E.V., Bubnov A.Y., Glazkov A.A., Gibadulin R.Y., Dmitrieva O.V., Dolgorukov A.M., Zhdanov R.I., Musina V.F., Nechaev V.D., Ognev A.S., Sirotkin A.V., Suvorova A.V., Titov V.V., Tulupyev A.L., Tulu-pyeva T.V., Filchenkov A.A., Yusupov R.M. Predictor Mining: Data Mining application to social computing. *SPIIRAS Proceedings*, 2013, N 3 (26), P. 136–161. (In Russ.)
- Balashov A.N. Internet technologies as a factor of increasing the efficiency of political parties. *Public administration. E-Journal*. 2015 a, N 49, P. 121–137. (In Russ.)
- Balashov A.N. Network political parties: features and prospects in the Russian political process. *Central Russian bulletin of social sciences*. 2015 b, N 1, P. 47–55. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V. Digital management in the activities of Russian Political parties: the problem field of managing information flows in social media. *Vlast'*. 2020, Vol. 28, N 6, P. 81–88. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7727> (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Pyrma R.V. Specific use of ID Trackers in combination with a focused interview in certification of network content. *Human capital*. 2021, Vol. 145, N 1, P. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2021.01.07> (In Russ.)
- Chizhov D.V. Internet-communications of political parties: typological features and tools. *Information society*. 2015, N 4, P. 46–61. (In Russ.)
- Chizhov D.V. Internet-communications of political parties: typological features and tools. *Citizen. Elections. Authority*. 2016, N 2–3, P. 159–175. (In Russ.)
- Chadwick A. *The hybrid media system: politics and power*. New York, NY : Oxford university press, 2017, 347 p.
- Enli G.S., Skogerbo E. Personalized campaigns in party-centred politics. *Information, communication & society*. 2013, Vol. 16, N 5, P. 757–774. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118x.2013.782330>
- Fedorchenko S.N. Political identities in social networks of the internet. *Bulletin of the Perm University. Political science*. 2017, N 2, P. 29–46. DOI: <https://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2017-2-29-46> (In Russ.)
- Fogg B.J. A behavior model for persuasive design. In: *Proceedings of the 4 th International Conference on Persuasive Technology*. New York : Association for Computing Machinery, 2009, P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1145/1541948.1541999>
- Geise S., Heck A., Panke D. The effects of digital media images on political participation online: results of an eye-tracking experiment integrating individual perceptions of “photo news factors”. *Policy and internet*. 2021, Vol. 13, N 1, P. 54–85. DOI: <https://doi.org/10.1002/poi3.235>

- Greenwald A.G., McGhee D.E., Schwartz J.L.K. Measuring individual differences in implicit cognition: the implicit association test. *Journal of personality and social psychology*. 1998, Vol. 74, N 6, P. 1464–1480. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.6.1464>
- Ignatovskii Ya.R., Ivanov V.G. Eye tracking: potential applications for public management, political branding and election campaigns. *RUDN journal of public administration*. 2020, Vol. 7, N 2, P. 155–160. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160> (In Russ.)
- Janssen D., Kies R. Online forums and deliberative democracy. *Acta politica*. 2005, N 40, P. 317–335. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.ap.5500115>
- Johnson D.W. *Campaigning in the twenty-first century*. New York, NY : Routledge, 2011, 152 p.
- Karlsen R. Still broadcasting the campaign: on the internet and the fragmentation of political communication with evidence from Norwegian electoral politics. *Journal of information technology & politics*. 2011, Vol. 8, N 2, P. 146–162. DOI: <https://doi.org/10.1080/19331681.2011.536419>
- Karpinski A., Hilton J.L. Attitudes and the implicit association test. *Journal of personality and social psychology*. 2001, Vol. 81, N 5, P. 774–788. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.81.5.774>
- Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Galoi N.Yu. Oculographic indicators of the prevalence of positive or negative emotional states. *Human capital*. 2020, Vol. 141, N 9, P. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.17> (In Russ.)
- Mascheroni G., Mattoni A. Electoral Campaigning 2.0 – The case of Italian regional elections. *Journal of information technology & politics*. 2013, N 10, P. 223–240. DOI: <https://doi.org/10.1080/19331681.2012.758073>
- Merton R., Fiske M., Kendall P. *The focused interview*. Moscow : WCIOM, 2019, 194 p. (In Russ.)
- Nikolaeva L.P., Likhacheva E.V., Ognev A.S. Non-extraordinary oculographic predictors of individual features of the subject. *Vestnik of Russian New University. Series "Human in the modern world"*. 2020, N 3, P. 3–12. DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.03.P.003> (In Russ.)
- Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Likhacheva E.V., Galoi N. Yu., Rozenova M.I., Fan Tszuyan'. Application of oculometry to determine interactive personality attitudes. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*. 2020, Vol. 9, N 2–1, P. 61–71. (In Russ.)
- Nosek B.A., Smyth F.L., Hansen J.J., Devos T., Lindner N.M., Ranganath K.A., Smith C.T., Olson K.R., Chugh D., Greenwald A.G., Banaji M.R. Pervasiveness and correlates of implicit attitudes and stereotypes. *European review of social psychology*. 2007, Vol. 18, N 1, P. 36–88. DOI: <https://doi.org/10.1080/10463280701489053>
- Nosek B.A., Riskind R.G. Policy implications of implicit social cognition. *Social issues and policy review*. 2012, Vol. 6, N 1, P. 113–147. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2011.01037.x>
- Oberemko O.A., Terenyeva N.N. Focused interview according to Robert Merton: features and criteria of quality. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*.

- 2018, Vol. 148, N 6, P. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04> (In Russ.)
- Ognev A.S. Cardio-oculometric (cardio-oculographic) detection of functional states in a human individual. *Cardiometry*. 2019, N 14, P. 104–105.
- Ognev A.S., Zernov V.A., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Rudenko M.Y., Dymarchuk D.D., Yesenin D.S., Maslennikova P.A., Mizin N.V. Cardiometric detection of effects and patterns of emotional responses by a human individual to verbal, aural and visual stimuli. *Cardiometry*. 2019 a, N 14, P. 79–86.
- Ognev A.S., Zernov V.A., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Rudenko M.Y., Tyrtysheva A.A., Yesenin D.S., Maslennikova P.A., Mizin N.V. Use of cardiometry and oculography in concealed information detection. *Cardiometry*. 2019 b, N 14, P. 87–95.
- Ognev A.S., Zernov V.A., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Rudenko M.Y., Kagonyan R.S., Kozintseva P.A., Maslennikova P.A., Mizin N.V. Validity of cardiometric performance data: an integral part of complex assessment of training session effectiveness. *Cardiometry*. 2019 c, N 14, P. 96–100.
- Ognev A.S., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P. *Eye trackers in counseling and coaching of subject genetic orientation*. Moscow : Sputnik+, 2020 a, 133 p. DOI: <https://doi.org/10.25633/5680-4> (In Russ.)
- Ognev A.S., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P. *Eye trackers in oculometric psychodiagnostics*. Moscow : Sputnik+, 2020, 134 p. DOI: <https://doi.org/10.25633/5490-9> (In Russ.)
- Ognev A.S., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P. Oculographic manifestations of situative installations, cognitive schemes and life scenarios as different components of character. *Human capital*. 2020, Vol. 141, N 9, P. 200–210. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.18> (In Russ.)
- Ognev A.S., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Galoi N.Yu., Zapesotskaya I.V., Rozenova M.I. Using trackers to diagnose social-role scenarios. *Vestnik of Russian New University. Series: Human in the modern world*. 2020, N 2, P. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.02.P.0> (In Russ.)
- Ognev A.S., Petrovskii V.A., Likhacheva E.V. Oculometric manifestations of unconscious visual judgments. *Vestnik of Russian New University. Series: Human in the modern world*. 2018, N 4, P. 3–9. DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.18.04.P.003> (In Russ.)
- Ognev A.S., Petrovskii V.A., Likhacheva E.V. Oculometric expressions of respondents' psychological attitude to visual content perception. *Vestnik of Russian New University. Series: Human in the modern world*. 2018, N 2, P. 41–48. DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.18.02.P.041> (In Russ.)
- Römmele A. Political parties, party communication and new information and communication technologies. *Party politics*. 2003, Vol. 9, N 1, P. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.1177/135406880391002>
- Shanahan E.A., Jones M.D., McBeth M.K., Lane R.R. An angel on the wind: How heroic policy narratives shape policy realities. *Policy studies journal*. 2013, Vol. 41, N 3, P. 453–483. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12025>
- Schmuck D., Tribastone M., Matthes J., Matthes E., Bergel M. Avoiding the Other Side?: An eye-tracking study of selective exposure and selective avoidance effects in response to political advertising. *Journal of media psychology theories methods and*

- applications*. 2019, Vol. 32, N 3, P. 158–164. DOI: <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000265>
- Smorgunov L.V. Network political parties. *Polis. Political studies*. 2014, N 4, P. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.03> (In Russ.)
- Thaler R., Sunstein K. *Nudge: improving decisions about health, wealth, and happiness*. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2017, 240 p. (In Russ.)
- Volodenkov S.V. Influence of Internet communication technologies on contemporary social and political processes: scenarios, challenges, and actors. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019, Vol. 5, N 5, P. 341–364. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16> (In Russ.)
- Yarbus A.L. *The role of eye movements in the process of vision*. Moscow : Nauka, 1965, 173 p. (In Russ.)
- Zernov V.A., Kozintseva P.A., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Dymarchuk D.D., Yesenin D.S., Kagonyan R.S., Lyanova E.M., Maslennikova P.A., Mizin N.V. Application of the computer cardiograph "Cardiocode" in engineering and social psychology. *Vyshee obrazovanie segodnya*. 2019, N 3, P. 68–75. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алмаев Н.А., Бессонова Ю.В., Мурашева О.В. Текст. Взгляд. Мотивация: методические вопросы. – Москва : Институт психологии РАН, 2020. – 310 с.
- Балашов А.Н. Интернет-технологии как фактор повышения эффективности деятельности политических партий // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015 а. – № 49. – С. 121–137. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/49_2015balashov.htm (дата посещения: 12.03.2021).
- Балашов А.Н. Сетевые политические партии: особенности и перспективы в российском политическом процессе // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015 б. – № 1. – С. 47–55.
- Бродовская Е.В. Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа // Власть. – 2020. – Т. 28, № 6. – С. 81–88. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7727>
- Возможности использования окулуметрических технологий для проведения социально-политических и демографических исследований / И.Н. Авдеева, Б.А. Букач, Э.В. Лихачева, Л.П. Николаева, А.С. Огнев // Человеческий капитал. – 2020. – № 11 (143). – С. 193–201.
- Володенков С.В. Влияние интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5 (153). – С. 341–364. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>
- Применение компьютерного кардиографа «Кардиокод» в инженерной и социальной психологии / В.А. Зернов, П.А. Козинцева, Э.В. Лихачева, Л.П. Николаева, А.С. Огнев, Д.Д. Дымарчук, Д.С. Есенин, Р.С. Кагонян, Э.М. Льянова,

- П.А. Масленникова, Н.В. Мизин // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 3. – С. 68–75.
- Игнатовский Я.Р., Иванов В.Г. Айттрекинг: потенциал для применения в государственном управлении, политическом брендинге и планировании избирательных кампаний // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Государственное и муниципальное управление. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 155–160. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160>
- Использование айттрекеров для диагностики социально-ролевых сценариев / А.С. Огнев, Э.В. Лихачева, Л.П. Николаева, Н.Ю. Галой, И.В. Запесоцкая, М.И. Розенова // Вестник Российского нового университета. Серия Человек в современном мире. – 2020. – № 2. – С. 7–18. – DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.02.P.007>
- Мертон Р., Фiske М., Кендалл П. Фокусированное интервью. – М.: ВЦИОМ, 2019. – 194 с.
- Николаева Л.П., Лихачева Э.В., Огнев А.С. Нетраспорентные окулографические предикторы индивидуальных особенностей субъекта // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». – 2020. – Вып. 3. – С. 3–12. – DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.03.P.003>
- Оберемко О.А., Тереньева Н.Н. Фокусированное интервью по Роберту Мертону: особенности и критерии эффективности метода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные переменные. – 2018. – № 6 (148). – С. 74–90. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04>
- Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П. Айттрекеры в консультировании и коучинге субъектогенетической ориентации : монография. – М.: ООО «Издательство “Спутник+”», 2020 а. – 133 с. – DOI: <https://doi.org/10.25633/5680-4>
- Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П. Айттрекеры в окулометрической психодиагностике: монография. – М.: ООО «Издательство “Спутник+”», 2020 б. – 134 с. – DOI: <https://doi.org/10.25633/5490-9>
- Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П. Окулографические проявления ситуативных установок, когнитивных схем и жизненных сценариев как разноуровневых составляющих характера // Человеческий капитал. – 2020. – № 9 (141). – С. 200–210. – DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.18>
- Огнев А.С., Петровский В.А., Лихачева Э.В. Окулометрические проявления бессознательных визуальных суждений // Вестник Российского нового университета. Серия Человек в современном мире. – 2018 а. – № 4. – С. 3–9. – DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.18.04.P.003>
- Огнев А.С., Петровский В.А., Лихачева Э.В. Окулометрические проявления психологических установок респондентов в отношении восприятия визуального контента // Вестник Российского нового университета. Серия Человек в современном мире. – 2018 б. – № 2. – С. 41–48. – DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.18.02.P.041>
- Окулографические показатели преобладания позитивных или негативных эмоциональных состояний / Э.В. Лихачёва, Л.П. Николаева, А.С. Огнев, Н.Ю. Огнев, И.В. Запесоцкая // Человеческий капитал. – 2020. – № 9 (141). – С. 188–199. – DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.17>

- Применение окулометрии для определения интерактивных установок личности / Л.П. Николаева, А.С. Огнев, Э.В. Лихачева, Н.Ю. Галой, М.И. Розенова, Фан Цзюань // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9, № 2–1. – С. 61–71.
- Predictor Mining: применение методов интеллектуального анализа данных в задачах социального компьютеринга / А.А. Азаров, Е.В. Бродовская, А.Ю. Бубнов, А.А. Глазков, Р.Я. Гибадулин, О.В. Дмитриева, А.М. Долгоруков, Р.И. Жданов, В.Ф. Мусина, В.Д. Нечаев, А.С. Огнев, А.В. Сироткин, А.В. Суворова, В.В. Тутов, А.Л. Тулупьев, Т.В. Тулупьева, А.А. Фильченков, Р.М. Юсупов // Труды СПИИРАН. – 2013. – № 3 (26). – С. 136–161.
- Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 21–37. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.03>
- Специфика использования айттрекеров в сочетании с фокусированным интервью при аттестации сетевого контента / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Э.В. Лихачева, Л.П. Николаева, А.С. Огнев, Р.В. Пырма // Человеческий капитал. – 2021. – № 1 (145). – С. 73–82. – DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2021.01.07>
- Талер Р., Санстейн К. Nudge: Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 240 с.
- Федорченко С.Н. Политические идентичности в социальных сетях Интернета // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 2. – С. 29–46. – DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2017-2-29-46>
- Чижев Д.В. Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты // Информационное общество. – 2015. – № 4. – С. 46–61.
- Чижев Д.В. Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты // Гражданин. Выборы. Власть. – 2016. – № 2/3. – С. 159–175.
- Ярбус А.Л. Роль движений глаз в процессе зрения. – М. : Наука, 1965. – 173 с.

РАКУРСЫ

А.Ю. ДОМБРОВСКАЯ, А.В. СИНЯКОВ*

**ПОТЕНЦИАЛ ОППОЗИЦИОННОСТИ
ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ РОССИЯН:
РЕЗУЛЬТАТЫ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА¹**

Аннотация. Базовым исследовательским вопросом предпринятого эмпирического анализа служит вопрос о соотношении лоялизма и оппозиционности, активности и пассивности в процессе формирования стратегий гражданского участия россиян.

В рамках предваряющего прикладной анализ теоретического обзора авторы систематизируют существенный пласт специальных исследований о понятии, сущности, факторах формирования и типологии стратегий гражданского участия. На этой основе предлагается авторская методика эмпирического исследования российского гражданского активизма. Базовым методом сбора фактуальных данных служит Всероссийский массовый опрос россиян, репрезентированный по территории проживания, гендеру и возрасту респондентов (N=1600 человек). Методом кластеризации (K-средств, SPSS Statistics 26.0) базы данных опроса выделены 12 типов гражданского участия россиян.

Использовано два основания для типологии: интенсивность гражданского участия и модальность отношения к действующей власти. Значимыми итогами

---

* **Домбровская Анна Юрьевна**, доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: an-doc@yandex.ru; **Синяков Алексей Викторович**, заведующий учебной лабораторией кафедры методологии социологических исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: alsin@socio.msu.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31484.

исследования служат выявление удельного веса представителей каждого кластера и установление зависимости между принадлежностью к типу гражданского участия и ценностными и социально-демографическими признаками россиян.

Установлено, что оппозиционность гражданских установок россиян сопряжена с их прагматическими ориентирами, стремлением к либеральным ценностям, высокой готовностью к участию в политических и гражданских акциях в онлайн- и офлайн-форматах, восприятием гражданской активности как площадки, свободной от участия государства.

Исследование показывает абсолютное доминирование отстраненной нейтральной позиции при относительно незначительном распространении активных лоялистской и критической позиций в социуме РФ. С одной стороны, это говорит об отсутствии высокого потенциала протестной активности в российском обществе. С другой стороны, довольно небольшая доля активных лоялистов в российском обществе может ограничивать общественную консолидацию вокруг официального курса действующей власти.

В качестве исследовательских перспектив обосновывается необходимость киберметрического измерения (с использованием инструментов больших данных) поддержки российской пользовательской аудиторией внешних и внутренних протестно-ориентированных дезинтегрирующих информационных потоков и степени одобрения конструктивных консолидирующих потоков, нацеленных на формирование лоялистских настроений в обществе, а также динамических и дискурсивных характеристик этих информационных потоков.

Ключевые слова: гражданское участие; гражданские установки; политические ценности; лоялизм; критицизм; активизм; пассивизм.

Для цитирования: Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 142–160. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>

Постановка проблемы исследования

Измерение интенсивности гражданского участия россиян и оценка потенциала развития у них критичной по отношению к действующей власти позиции служит значимой научной проблемой по ряду причин. Среди них – усиление информационного и экономического давления со стороны западных государств, осуждающих российскую власть за внешнюю политику. Эти обстоятельства предопределяют ряд рисков социальной дестабилизации российского общества, ключевым из которых является повышение оппозиционных настроений россиян на фоне снижения их доходов, усиливающееся в условиях продолжающихся ограничений по нераспространению пандемии. Вместе с тем все активнее

начинает действовать фактор роста гражданской активности и самоорганизации граждан РФ.

Российское гражданское общество становится более зрелым, формируется профессиональная сфера деятельности некоммерческого сектора. Главным форматом гражданского участия служит общественный контроль, выдвижение требований изменить или отменить неудачные управленческие решения¹.

В этих условиях становится важным оценить ресурс социальной консолидации и согласия россиян, их способности сплотиться вокруг официальной позиции власти в отношении внешних угроз и, соответственно, измерить потенциал дезинтеграции, масштабов оппозиционной активности, подрывающей доверие россиян к официальному курсу. Для этого в исследовании предпринимается кластеризация граждан РФ по двум основаниям: интенсивность и направленность гражданского участия.

Теоретический обзор

Определяя рамки понимания «гражданского участия», перечислим несколько подходов к этому термину, служащих фундаментом для разработки инструментария кластеризации россиян. Определение С. Патрушева акцентирует внимание на двух аспектах гражданского участия: совместность действий и нацеленность на общее социальное благо: «адаптивную публичную активность, связанную с реализацией универсальных прав и свобод, а также соответствующих компетенций – знаний, умений, поведенческих навыков и способностей, обеспечивающую (как правило, в сотрудничестве с другими индивидами) достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях. Гражданское участие обеспечивает воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также гражданской идентичности» [Патрушев, 2009].

---

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год // Общественная палата Российской Федерации. – 2019. – С. 136–137. – Режим доступа: <https://report2019.oprf.ru/> (дата посещения: 11.05.2021).

Л. Никовская и И. Скалабан предлагают комплексное определение гражданскому участию: «процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы» [Никовская, 2017]. Главные функции гражданского участия сводятся к вовлечению в сообщества для решения социальных проблем, обеспечению общественного контроля за решениями власти, формированию социальной сплоченности и идентичности, развитию социально ответственных личностей, повышению гражданской активности.

В. Петухов в своем определении гражданского активизма ориентируется на внутреннюю самоорганизацию и способы вовлечения в деятельность гражданского общества, добровольное движение и воплощение гражданских инициатив по улучшению качества жизни [Петухов, 2012].

Для настоящего исследования значимы работы Н. Седовой, в которых реализована социальная стратификация гражданского активизма. Социальную базу гражданского активизма исследователь рассматривает на основе типологии, построенной на трех параметрах: 1) включенность в деятельностные политические практики; 2) включенность в неполитические общественные практики; 3) гипотетическая готовность оказать поддержку общественным движениям. Исследователь приходит к ключевому выводу, что основными источниками гражданского активизма в современной России являются социально продвинутые, успешные, мобильные группы. При этом установлена прямая зависимость между гражданской активностью и характером жизненного целеполагания, ценностными установками, социальным самочувствием граждан [Седова, 2014].

В работах о гражданском участии зарубежных авторов наблюдается явное фокусированное внимание к воздействию цифровизации социальной жизни на формы гражданской активности граждан. По мнению Р. Янгса, нарастающая активность имеет важные последствия для отношений между гражданами, политическими институтами, обществом и государством, необходимости защиты гражданского пространства в сочетании с новыми возможностями для расширения участия граждан и переосмысления демократии [Youngs, 2019].

Расширение гражданского участия под влиянием цифровых коммуникаций проявляется в распространении индивидуализиро-

ванных и творческих форм активности. Причем гражданские акции все чаще используются для решения политических задач. Я. ван Дет считает, что растущее число граждан отвергает определенную границу между «политикой» и другими аспектами их жизни. Распространение экспрессивных форм действий требует включения целей и задач участников для характеристики участия [van Deth, 2014]. Я. Теохарис и Я. ван Дет характеризуют большое разнообразие творческих, выразительных, индивидуализированных и цифровых форм участия как часть репертуара политического участия. Репертуар политического участия в демократиях быстро расширяется и охватывает такие различные виды деятельности, как голосование, демонстрация, волонтерство, бойкотирование, ведение блогов и флешмобы. Формы участия в цифровой сети устанавливают новый и отличный способ политического участия [Theocharis, 2018]. Ш. Булианн и Я. Теохарис на основе метода метаанализа находят, что одним из положительных результатов влияния цифровых медиа является расширение возможностей гражданского участия. Они определили тесную связь между гражданскими действиями онлайн, такими как присоединение к политическим группам и подписание петиций, и политическими действиями офлайн, которые подрывают пассивность граждан [Boulianne, 2018].

Анализируя подходы к сегментированию типов гражданского участия, особо отметим позицию Л. Милбрата, рассматривающего человека как единицу анализа и объяснившего политическое участие гражданина с точки зрения деятельности с возрастающим уровнем усилий и приверженности [Milbrath, 1981].

Иерархия Л. Милбрата сопоставляет результативность действий с социальными ролями в рамках гражданской активности. «Зрители» гражданского участия оказывают незначительное влияние на достижение общих целей в сравнении с «Гладиаторами», имеющими существенный вес в реализации общественных инициатив [Selander, 2016].

Иерархия цифрового активизма, предложенная Д. Джордж и Д. Лейднер состоит из трех групп, состоящих из десяти видов активностей. Первая группа – «действия цифровых зрителей» – включает кликтивизм, метаголосование, утверждение. Вторая группа – «цифровые переходные действия» – включает электронное финансирование, потребление по политическим мотивам,

цифровые петиции и бивотизм. Третья группа «цифровые гладиаторские действия» включает активацию информационных данных, разоблачения и хактивизм [George, 2019].

П. Меркулов и Н. Проказина рассматривают классификацию участников социальных движений Д. Маккарти и М. Зальда, разработанную исходя из теории мобилизации ресурсов. Авторы классификации обозначили большие группы «приверженцев» и «активных членов». Внутри указанных групп выделили «потенциальных получателей выгод», которые могут получить персональную выгоду от реализации требований, и «моральных активистов», кто поддерживает движение без очевидных выгод для себя. Последние обычно выступают лидерами, организаторами и выразителями социального движения, предаваясь его ценностям и интересам [Меркулов, 2017].

Е. Бродовская и А. Домбровская с соавторами на основании исследования установок российской молодежи в сфере гражданской и политической онлайн-активности определяют ее отношение к различным видам гражданского и политического сетевого участия. Исследователи выявили позитивные установки российской молодежи в отношении цифрового волонтерства, а также возможности реализации электорального поведения онлайн. Авторы представили эмпирические свидетельства скептического отношения молодого поколения к политической рекламе онлайн, развитию политических объединений онлайн. На основании дифференциации установок гражданской и политической активности определили характеристики сетевых ролей «идеалистов», «прагматиков» и «традиционалистов» [Бродовская, 2019].

Исследование установок молодежи России на реализацию «цифрового гражданства» выявило значимые связи между оценками сетевых политических и гражданских практик и ценностными ориентациями, гражданскими установками, социально-демографическими характеристиками. Один из профилей взаимосвязей отражает скептическое отношение молодого поколения к политическим функциям глобальной сети Интернет и тяготении к «сетевому политическому абсентеизму» молодежи, ориентированной на такие ценности, как семья, дружба и путешествия по миру. Другой профиль показывает позитивное отношение к сетевому протесту той российской молодежи, которая ценит материальное богатство, тех, кто считает

защиту слабых и борьбу за справедливость главными способами проявления гражданственности, а также представителей позиции неосознания проблемы распространения национализма в глобальной сети и осуждения государственного контроля интернет-контента. Третий профиль – восприятие сетевой коммуникации как способа повышения личного и общественного благополучия – характеризует семейно ориентированных молодых россиян и тех из них, для кого сохранение родного языка есть основное проявление гражданственности [Бродовская, 2019].

Е. Бродовская, Т. Хуанг анализируют основные гражданские и политические практики, востребованные молодыми российскими пользователями в онлайн- и офлайн-средах, масштаб протестной мобилизации в социальных сетях, репертуар протестных сообщений, протестные установки «цифровых граждан». Авторы выделили четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде российской молодежи: «зрители», «вовлеченные», «активисты», «лидеры». В свою очередь, процедура многомерного шкалирования позволила зафиксировать дифференциацию ценностных профилей и стилей жизни носителей разного типа протестного потенциала. Ключевой вывод исследования заключается в том, что наибольший потенциал протестной активности проявляют не типичные представители цифрового поколения, а молодежь с отклоняющимися ценностным выбором и стратегией цифрового гражданства [Бродовская, 2019].

Методология исследования

Настоящее исследование базируется на синтезе положений, принципов и методик таких методологических подходов, как новый институционализм в его социологической версии, позволяющей соотнести формальные и неформальные факторы в развитии у россиян стратегии гражданского участия [Норт, 1997]; когнитивный подход, нацеленный на исследование соотношения рационального, иррационального и псевдорационального компонентов в гражданских и политических стратегиях участия [Шестопал, 2018]; социальный конструкционизм, фокусирующийся на intersубъективной природе понимания процес-

са формирования представлений индивидов о гражданском участии [Бергер, 1995].

Базовым методом сбора информации служило Всероссийское онлайн-анкетирование (N=1600 респондентов, репрезентация по полу, возрасту, территориальной принадлежности). База данных опроса обработана в программе SPSS Statistics 26.0. Основной метод анализа данных – кластеризация методом К-средних.

Результаты исследования

В результате проведенного эмпирического исследования была выявлена структура гражданского участия россиян в 2020 году.

Сегментация россиян по типу гражданского участия обеспечила распределение, представленное на рис. 1. Кластеры были выделены на основе двух базовых критериев: степень активности политического участия («Активисты», «Вовлеченные», «Зрители», «Пассивисты»¹) и отношения к действующей власти («Лояльные», «Нейтральные», «Оппозиционные»).

---

¹ Термин «Пассивисты» вместо привычных «Пассивные» или «Выключенные» обусловлен стремлением к единообразию формулировок названий типов гражданского участия (все названия выражены с помощью существительных). Кроме того, понятие «Пассивизм» и «Пассивисты» легализуется упоминанием этих терминов в ряде научных источников. К примеру, в Философском энциклопедическом словаре пассивист – человек, который избегает вмешиваться в судьбу или влиять на ход событий, происходящих во внешнем мире. См. Пассивизм // Академик. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2954/%D0%9F%D0%90%D0%A1%D0%A1%D0%98%D0%92%D0%98%D0%97%D0%9C (дата посещения: 13.05.2021).

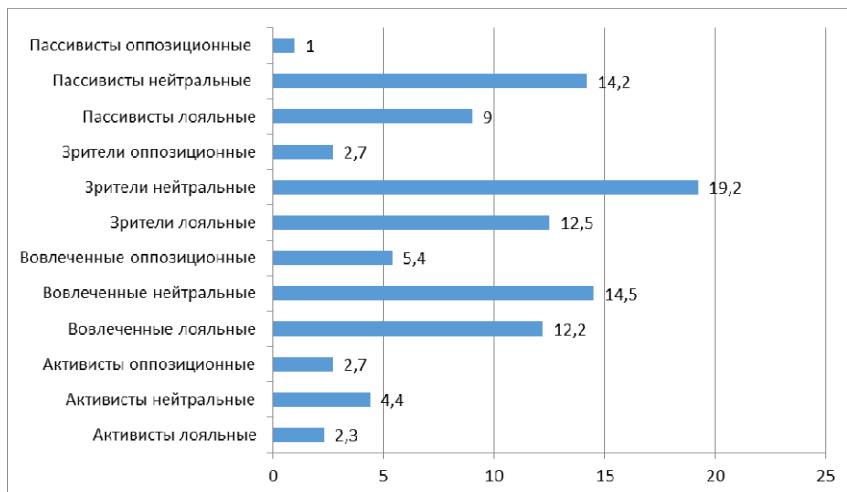

Рис. 1

Кластеры россиян по типу гражданского участия, в %

Наименее распространенная стратегия реализации гражданской позиции граждан России – «Активисты». Это кластер, представители которого имеют существенный опыт в организации социальных инициатив и политической активности. На рис. 2 показаны итоги сегментирования «Лидеров» по степени их лоялизма в отношении действующей власти.

Наиболее представлены среди «Активистов» нейтрально ориентированные (их около половины – 47,0% от числа всех «Активистов»). Фокусом их гражданского участия служит решение социальных проблем, реализация значимых для общества инициатив, при этом они не выражают однозначно позитивного или негативного отношения к действующему режиму. Около трети всех «Активистов» (28,8%) – оппозиционеры, критически настроенные по отношению к власти. И менее четверти представителей данного типа – лояльные «Активисты» (24,2%), нацеленные на организацию инициатив в поддержку политических решений и действий властных органов.

«Активисты» – это группа, доминирующую долю которой составляют граждане России в возрасте 25–39 лет и старше 50 лет, чаще всего маскулиной гендерной группы (59,0%).

Важным отличительным признаком «Оппозиционных активистов» является их большая, чем у «Лояльных активистов», ориентированность на участие в организации и проведении инициатив в политической сфере (политические акции с выдвижением требований власти (49,1 против 40,0%)). Вместе с тем в сфере организации гражданских инициатив «Активисты-оппозиционеры» также проявляют более весомую заинтересованность (82,4 против 72,4% у «Активистов-лоялистов»).

Значимым дифференцирующим критерием «Оппозиционных и лояльных активистов» служит отношение к выполнению гражданских обязанностей. Отметим, что оппозиционно ориентированные россияне гораздо чаще допускают идею о невыполнении гражданских обязанностей. Наиболее заметна дифференциация отношения оппозиционеров и лоялистов к таким обязанностям, как «прохождение воинской службы» (40,1% критиков власти считают, что эту обязанность можно не выполнять, при этом аналогичный показатель у лоялистов – 8,4%) и уплата налогов (9,6% оппозиционеров считают ненужной эту обязанность и вдвое меньше таковых среди лоялистов – 4,0%).

Около трети россиян составляют «Вовлеченные» – это, по сути, актив гражданского и политического участия, не ориентированный на лидерские позиции в этом процессе, но активно реализующий функции посильной помощи в организации гражданских проектов и политических акций. Среди «Вовлеченных», так же как среди «Активистов», доминируют нейтрально ориентированные по отношению к власти (45,2% – см. рис. 3). Однако лояльных к действующему режиму среди представителей этого кластера вдвое больше (38,0%) по сравнению с оппозиционерами – их 16,8%.

«Вовлеченные» – группа, преобладающий процент членов которой составляют граждане России в возрасте 30–39 лет и старше 50 лет, это равная в гендерном распределении общность (50,7 – мужчин и 49,3% – женщин).

Такой тип гражданского участия россиян, как «Зрители», является наиболее распространенным и составляет 34,4% всего населения РФ. Это граждане, проявление гражданской позиции которых ограничивается вовлеченностью в гражданскую и / или политическую повестку страны. Они – активные потребители информации из новых и традиционных медиа о политических и социальных вопросах, могут демонстрировать высокие показатели

пользовательской активности в отношении заинтересовавшего их контента, однако «Зрители» лимитируют свое участие лишь сторонним наблюдением за политической и социальной жизнью страны, предпочитая оставаться в стороне от реальных действий.

Среди «Зрителей» большинство сохраняет нейтралитет в оценке действующей власти (55,6%) (см. рис. 4). Довольно мало среди них оппозиционеров – 7,9%, и более трети (36,5%) лояльно настроены по отношению к властным органам.

«Зрители» – это группа, представленная в основном гражданами России в возрасте старше 50 лет; при этом соотношение гендерных групп примерно одинаковое – 47,0 мужчин и 53,0% женщин.

Чуть менее четверти россиян (24,1%) – представители типа «Пассивисты». Это граждане, выключенные из гражданской и политической повестки или проявляющие слабый и нерегулярный интерес к политической и гражданской повестке общества.

Установлена прямая взаимосвязь между степенью активности гражданского участия россиян и уровнем их лояльности по отношению к власти: чем менее активно выражается гражданская позиция, тем более лояльны россияне к власти. Среди «Пассивистов» наибольшая доля (среди всех кластеров) лоялистов – 37,2% и меньше всего оппозиционеров – 4,1%.

«Пассивисты» чаще всего представлены возрастной группой старше 30 лет (примерно равное количество людей среднего, предпенсионного и пенсионного возрастов). В гендерном отношении в этой подгруппе преобладают женщины (60,1%).

Ценностный профиль представителей различных кластеров россиян – одна из наиболее дифференцирующих категорий. Помимо общей для всех опрошенных тенденции к доминированию семейных ценностей (в среднем по массиву 63,7% россиян называют семью главным духовным ориентиром), существуют значительные отличия в ценностных предпочтениях опрошенных, принадлежащих к разным типам гражданского участия. Вызывает интерес тот факт, что оппозиционно ориентированные россияне существенно чаще заявляют об интересной работе (42,1 против 31,5% у лояльных), занятиях любимым делом, творчеством (53,2 против 35,0% у лояльных), карьере (16,9 против 13,4% у лояльных), путешествиях (33,1 против 21,2% у лояльных), создании собственного бизнеса (14,6 против 8,9% у лояльных), достиже-

нии элитарных социальных позиций (6,6 против 2,4% у лояльных), доступе к власти (9,5 против 2,9% у лояльных) как о значимых жизненных ценностях. Таким образом, оппозиционно ориентированных россиян отличает большая прагматичность ценностей, связанных с извлечением личной выгоды, ведением комфортного образа жизни, достижением высокого социального статуса.

Ценностные профили россиян, имеющих разную степень активности гражданского участия, также дифференцированы. «Активисты» и «Вовлеченные» существенно чаще, чем «Зрители» и «Пассивисты» ориентированы на ценность честной жизни (по 41,0 у «Лидеров» и «Вовлеченных» против 30,9% у «Пассивистов» и «Зрителей» в среднем), карьеру (18,0 в среднем у «Активистов» и «Вовлеченных» против 10,9% в среднем у «Пассивистов» и «Зрителей»), собственный бизнес (12,7 в среднем у «Активистов» и «Вовлеченных» против 8,3% в среднем у «Пассивистов» и «Зрителей»), элитарные социальные позиции (5,1 в среднем у «Активистов» и «Вовлеченных» против 2,6% в среднем у «Пассивистов» и «Зрителей»).

Показательно распределение по доминирующим политическим ценностям у россиян разного типа гражданского участия. Примечательно абсолютное преобладание ценностей либерального толка у «Оппозиционных активистов» (41,8 при среднем значении данного показателя по всему массиву респондентов – 22,4%), при этом социально-демократические ценности представители данного кластера выбирают втрое реже, чем «Лояльные активисты»: 6,1 против 17,7%. Кроме того, «Оппозиционные активисты» не разделяют ценности сильного государства, отвечающего за благосостояние граждан (2,6%), тогда как «Лояльные активисты» почти в восемь раз чаще высказываются за эту политическую ценность (16,0%). Исходя из этого, совершенно очевидно тяготение россиян, ориентированных на критическое отношение к действующей власти, к ценностям индивидуализма, личного успеха, частной собственности, защиты прав личности, благосостояния, основанного на индивидуальном вкладе в экономическое развитие страны. Напротив, лояльные представители гражданско-активной части россиян выступают за ценности коллективного блага, сильного и единого государства, преобладание общих ценностей и интересов над частной выгодой. Фактически те же тенденции наблюдаются и у россиян, при-

надлежащих к другим типам гражданского участия: у более лояльно настроенных преобладают социально-демократические ценности, у оппозиционных – либеральные ориентиры.

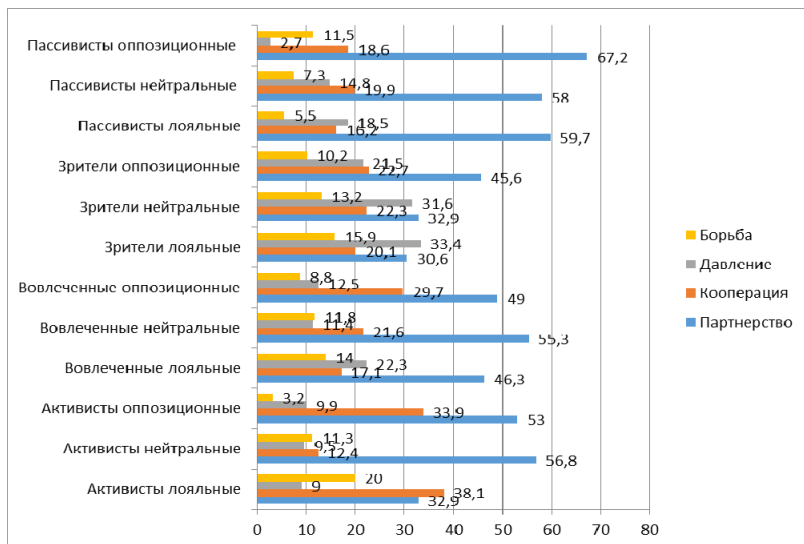

Рис. 2

Понимание «гражданской активности» у представителей различных типов гражданского участия, в %

На рис. 2 отражено понимание россиян – представителей разного типа гражданского участия – такого термина, как «гражданская активность». Фактически для всех кластеров эта категория расшифровывается как «форма взаимодействия, партнерства и кооперации граждан и государства». Вместе с тем существуют отличия в долевой репрезентации россиян с разным типом гражданской активности, понимающих «гражданскую активность» как «кооперацию граждан без усилий со стороны государства». Чаще всего этот тип активности как невмешательство государства понимают 28,1% в среднем всех представителей оппозиционно настроенных россиян. Почти для четверти (24,4%) лоялистов «гражданская активность» имеет негативный подтекст и ассоциируется с оказанием давления на власть и борьбой с властью за власть

(12,9%), что существенно превосходит аналогичные показатели у других кластеров россиян. Таким образом, для оппозиционеров несколько важнее, чем для остальных, возможность в рамках гражданской активности иметь свободную от присутствия государства площадку социально значимых действий.

«Оппозиционные активисты» и «Оппозиционные вовлеченные» чаще остальных кластеров реализуют такие типы цифровой гражданской активности, как оказание поддержки организаторам гражданской инициативы (69,7% от всех «Оппозиционеров»), размещение контента организаторов в своем профиле социальных медиа (47,5% из числа всех «Оппозиционеров»), взаимодействие с организаторами гражданских акций и помощь в сборе ресурсов (23,0% среди всех «Оппозиционеров») и участие в виртуальных акциях / во флэшмобах (17,4% от всех «Оппозиционеров»).

Более активное, чем у «Лоялистов», проявление гражданской активности онлайн, характерное для «Оппозиционеров», также свойственно для критически настроенных россиян и в офлайне. 43,9% всех «Оппозиционеров» участвуют в публичных акциях, более четверти (25,2%) являются волонтерами.

Заключение

Кластеризация россиян по двум группам оснований (интенсивность гражданской активности и степень лояльности власти) показала несколько значимых тенденций и закономерностей:

- с ростом оппозиционности у россиян более интенсивно проявляются прагматические ориентиры, стремление к либеральным ценностям, растет готовность к участию в политических и гражданских акциях в онлайн- и офлайн-форматах, укрепляется установка на восприятие гражданской активности как площадки, свободной от участия государства, усиливается убежденность в возможности несоблюдения ряда гражданской обязанностей;

- со снижением уровня гражданской активности (от «Лидеров» до «Пассивных») уменьшается доля россиян, имеющих критическую ориентированность по отношению к власти, таким образом, что среди «Лидеров» оппозиционеров наблюдается наибольший процент, а среди «Пассивных» – наименьший;

– гендерная специфика в распределении россиян по типам гражданского участия заключается в том, что существует явное доминирование маскулинной гендерной группы в числе «Лидеров» и «Оппозиционеров»;

– относительно небольшая суммарная доля наиболее оппозиционно активных россиян (8,1% оппозиционных лидеров и вовлеченных) свидетельствует о довольно невысоком протестном потенциале россиян в целом, вместе с тем абсолютное доминирование нейтрально ориентированных граждан при сопоставимом по числу оппозиционеров лояльно настроенных по отношению к власти россиян может указывать тревожный симптом низкого уровня уверенной поддержки населением органов власти и высокой степени риска конвергенции нейтральной позиции в критическую по отношению к действующему режиму.

Таким образом, отвечая на исследовательский вопрос, заключающийся в том, каково соотношение между потенциалом консолидации россиян вокруг официальной риторики власти о ближайших задачах российского общества и геополитической роли России, с одной стороны, и масштабами дезинтеграции, обусловленной оппозиционными настроениями россиян, с другой – следует признать абсолютное доминирование отстраненной нейтральной позиции при относительно незначительном распространении активной лоялистской и активно критической позиций в социуме РФ. Это предопределяет как негативное, так и позитивное следствия. Основным положительный эффект состоит в фактическом отсутствии существенного потенциала протестной активности в российском обществе в связи с небольшой долей лиц, нацеленных на поддержку оппозиционных настроений и критически ориентированного политического активизма. Вместе с тем довольно небольшая доля активных лоялистов в российском обществе будет препятствовать общественной консолидации в условиях санкционной войны, прочих условий, способствующих ухудшению материального положения россиян, а также в условиях информационной атаки западных акторов на Рунет, сфокусированных на подрыв доверия населения РФ к курсу действующей власти.

Перспективами исследования видится киберметрическое измерение заявленной темы. Предстоящими задачами служит определение масштабов поддержки российской пользовательской аудиторией информационных потоков лоялистского и оппозици-

онного толка; анализ динамических и содержательных характеристик внешних дезинтегрирующих информационных потоков и альтернативных консолидирующих информационных волн.

Решение этих задач позволит обосновать цифровые технологии, направленные на повышение потенциала социального согласия в российском обществе, его интеграции и консолидации.

A.Yu. Dombrovskaya, A.V. Sinyakov*
**Opposition potential of Russians' civil participation: results
of the cluster analysis**

Abstract. The basic research question of the undertaken empirical analysis is the question of the relationship between loyalism and oppositionism, activeness and passivity in the process of forming strategies for civic participation of Russians.

Within the framework of the theoretical review that precedes the applied analysis, the authors systematize a significant layer of special studies on the concept, essence, factors of formation and typology of strategies for civic participation. On this basis, the author's method of empirical research of Russian civic activism is proposed. The basic method for collecting factual data is the All-Russian Mass Survey of Russians, represented by territory of residence, gender and age of respondents (N = 1600 people). The clustering method (K-means, SPSS Statistics 26.0) of the survey database identified 12 types of civic participation of Russians.

Two indicators for the typology were used: the intensity of civic participation and the modality of the attitude towards the current government. Significant results of the study are the identification of the proportion of representatives of each cluster and the establishment of the relationship between belonging to the type of civic participation and the value and socio-demographic characteristics of Russians.

It has been established that the oppositional attitude of Russians' civic attitudes is associated with their pragmatic guidelines, striving for liberal values, high readiness to participate in political and civic actions in online and offline formats, perception of civic activity as a platform free from state participation.

The study shows the absolute dominance of a detached neutral position with a relatively insignificant spread of active loyalist and critical positions in the society of the Russian Federation. On the one hand, this indicates the absence of a high potential for protest activity in Russian society. On the other hand, a rather small share of active loyalists in Russian society can limit public consolidation around the official course of the current government.

As a research perspective, the author substantiates the need for cybermetric measurement (using big data tools) to support the Russian user audience of external and

---

* **Dombrovskaya Anna**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: an-doc@yandex.ru; **Sinyakov Alexey**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: alsin@socio.msu.ru

internal protest-oriented disintegrating information flows, and the degree of approval of constructive consolidating flows aimed at the formation of loyalist sentiments in society, as well as dynamic and discursive characteristics. these information flows.

Keywords: civic participation; civic attitudes; political values; loyalty; criticism; activism; passivism.

For citation: Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V. Opposition potential of Russians' civil participation: results of the cluster analysis. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 142–160. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>

References

- Berger P., Lukman T. *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Moscow : Medium, 1995, 323 p. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A. Civil and Political online practices in the assessments of Russian youth (2018). *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 180–197. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09> (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A., Sinyakov A.V. “Digital citizenship” in the assessments of Russian youth. *Political expertise*. 2019, Vol. 15, N 3, P. 326–344. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.301> (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2019, N 5, P. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01> (In Russ.)
- Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2019. Moscow : Public Chamber of the Russian Federation, 2019, P. 136–137 (In Russ.)
- Merkulov P.A., Prokazina N.V. Methodological approaches to the analysis of protest activity of youth. *Central Russian bulletin of social sciences*. 2017, Vol. 12, N 1, P. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.12737/24765> (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civil participation: Features of discourse and trends of real development. *The policy. Political research*. 2017, N 6, P. 43–60. DOI: [10.17976/jpps/2017.06.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04) (In Russ.)
- North D. *Institutes, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow : Fund for Economic Book “NACHA”, 1997, 112 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. Civil activity: an institutional approach (research prospects). *The policy. Political research*. 2009, N 6, P. 24–32. (In Russ.)
- Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. Civil activism in Russia: motivation, values and forms of participation. *Authority*. 2014, N 9, P. 13. (In Russ.)
- Sedova N.N. Civil activism in modern Russia. *Sociological journal*. 2014, N 2, P. 48–71. (In Russ.)
- Sibirev V.A., Golovin N.A., Klebanov A.A. Network communities in the struggle around the decision to hand over the St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church (January-June 2017). *Monitoring of public opinion: Economic and social*

- changes*. 2018, N 1, P. 296–317. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.15> (In Russ.)
- Shestopal E.B. Features of the use of psychological methods for the study of political perception. *Social psychology and society*. 2018, N 9, P. 81–90. (In Russ.)
- Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: a meta-analysis of research. *Social science computer review*. 2018, Vol. 38, Iss. 2, P. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>
- Deth van, J.A conceptual map of political participation. *Acta politica*. 2014, Vol. 49, P. 349–367. DOI: <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>
- Jordana J.G., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and organization*. 2019, Vol. 29, N 3100249. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>
- Milbrath L.W. *Political participation. The handbook of political behavior*. Boston, MA : Springer, 1981, P. 197–240. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4684-3878-9_4
- Selander L., Jarvenpaa S.L. Digital action repertoires and transforming a social movement organization. *MIS Quarterly*. 2016, Vol. 40(2), P. 331–352.
- Theocharis Y., Van Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European political science review*. 2018, Vol. 10(1), P. 139–163. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>
- Youngs R. *Civic activism unleashed: new hope or false dawn for democracy?* New York : Oxford university press, 2019. DOI: 10.1093/oso/9780190931704.001.0001

Литература на русском языке

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
- Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 180–197. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>
- «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров, А.В. Сияков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 326–344. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.301>
- Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 3–18. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
- Меркулов П.А., Проказина Н.В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 15–23. – DOI: 10.12737/24765
- Никонская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>

- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М. : Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. – 112 с.
- Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 24–32.
- Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В.В. Петухов, Р.Э. Бараиш, Н.Н. Седова, Р.В. Петухов // Власть. – 2014. – № 9. – С. 11–19.
- Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 48–71.
- Сибирев В.А., Головин Н.А., Клебанов А.А. Сетевые сообщества в борьбе вокруг решения передать Исаакиевский собор Русской православной церкви (январь–июнь 2017 года) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1. – С. 296–317. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.15>
- Шестопал Е.Б. Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. – 2018. – № 9. – С. 81–90.

А.Е. ДЕНИСОВ*

ХЕШТЕГИ, НАРРАТИВЫ И БАНАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ (НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ)

Аннотация. Статья посвящена анализу такого современного инструмента политического участия в сети интернет, как хештеги. В основу исследования положены нарративный анализ и теория банального национализма (как в интерпретации М. Биллинга, так и в видении Дж. Фокса). Нарративный анализ в статье рассматривается с точки зрения практико-ориентированного подхода, который направлен на непосредственное социальное взаимодействие. В центре этого взаимодействия находится человек (в данном случае представитель этнической группы), который одновременно и испытывает на себе влияние этнически значимых символов, и их создает. Нарратив уже здесь выступает как результат осмысления этнически значимых символов в сознании людей. Происходит это через анализ событий, которые были или сейчас развиваются внутри или около этнического движения (в том числе и с помощью политических мифов, связанных с историей данной этнической группы). Целью статьи является определение места и роли хештегов в развитии национальных движений (на примере крымского движения). Автор выявляет положение хештегов относительно таких единиц анализа как «этнически значимые символы» и «нарратив».

В исследовании говорится о хештегах как о достаточно новом инструменте политического участия. В качестве примера выбрано крымское движение, поскольку оно характеризуется достаточно развитыми дискурсивными практиками. Дается подробный обзор крымских хештегов и приводится их классификация на основе предложений Алисой Дайер, Реббекой Хоффман и Сет Гудманом видов хештегов. Особое внимание уделяется теории банального национализма и подчеркивается, что функционал хештегов достаточно хорошо может быть объ-

---

* **Денисов Андрей Евгеньевич**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан (Казань, Россия), e-mail: Count-Denisov@yandex.ru

© Денисов А.Е., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.03.07

яснен данной теорией. В заключение автор предлагает таблицу моделей крышенских хештегов с ключевыми характеристиками (тип хештега, вид признания, интерпретация банального национализма по М. Биллингу или Дж. Фоксу, роль хештега в движении) и выделенными закономерностями для крышенского движения.

Ключевые слова: банальный национализм; интернет; крышены; нарратив; национальное движение; политическое участие; символ; хештег; этнически значимый символ; этнополитическая мобилизация.

Для цитирования: Денисов А.Е. Хештеги, нарративы и банальный национализм (на примере крышенского движения) // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 161–182. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.07>

В последние годы темы, связанные с интернет-участием в политике национальных меньшинств, становятся все более популярными для исследования представителями социальных наук. Это можно объяснить тем, что раньше «большая политика» проводилась в значительном удалении от простых людей и последние могли кардинально повлиять на нее только путем радикального выражения своего протеста; однако сегодня Интернет является как раз тем посредником, который включает общество в принятие решений [Grossman, 1995, p. 29]. В эпоху глобализации национальные и конфессиональные меньшинства подвергаются еще большему риску вынужденной ассимиляции не только со стороны доминирующей группы внутри какой-то определенной страны, но и со стороны общемировой глобальной культуры. Из-за этого интернет-участие национальных движений стало нормой.

В сети Интернет модели участия национальных меньшинств разнообразны, как и модели политического участия в целом (например, Эндрю Чадвик и Кристофер Мэй выделяли модели от чисто технократических «управленческих» моделей, где происходит фактически только улучшение эффективности работы бюрократического аппарата через внедрение информационных технологий, до модели «участия», подразумевающей под собой максимальное интерактивное взаимодействие между гражданином и политической сферой [Chadwick, May, 2003, p. 277]).

В данном случае нас интересует сфера влияния интернет-коммуникаций на развитие идентичности и национальных движений. С этой целью будет рассмотрено влияние хештегов на развитие крышенского движения через призму теории этносимволизма, который изучает национализм с точки зрения места и роли этниче-

ски значимых символов в национальных движениях [Armstrong, 1982; Smith, 2009, Hutchinson, 2005]. Прослеживается определенная взаимосвязь между хештегами и этнически-значимыми символами, так как они являются производными друг от друга¹.

В современной политологической науке и в смежных дисциплинах исследования в большей степени сосредоточены на роли информационных технологий в формировании национальной или этнической идентичности. Родоначальником данных исследований можно считать социолога М. Кастельса, который поднял вопрос о том, что информационные технологии оказывают большое влияние на социальные отношения и коллективную идентичность, и отметил необходимость изучения данного феномена [Кастельс, 2000]. Особое внимание в данных исследованиях уделяется изучению непосредственной интерактивности в создании и распространении контента [Jenkins, Ford, Green, 2013], который создает открытую культуру участия для всех без исключения членов этнической группы. Существует отдельный пласт работ, которые фокусируются на изучении поддержания коллективной этнической идентичности мигрантов в онлайн-пространстве (так называемые «сайты диаспор» [Kania-Lundholm, Lindgren, 2017]. В связи с этим также можно выделить практику изучения «виртуальных наций» [Aouragh, 2011] и их непосредственное функционирование в онлайн-пространстве². Отдельно стоит отметить, что функционирование «виртуальной нации» невозможно без исторической памяти [Малинова, 2019; Джонсон, Малинова, 2020]. Этнически значимые символы формируются непосредственно исторической памятью, если они не были сформированы ранее. Кроме того, историческая память часто используется этнопопулистами в сети Интернет в рамках дискурсивных стратегий для достижения собственных целей. По этому блоку исследований существует большой массив литературы [Moffitt, 2016; Wodak, 2015].

Изучение хештегов как инструмента политического участия и поддержания этнокультурной идентичности определяется двумя видами публикаций: обобщенно посвященные хештег-активизму с

---

¹ В статье будут описаны разные модели. Хештеги могут как предшествовать этнически значимым символам, так и быть производными от них. В некоторых случаях хештеги и этнически значимые символы являются одним и тем же.

² Bakker P. New nationalism: The Internet crusade. – 2001. – Mode of access: <https://tamilnation.org/selfdetermination/nation/bakker.pdf> (accessed: 23.04.2021).

фокусировкой на определенную социально значимую проблему [Zulli, 2020] и непосредственно о хештегах, используемых в национальных движениях. По второй категории не так много научной литературы. Однако есть исследователи, которые поднимают проблему хештег-активизма в этноконфессиональных общностях [Greenhalgh, Willet, Koehler, 2019] и непосредственно у этнических и расовых меньшинств [Ramasubramanian, 2016]. Что же касается крышенского движения, изучение его хештегов ведется [Белорусова, 2019; Белоруссова, Данилова, Сысоева, 2020], но проходит в этнологической и антропологической плоскости.

Нарративный анализ

Рассмотрение роли и места такого инструмента политического интернет-участия, как хештеги, в развитии крышенского движения мы проведем на основе нарративного анализа. Это позволит ответить на вопрос: «Обладают ли хештеги такой же значимостью для развития движения как этнически значимые символы или же они являются производными от них?»

Нарративный анализ обладает достаточными возможностями для исследования контекстов и дискурсивных практик, существующих внутри крышенского движения. Мы разделяем практико-ориентированный подход к изучению нарративов, который акцентируется на непосредственном социальном взаимодействии [De Fina, Georgakopoulou, 2012, p. 155]. Под практикой социального взаимодействия мы, следуя концепции Анны де Фини и Александры Георгакопулу, понимаем такой подход к нарративному анализу, который сосредоточивает внимание на взаимодействии между разными акторами (в нашем случае, крышенского движения), а кроме того ориентируется на представление о нарративе как о некоторой силе, способной создавать или воссоздавать контексты. И, самое главное, этот подход должен включать в рассмотрение реально существующие социальные проблемы.

Важно отметить, что нарративы в данном контексте – это не что-то устоявшееся, они развиваются и могут трансформироваться со временем, так как вовлечены в непосредственные социальные и политические взаимодействия [Marilyn, Deirdre, 2017, p. 33]. Кроме того, нарративный анализ подходит для анализа национализма

и других политических идеологий. Это объясняется, во-первых, тем, что нарративы напрямую связаны с окружающей социально-политической, экономической, культурной и демографической обстановкой и часто выходят «за границу» области своего применения, пересекаясь с другими контекстами. Во-вторых, нарративы сами могут создавать контексты, которые, в свою очередь, направляют внимание индивидов на новое понимание окружающей действительности [Barassi, Zamponi, 2020, p. 593].

Здесь следует еще уделить внимание такому аспекту, как «владение нарративом». Сторонники «нарративного поворота» в социальных науках еще в начале 1990-х годов писали о возрастающей роли нарративов, когда субъекты социальных процессов маргинализируются, и политический процесс становится все менее активным [Bruner, 1991, p. 2–3]. Это применимо к кряшенскому движению, а точнее к чередованию этапов политического и культурного национализма в кряшенском движении с середины XIX в. до наших дней [Денисов, 2017, с. 53–54]. Так, когда политический национализм слабеет или терпит поражение, культурный национализм позволяет использовать новые модели этнополитической мобилизации населения. Нарративы являются неотъемлемой частью национализма. При культурном национализме они активно создаются, чтобы заменить собой недостающую политическую активность акторов, а при политическом национализме нарративы используются уже непосредственно в инструментальных целях.

Нарративы используются для выражения или обозначения как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Исходя из этого, в нарративном анализе выделяют два подхода к анализу идентичности: биографический и интерактивно-ориентированный. Для изучения кряшенского движения мы будем применять только интегративно-ориентированный подход, так как биографический направлен на отдельного человека как источника данных и цели анализа. По-другому можно сказать, что это своеобразный подход к описанию жизненной траектории человека и пути построения его собственной идентичности (в том числе состоящей из пересекающихся лояльностей в этнической, религиозной, гражданской, политической, языковой, социальной, экономической и культурной плоскостях). Интерактивно-ориентированный подход ориентирован на другое, здесь важен не сам результат конструирования идентичности, а именно процесс: какие стратегии используются

для конструирования идентичности и какое место и функции в них занимают непосредственно рассматриваемые нарративы [De Fina, Georgakopoulou, 2019, p. 352].

Идентичность в зависимости от контекста может быть разной не только по своей наполненности, но и по сути. В частности, ученые, которые используют нарративный анализ, выделяют три вида таких идентичностей: дискурсивные (discourse), ситуативные (situated) и переносимые (transportable) [Helm, 2018, p. 34].

Дискурсивные идентичности связаны с непосредственной ролью, в которой сейчас находится человек. Например, какая-то определенная группа людей, в частности, отделение Общественной организации крышен одного из муниципальных районов Татарстана делегировала право представлять себя определенному члену крышенского сообщества на отчетно-выборной конференции Общественной организации крышен РТ. Этот человек будет выступать уже не только от своего имени, а от имени всех крышен, которые проживают на территории муниципального района. Это – пример дискурсивной идентичности. Как только его полномочия закончатся, у него останется право говорить только от своего имени.

Ситуативные идентичности релевантны в силу конкретных социальных обстоятельств и видов деятельности. В качестве примера можно привести условного ученого-крышена. В ходе научной дискуссии его позиция по истории крышен будут звучать намного более авторитетно, чем слова простого представителя крышенского сообщества без ученой степени (даже если они будут говорить похожие вещи). Однако эти идентичности непосредственно связаны с «властью», которая дается в каждом конкретном случае лишь в строгих границах, очерченных профессией (например, у врача – в выборе путей лечения пациента и обязательном подчинении последнего воле врача). За пределами больницы данной власти у врача нет. Так же и с условным ученым из крышенского сообщества. Его слова могут иметь вес только в научной дискуссии, но если он перейдет границу академической сферы, эти слова будут звучать просто как частное мнение обычного гражданина. Следовательно, данный тип идентичности (ситуативный) может функционировать только в «рабочее время» и в определенной среде.

Что же касается третьего вида идентичности (переносимые идентичности), они могут быть независимы от контекстов, а могут

быть и зависимыми¹. Здесь стоит отдельно оговориться, что под «переносимыми идентичностями» в монографии Ф. Хельм [Helm, 2018] понимаются устоявшиеся идентичности больших социальных групп (например, религиозные, этнические, гендерные идентичности). Эти идентичности могут быть изменяемые в течение времени (религиозная идентичность может быть трансформирована со сменой религии) и трудноизменяемые. К трудноизменяемым относится этническая идентичность. Согласно этносимволизму, этничность не может быть сконструирована на пустом месте без определенного исторического опыта, без предыдущего этнического основания. Что же касается не больших, а малых групп (такие как кряшены), то тут важно учитывать внутреннее самосознание этнической группы, насколько оно сильно развито. Хотя кряшены по переписи населения являются субэтнической группой внутри татарской нации, внутри сообщества очень сильно развито внутреннее самосознание, что позволяет говорить о некоторой независимости кряшенской идентичности от разного рода контекстов.

Если продолжать пример с кряшанами, то это их этнокультурная идентичность будет примером переносимой идентичности. Представитель кряшенского сообщества будет считать себя кряшеном и в ситуации, когда он является делегатом на отчетно-выборной конференции от своего муниципального района (дискурсивная идентичность), и при участии в научной дискуссии в качестве ученого (ситуативная идентичность).

Хештег как новый инструмент политического участия

Хештеги впервые появились в сетях IRC (Internet Relay Chat), а стали популярны в социальной сети Твиттер. Первоначально они не имели какого-то определенного функционала, кроме поиска похожих по тематике сообщений внутри сети. Это была своеобразная форма категоризации записей [Rightler-McDaniels, Hendrickson, 2014, p. 176]. Однако достаточно быстро функционал

---

¹ Например, очень важно, как к представителям этнической группы относится внешнее окружение. Если это окружение относится достаточно негативно, то представители этой этнической группы постараются не распространяться о своей этнической идентичности и скорее всего выберут стратегию добровольной ассимиляции (чаще всего встречается в эмигрантской среде).

хештегов значительно расширился, так как любой желающий мог его создать и вложить в него свой определенный смысл. Таким образом, хештег оказался инструментом с «неожиданной глубиной» [Ibid.]. Даже хештег, который создан одиночкой и на пустом месте может, при условии, что его будут повторять другие пользователи, стать самостоятельным дискурсом, способным мобилизовать людей на разного рода социальные взаимодействия с окружающей средой.

Существуют разные понимания этнополитической мобилизации в современной политической науке. В.А. Ачкасов выделяет некоторые их общие черты: 1) это процесс, источником которого выступают группы / элиты с определенной этнической принадлежностью; 2) процесс, который сопряжен с борьбой за редкие ресурсы (в том числе и за политические); 3) основан на манипулировании этнически значимыми символами; 4) направлен на обретение общей идентичности и политической организации этнического сообщества [Ачкасов, 2014, с. 88].

При том, что мы согласны с данными выделенными общими чертами, все же стоит отметить, что далеко не всегда целью этнополитической мобилизации может выступать обретение общей идентичности и политическая организация этнического сообщества. Часто это является лишь средством для продвижения собственных интересов в политической или экономической сфере от имени своего этнического сообщества. Кроме того, источником этнополитической мобилизации не всегда бывают представители самой этнической группы. В частности, многие национальные движения зарождались от деятельности «внешних» акторов (например, православный миссионер Н.И. Ильминский через свою деятельность фактически дал импульс к формированию крышенской идентичности и зарождению крышенского движения). Таким образом, если возвращаться к теме хештегов, то буквально любой пользователь (не обязательно член данного этнического сообщества) может создать хештег, который будет нести этнически значимый посыл. Хештеги могут быть вполне удачным инструментом для манипуляции этнически значимыми символами с целью получения экономических и политических ресурсов в рамках развития национального движения.

Притом что первоначально функция хештега заключалась в своеобразной группировке сообщений и записей в социальной

сети Твиттер, со временем исследователи стали выделять разные виды хештегов. Так, например, Л.С. Патрушева отмечает, что зарубежные исследователи Алиса Дайер, Реббека Хоффман и Сет Гудман выделяют такие виды хештегов, как 1) хештег-подчеркивание; 2) хештег-критика; 3) хештег-идентификация; 4) хештег-итерация (хештег-переход) и 5) хештег-сплочение [Патрушева, 2018, с. 473].

В наше время хештеги оказывают большое влияние и на политическую сферу. Люди участвуют в публичной политике посредством разных информационных технологий по широкому спектру вопросов: от простой передачи политической информации своим друзьям, коллегам и соратникам до выдвижения требований органам государственной власти и призывам к мобилизации населения по тем или иным общественно-политическим вопросам. Уже признано, что так называемый хештег-активизм имеет серьезное политическое значение и способствует политическому участию в реальной жизни [Freelon, Marwick, Kreiss, 2020, p. 1197]. Таким образом, хештеги стали полноценной цифровой технологией, которая может быть использована политическими акторами.

Хештеги активно используются и в таком подвиде социальных движений, как национальные движения. В данном случае можно встретить два вида хештегов: хештег-идентификация и хештег-сплочение. В первом случае мы имеем дело с хештегом, который выступает определенным маркером идентичности. В качестве примера можно привести президентскую кампанию Д. Трампа, когда он в своем Твиттере, в том числе и через хештеги, фактически выстраивал американскую идентичность по таким линиям, как: 1) принадлежность к общему этническому сообществу; 2) общее представление о Родине; 3) общая история; 4) религия и 6) формирование некой особой миссии этнического сообщества в мире (как элемент американского мессианства) [Schertzer, Woods, 2020]. Главная функция этого маркера – выстраивание границы между «своими» и «чужими». Хештеги-сплочение используются национальным движением, когда оно выдвигает определенные требования к органам государственной власти. Эти требования могут быть как экономического плана, например, предоставления исключительного права хозяйствования на определенных территориях, так и политического (движение за предоставление автономии или независимости). Хрестоматийным примером здесь может служить Каталонское движение, которое

призывает Испанию провести легитимный референдум о предоставлении независимости Каталонии (например, хештег #wewanttovote является самым распространенным, который используется в Каталонском движении) [Agustín, 2021, p. 68].

Перейдём к хештегам в крымском движении. Впервые изучать хештеги у крымчан начала школа виртуальной антропологии под руководством А.В. Головнёва, сначала в Уральском федеральном университете, а позже в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Так, например, С.Ю. Белоруссова отметила, что крымские хештеги могут содержать этнические варианты названий сообщества (#крымчан, #якрымчан, #минкрымчан и похожие) или делать акцент на региональном, тематическом и гендерном аспекте (#керэшенкызлар, #керэшенавыллар, #крымскийприход и так далее) [Белоруссова, Данилова, Сысоева, 2020, с. 47]. В своем исследовании С.Ю. Белоруссова выделила 13 основных и наиболее распространенных хештегов в сети Интернет [там же, с. 48]. Мы не будем подробно останавливаться на этих хештегах, отметим лишь то, что большинство хештегов в крымском движении – это хештеги-идентификаторы. Однако существует такой хештег как #силакрымчан, который нуждается в отдельном осмыслении.

Вначале необходимо отметить, что крымчане по переписи населения 2002 и 2010 годов являются субэтнической группой внутри единой татарской нации. Дискуссия по поводу статуса крымчан началась еще с кампании к переписи населения 2002 г. [Денисов, 2018, с. 324–326] и продолжается до нашего времени. В связи с этим основным нарративом современного крымского движения выступает вопрос о полном признании крымчан в качестве отдельного народа. Мы, опираясь на методологию теории признания Ч. Тейлора [Taylor, 1994], выделяем, что существует «внешнее» и «внутреннее» признание. В случае с любым национальным движением, перед тем как добиваться «внешнего» признания, необходимо добиться устоявшегося собственного самосознания («внутреннего признания»).

Виды и модели крымских хештегов

Если переходить напрямую к крымским хештегам, то можно выделить их три разновидности:

1) хештеги-идентификаторы (#кряшены, #кряшен, #керэшеннэр, #минкерэшен, #кряшен, #минкряшен, #керэшеннэр, #керэшен, #кряшеннэр и др.);

2) хештеги-переходы (где под хештегом напрямую подразумевается этнически-значимый символ) (#кряшенскийприход);

3) хештеги-сплочение (#силакряшен).

Данная классификация была разработана на основании этно-символического подхода, нарративного анализа и классификации хештегов по Алисе Дайер, Реббеке Хоффман и Сету Гудману.

Наш анализ строился по следующей логической схеме: хештег – этнически значимый символ – нарратив – классификация. Первоначально для нас хештег представляет собой не больше, чем просто слово или выражение, однако позже мы соотносим его с уже имеющимися этнически значимыми символами (согласно этносимволизму). Когда уже установлена взаимосвязь хештега с символом (она может быть выражена в виде символа «отдельной нации» в случае с хештегами-идентификаторами), следует обратить внимание на его содержание (какой дискурс вносит в кряшенское движение; как затрагивает индивидуальные и коллективные идентичности; какие стратегии используются для конструирования идентичности).

Основной объем проанализированной информации составили вторичные данные о кряшенских хештегах в социальных сетях «Инстаграм», «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Фейсбук» с 2012 г., которые были представлены в работах С.Ю. Белоруссовой за 2019–2020 гг. [Белоруссова, 2019; Белоруссова, Данилова, Сысоева, 2020]. Исходя из этой классификации, опишем три модели влияния хештегов на кряшенское субэтническое движение.

1-я модель

Название: Хештег у кряшен как идентификация

Схема: Символ – Нарратив – Хештег

В данной модели хештег не представляет собой что-то самостоятельное. Это продукт нарратива, который сформировался под воздействием определенных этнически значимых символов. В качестве примера можно привести символ «кряшенского языка».

Современные кряшены говорят на татарском языке, но они продолжают почитать свой письменный литературный язык, который был создан Н. Ильминским (создал кряшенский алфавит для перевода Священного Писания и богослужения на понятный кряшам родной язык) и остался только в религиозной литературе [Денисов, 2019, с. 95]. Притом что данный язык не может уже использоваться в качестве активного средства коммуникации, он все же продолжает выполнять жизненно важную для субэтнической группы символическую идентификационную функцию. В устной речи отличий «кряшенского языка» от татарской речи практически нет, однако многие представители кряшенского движения продолжают говорить о «кряшенском языке» как о реально существующем. Внутренний образ «кряшена» маловероятен без символа «кряшенского языка», от этого можно с уверенностью говорить, что под хештегом #кряшен подразумевается человек, для которого «кряшенский язык» является родным. В данном случае хештег играет идентификационную функцию, которая укрепляет внутреннее самосознание внутри этнической группы и «работает» на внутреннее признание.

2-я модель

Название: Хештег как переход к символу

Схема: Хештег (символ) – нарратив

В данной модели хештег является образом символа, т.е. прямой отсылкой к нему. Более того, при определенных обстоятельствах (в том же самом Твиттере, где количество слов ограничено) хештег может прямо считаться этнически значимым символом.

Рассмотрим на примере хештега #кряшенский приход. Кряшенский приход является самостоятельным этнически значимым символом в кряшенском движении [там же, с. 95]. Он сформировался как «новый» первичный этнически значимый символ из таких символов, как «православие» и «кряшенский язык» в период первого (с середины XIX до начала XX в.) и второго кряшенского религиозного возрождения (с конца 80-х годов XX века). На современном этапе особую роль в формировании данного символа сыграл о. Павел Павлов. В конце 80-х годов XX века он приложил большие усилия в восстановлении православных традиций в кря-

шенской среде, продолжил работу Н. Ильминского по переводу Священного Писания на «кряшенский язык», при нем возобновились богослужения на родном для кряшен языке [Денисов, 2020, с. 181]. Кряшенские храмы сейчас для этнического сообщества являются местом притяжения, некоторой нейтральной площадкой, где забываются все политические и внутригрупповые дискуссии. Во время второго кряшенского религиозного возрождения священнослужители из кряшен стали неформальными лидерами кряшенской общины, к мнению и авторитету которых прислушиваются все группы внутри движения.

Поэтому хештег #кряшенскийприход сразу же перенаправляет представителя этнического сообщества непосредственного к этнически значимому символу кряшенского прохода. Этот символ непосредственно влияет на нарратив движения, и уже представители движения используют его как еще один аргумент для полного внешнего признания кряшен как отдельного народа.

3-я модель

Название: Хештег как мобилизация

Схема: Хештег – символ – нарратив

В данной модели хештег является импульсом к созданию этнически значимых символов. К данной модели можно отнести хештег #силакряшен. На наш взгляд, у этого хештега есть большие возможности для продвижения исключительной кряшенской идентичности в медиапространстве. На данный момент, по мнению С.Ю. Белоруссовой, #силакряшен обозначает некоторую сакральную обязанность сохранения единства движения на фоне имеющихся разногласий внутри сообщества по поводу частичного или полного внешнего признания кряшен как отдельного народа [Белоруссова, 2019, с. 59–60]. То есть, данный хештег относится к группе хештегов-сплочение, функции которых заключаются в привлечении внимания и мобилизации населения. В отношении же национальных движений мы можем с полной уверенностью говорить, что хештеги данного типа непосредственно влияют на процесс этнополитической мобилизации, так как идет сакрализация этнической общности, ее культуры и других ее элементов, которые необходимо сохранить любой ценой от вредного влияния окру-

жающих ее чужих культур (способных ассимилировать) [Ачкасов, 2016, с. 107]. Через данный вид хештегов можно видеть выдвижение разного рода политических требований со стороны этнических групп, однако в кряшенском движении этого не было замечено. У кряшен #силакряшен имеет в большей степени только интеграционную функцию внутри движения. В тоже время, на наш взгляд, у этого хештега есть большой, пока еще скрытый потенциал. В частности, он не просто «объявляет» и декларирует кряшенскую идентичность как в случае с хештегами-идентификаторами, а ее «пробуждает». #Силакряшен не дает готовых ответов для представителей кряшенского сообщества на вопрос: «Кто такой кряшен?», а заставляет искать эти ответы самостоятельно. Этот поиск приводит к дискурсу о «полном внешнем признании» кряшен, и уже на этом этапе к формированию кряшенской идентичности подключаются уже имеющиеся этнически значимые символы, из которых впоследствии формируются нарративы движения.

Хештеги и банальный национализм

При изучении кряшенских хештегов была прослежена интересная связь между непосредственно хештегами и банальным национализмом. Данный подход ориентирован на изучение масс, а точнее на то, как с помощью различных повседневных символов людям напоминают об их национальной принадлежности. В современном мире цифровых технологий для молодежи, которая проводит большую часть своего времени в Интернете, хештеги имеют почти такое же значение, как флаги и гимны. Поэтому мы задались вопросом, как хештеги связаны с банальным национализмом.

Родоначальником в исследовании банального национализма является М. Биллинг [Billing, 1995]. В книге М. Биллинга банальный национализм является идеологией, направленной на ежедневное воспроизводство нации в сознании населения.

Однако следует отметить, что теория М. Биллинга была подвергнута кардинальному пересмотру современными учеными. В частности, новое поколение исследователей отмечает, что М. Биллинг сосредотачивался всего лишь на выделении маркеров банального национализма, но не описывал, как простые люди уча-

ствуют в неостанавливаемом процессе воспроизводства нации. Например, Дж. Фокс вступает в дискуссию с М. Биллингом и отмечает, что не все члены национальной общины являются этническими активистами, не все люди соотносят свою жизнь и повседневные действия с оглядкой на свою нацию, бывают случаи, когда нация не довлеет над жизнью человека [Фох, 2017, р. 41]. Из этого следует, что М. Биллинг понимает банальный национализм слишком узко, в русле обычного национализма, на его идеологическом уровне, фактически игнорируя повседневную жизнь, но именно в ней проходит развитие национальных движений. Заслуга Дж. Фокса состоит в том, что он деконструировал понятие «банальный национализм» и выделил из него чисто идеологический (позиция М. Биллинга) и повседневный национализм (опыт национализма на уровне простых людей).

Если обратиться к первому виду кряшенских хештегов (хештеги-идентификаторы), видно, что это продукт нарратива, сформировавшегося под воздействием определенных этнически значимых символов. Фактически хештег здесь выступает уже как конечный продукт, как инструмент передачи нарратива этнически значимого символа через слово или словосочетание в сети Интернет. Идентификация является очень важной функцией для этнического сообщества, но она явно недостаточна для полноценного развития движения, она хорошо поддерживает уже существующий начальный уровень самоидентификации, но не создает дополнительный нарратив. Хештеги #якряшен или #мыкряшены напоминают кряшенам об их внутренней самоидентификации, но не затрагивают напрямую никаких этнически значимых символов. Если обратиться к М. Биллингу, то в его теории банальный национализм подается непринужденно через ежедневные и обыденные повторения как на уровне государственных символов (флаг на общественном здании или пение гимна утром учениками школы) или же через СМИ с упоминанием слов-маркеров «мы», «здесь», «там», «у них», «у нас» и так далее [Billing, 1995, р. 6]. Эти повторения не создают новых нарративов, они лишь укореняют в сознании людей старые. Поэтому можно сказать, что существует определенная взаимосвязь между классической моделью банального национализма М. Биллинга и хештегами-идентификаторами в кряшенском движении.

Если вернуться к дискуссии вокруг разных подходов к изучению банального национализма, следует подробнее остановиться

на интерпретации Дж. Фокса. Главным маркером этой интерпретации, на наш взгляд, следует считать «опыт простых людей». По словам самого Дж. Фокса, разница между его интерпретацией и взглядами М. Биллинга заключается в том, что в подходе повседневного национализма люди используют свою идентичность и этнически значимые символы для целенаправленного использования в своих целях, а банальный национализм использует людей для целей государства [Fox, 2018, p. 864]. Обращаясь к оставшимся видам хештегов в кряшенском движении, важно остановиться именно на пункте «опыт простых людей» в их повседневной жизни. Так, хештеги-переходы прямо ссылаются на определенные этнически значимые символы (#кряшенский приход – этнически значимый символ кряшенского православного прихода), но при этом дают человеку возможность самому выбрать отношение к этому символу. В данном случае опыт принятия этого символа у всех может быть разный (возможно даже и полное непринятие). Так или иначе, хештег-переход не задает некоторый изначальный дескриптивный статус человеку. К примеру, тот же хештег #кряшенскийприход не приписывает представителю кряшенского сообщества регулярно посещать православный храм, а только напоминает о роли православия в структуре кряшенской идентичности.

Хештеги-сплочение предоставляют еще большую возможность для осмысления своей этнической идентичности. Данный вид хештегов дает только направление для конструирования этнической идентичности, что предполагает дискурс внутри движения о его этнически значимых символах, нарративах и перспективах развития. В данном контексте хештег #силакряшен можно сравнить с хештегом #ldsconf, который сейчас распространен в среде мормонов. Хештег #ldsconf и последовавшее за ним общественное движение позволило представителям мормонского сообщества подчеркнуть другие свои идентичности в сочетании с их мормонской идентичностью [Greenhalgh, Willet, Koehler, 2019, p. 130]. Это движение «снизу» примечательно тем, что церковные лидеры мормонов делали раньше акцент только на религиозной идентичности. По аналогии с хештегом #ldsconf, хештег #силакряшен позволяет раскрыть кряшенскую идентичность в достаточно большом диапазоне, так как подразумевает относительную свободу в ее конструировании членами общины и, самое главное, опирается

на непосредственный опыт простых людей в их повседневной жизни.

В связи с этим наблюдается определенная взаимосвязь между хештегами-переходами и хештегами-сплочения с интерпретацией банального национализма в представлении Дж. Фокса.

Исходя из этого, в качестве визуализации результатов представим таблицу, где показано, какие модели хештегов существуют в кряшенском сообществе по ключевым характеристикам (табл. 1).

Таблица 1

**Модели хештегов в кряшенском сообществе
по ключевым характеристикам**

	1-я модель	2-я модель	3-я модель
Тип хештега	Хештег-идентификатор	Хештег-переход	Хештег-сплочение
Схема	Символ –нарратив – хештег	Хештег (символ) – нарратив	Хештег – символ – нарратив
Вид признания	Внутреннее	Внешнее	Внешнее
Банальный национализм	По М. Биллингу	По Дж. Фоксу	По Дж. Фоксу
Роль в движении	Слабая	Сильная	Сильная

Заключение

Подводя итоги, отметим, что нами была определена роль и место такого инструмента политического интернет-участия, как хештеги в развитии кряшенского движения. Кроме этого, было показано, какие модели хештегов существуют в кряшенском сообществе по ключевым характеристикам (табл. 1). В частности, были найдены определенные закономерности (в рамках одного кряшенского кейса):

1. Если хештег несет в себе только идентификационную функцию, он направлен на внутреннее признание, и его роль в движении достаточно слабая.

2. Если хештег направлен на внутреннее признание, его роль и место в кряшенском движении можно объяснить с помощью интерпретации банального национализма М. Биллинга.

3. Если хештег подразумевает под собой символ (хештег-переход) или несет в себе мобилизационный потенциал (хештег-

сплочение), он направлен на внешнее признание и его значение для движения достаточно велико.

4. Если хештег направлен на внешнее признание, его роль и место в крышенском движении можно объяснить с помощью интерпретации банального национализма Дж. Фокса.

A.E. Denisov*

**Hashtags, narratives and banal nationalism
(a case study of the Kryashens' movement)**

Abstract. The article is devoted to the analysis of a modern tool of political participation in the Internet as hashtags. The study is based on the narrative analysis and the theory of banal nationalism (both in the interpretation of M. Billing and in the vision of J. Fox). The narrative analysis, provided in the article, is considered from the viewpoint of a practice-oriented approach, which is aimed at direct social interaction. The core element of this interaction is a person (in a given case, a representative of an ethnic group) who simultaneously experiences the influence of ethnically significant symbols and creates them. The narrative appears here as a result of the appreciation of ethnically significant symbols in the minds of people. This happens through the analysis of events that have taken place or are now taking place within or around the ethnic movement (including with the help of political myths associated with the history of this ethnic group). The purpose of the article is to study the place and role of hashtags in the development of national movements (a case study of the Kryashens' movement). The author seeks to identify the position of hashtags in relation to such units of analysis as "ethnically significant symbols" and "narrative".

The study talks about hashtags as a new enough tool for political participation. The Kryashen front was opted as an example because the discursive practices are quite well developed within this community. The article provides a detailed overview of the existing Kryashen hashtags and gives their classification based on the types of hashtags proposed by Alice Daer, Rebbecca Hoffman and Seth Goodman. The study pays special attention to the theory of banal nationalism and emphasizes that the functionality of hashtags can be explained quite well by this theory. In conclusion, the author proposes a table of models of Kryashen hashtags with key characteristics (type of hashtag, type of recognition, interpretation of banal nationalism according to M. Billing or J. Fox, the hashtag's role in the movement) and highlighted patterns for the Kryashen movement.

Keywords: banal nationalism; the Internet; Kryashen; narrative; national movement; political participation; symbol; hashtag; ethnically significant symbol; ethnopolitical mobilization.

---

* **Denisov Andrew**, Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia); e-mail: Count-Denisov@yandex.ru

For citation: Denisov A.E. Hashtags, narratives and banal nationalism (a case study of the Kryashens' movement). *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 161–182. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.07>

References

- Achkasov V.A. The role of “enemy image” in the ethno-political mobilization processes. *Political expertise: POLITEX*. 2016, T. 12, N 1, P. 106–128. (In Russ.)
- Achkasov V.A. Ethno-political mobilization: an attempt to conceptualize the idea. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relationships*. 2014, N 3, P. 81–89. (In Russ.)
- Agustín Ó.G. (ed.). *Catalan independence and the crisis of sovereignty*. London : Palgrave Macmillan, 2021, 260 p.
- Aouragh M. *Palestine online: transnationalism, the Internet and the construction of identity*. New York : I.B. Tauris, 2011, 288 p.
- Armstrong J. *Nations before nationalism*. Chapel Hill : University of North Carolina press, 1982, 411 p.
- Barassi V., Zamponi L. Social media time, identity narratives and the construction of political biographies. *Social movement studies*. 2020, Vol. 19, N 5–6, P. 592–608. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2020.1718489>
- Belorussova S.Y. SilaKryashen: the virtual life of an unrecognized people. *Siberian historical research*. 2019, N 2, P. 41–63. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/3> (In Russ.)
- Belorussova S., Danilova E., Sysoeva M. Hastages and ethnicity. *Etnografia*. 2020, N 3, P. 33–61. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3\(9\)-33-61](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3(9)-33-61) (In Russ.)
- Billing M. *Banal nationalism*. London : Sage publication, 1995, 200 p.
- Bruner J. The narrative construction of reality. *Critical inquiry*. 1991, Vol. 18, N 1, P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1086/448619>
- Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Moscow : Higher School of Economics, 2000, 608 p. (In Russ.)
- Chadwick A., May C. Interaction between states and citizens in the age of Internet: “e-government” in the United States, Britain and the European Union. *Governance. International journal of policy, administration, and institutions*. 2003, Vol. 16, N 2, P. 271–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00216>
- De Fina A., Georgakopoulou A. *Analyzing narrative: discourse and sociolinguistic perspectives*. Cambridge : Cambridge university press, 2012, 223 p.
- De Fina A., Georgakopoulou A. (eds). *The handbook of narrative analysis*. Oxford : John Wiley & Sons, 2019, 472 p.
- Denisov A.E. Practice of ethnic mobilization through John Hutchinson's theory of nationalism (a case study of the Kryashens' movement). *Bulletin of Perm university. Political science*. 2017, N 4, P. 49–61. (In Russ.)
- Denisov A.E. “Kryashen question” in the All-Russian census of 2002: the attempt to politicize ethnicity. *RUDN journal of political science*. 2018, N 3, P. 323–333. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-323-333> (In Russ.)

- Denisov A.E. Symbols of the Kryashen national movement in the context of Charles Taylor's politics of recognition. *Bulletin of Perm university. Political science*. 2019, Vol. 13, N 3, P. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-88-98> (In Russ.)
- Denisov A.E. Religious revival as basis of the modern Kryashen national movement. *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2020, N 4, P. 176–191. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-99-4-176-191> (In Russ.)
- Fox J.E. The edges of the nation: a research agenda for uncovering the taken-for-granted foundations of everyday nationhood: edges of the nation. *Nations and nationalism*. 2017, Vol. 23, N 1, P. 26–47. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12269>
- Fox J.E. Banal nationalism in everyday life. *Nations and nationalism*. 2018, Vol. 24, N 4, P. 862–866. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12458>
- Freelon D., Marwick A., Kreiss D. False equivalencies: Online activism from left to right. *Science*. 2020, Vol. 369, N 6508, P. 1197–1201. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.abb2428>
- Greenhalgh S.P., Willet K.B.S., Koehler M.J. Approaches to Mormon identity and Practice in the #ldsconf Twitter hashtag. *Journal of media and religion*. 2019, Vol. 18, N 4, P. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.1080/15348423.2019.1696121>
- Grossman L.K. *The electronic republic: reshaping democracy in the information age*. New York : Viking Penguin, 1995, 290 p.
- Helm F. *Emerging identities in virtual exchange*. Voillans : Research-publishing.net, 2018, 202 p.
- Hutchinson J. *Nations as a zone of conflict*. London : Sage Publications, 2005, 213 p.
- Jenkins H., Ford S., Green J. *Spreadable media: Creating value and meaning in a networked culture*. New York : New York university press, 2013, 352 p.
- Johnson J., Malinova O. Yu. Symbolic politics in political science and Russian studies: research on the political uses of the past in post-soviet Russia. *Political Science (RU)*. 2020, N 2, P. 15–41. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> (In Russ.)
- Kania-Lundholm M., Lindgren S. Beyond the nation-state Polish national identity and cultural intimacy online. *National identities*. 2017, Vol. 19, N 3, P. 293–309. DOI: <https://doi.org/10.1080/14608944.2015.1108958>
- Malinova O.Yu. Who forms official historical narrative and how? (analysis of Russian practices). *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2019, N 3, P. 103–126. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126> (In Russ.)
- Marilyn M.-J., Deirdre M. (eds). *Researching multilingualism: critical and ethnographic perspectives*. London, New York : Routledge, 2017, 284 p.
- Moffitt B. *The global rise of populism: performance, political style, and representation*. Stanford : Stanford university press, 2016, 240 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvqsdsd8>
- Patrusheva L.S. Hashtagging as a new process of communication. *Bulletin of Udmurt university. Series history and philology*. 2018, Vol. 28, N 3, P. 471–475. (In Russ.)
- Ramasubramanian S. Racial/ethnic identity, community-oriented media initiatives, and transmedia storytelling. *The information society*. 2016, Vol. 32, N 5, P. 333–342. DOI: <https://doi.org/10.1080/01972243.2016.1212618>

- Rightler-McDaniels J.L., Hendrickson E.M. Hoes and hashtags: constructions of gender and race in trending topics. *Social semiotics*. 2014, Vol. 24, N 2, P. 175–190. DOI: <https://doi.org/10.1080/10350330.2013.859355>
- Schertzer R., Woods E. #Nationalism: the ethno-nationalist populism of Donald Trump's Twitter communication. *Ethnic and racial Studies*. 2020, Vol. 44, N 7. P. 1154–1173. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2020.1713390>
- Smith A. *Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach*. New York : Routledge, 2009, 184 p.
- Taylor Ch. The politics of recognition". In: Gutmann A. (ed.). *Multiculturalism: examining the politics of recognition*. Princeton : Princeton university press, 1994, P. 25–73.
- Wodak R. *The politics of fear: what right-wing populist discourses mean*. London : Sage, 2015, 309 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446270073>
- Zulli D. Evaluating hashtag activism: Examining the theoretical challenges and opportunities of #BlackLivesMatter. *Participations. Journal of audience and reception studies*. 2020, Vol. 17, N 1, P. 197–216.

Литература на русском языке

- Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия б: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 81–89.
- Ачкасов В.А. Роль «Образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2016. – Т. 12, № 1. – С. 106–128.
- Белорусова С.Ю. Сила кришэн: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 2. – С. 41–63. – DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/3>
- Белорусова С.Ю., Данилова Е.Н., Сысоева М.Э. Хештеги и этничность // Этнография. – 2020. – № 3. – С. 33–61. – DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3\(9\)-33-61](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3(9)-33-61)
- Денисов А.Е. Практика этнической мобилизации через призму теории национализма Джона Хатчинсона (на примере кришенского движения) // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 4. – С. 49–61.
- Денисов А.Е. «Кряшенский вопрос» во Всероссийской переписи населения 2002 года: попытка политизации этничности // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2018. – № 3. – С. 323–333. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-323-333>
- Денисов А.Е. Символы Кряшенского национального движения в контексте политики признания Чарльза Тейлора // Вестник Пермского университета. Политология. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 88–97. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-88-98>
- Денисов А.Е. Религиозное возрождение как основа современного кряшенского религиозного возрождения // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал по-

- литической философии и социологии политики). – 2020. – № 4. – С. 176–191. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-99-4-176-191>
- Джонсон, Д., Малинова О.Ю.* Символическая политика как предмет Political Science и Russian Studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 15–41. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
- Малинова О.Ю.* Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – № 3. – С. 103–126. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126>
- Патрушева Л.С.* Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – 2018. – Т. 28, № 3. – С. 471–475.

КОНТЕКСТ

А.И. СОЛОВЬЕВ*

ФРОНТИРНЫЕ ЗОНЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Аннотация. Обращаясь к традиционным трактовкам публичной политики, автор обосновывает необходимость аналитической коррекции ее содержания на основе выявления универсальных параметров публичности, отражающей особый формат открытых (гласных) отношений государства и общества. В этом контексте выделяются три социальных пространства публичной сферы, каждое из которых определяет возможности осуществления курса на соучастие граждан в управлении и усилении социальной направленности правительственной политики. Кратко обозначаются особенности осуществления такого варианта государственной публичной политики в современной России.

Ключевые слова: государство; власть; публичная политика; гражданские структуры; сетевые коалиции; соучастие в управлении; фронтир.

Для цитирования: Соловьев А.И. Фронтирные зоны публичной политики // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 183–204. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.08>

Что скрывается за публичными формами политики?

Появившись в научном дискурсе в первой половине XX в., концепт «публичной политики» со временем приобрел весьма

---

* Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: solovyev@sra.msu.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

© Соловьев А.И., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.03.08

широкое распространение. Однако при всем богатстве заложенных в нем коннотаций в настоящее время в нем преобладают идеи соучастия в принятии решений государственных и гражданских акторов, а также неуклонное расширение политического дискурса, базирующееся на установленном правовом порядке [Heklo, 1978; Colebatch, 1998; Morell, 2009]. Несколько иные акценты, но также сориентированные на утверждение совместных действий государства и общества при разработке правительственных стратегий, сохранялись и в рамках традиции, делающей основной акцент на действиях правительства¹.

Эти исследовательские приоритеты, развивавшиеся на принципах республиканизма, либерализма, коммуникативизма и конструктивизма (сохраняя при этом отголоски идей Маркса, философии Ортеги-и-Гассета и партиципаторной теории), демонстрировали принципиальное значение для рационального правления современного государства совместных форм работы правительства с партиями, НКО, аналитическими центрами и гражданскими активистами на основе переговоров и механизмов онлайн делиберации, учета общественной повестки, оптимального сочетания частных и общих интересов. Следуя принципам отрицания дискриминации гражданских прав в области управления и расширения эгалитарной коммуникации, такие теоретические установки породили и немало оригинальных теоретических конструкций (good government, governance of public policy и др.), последовательно укреплявших веру в демократическую перспективу общественного развития и позитивное решение социально-экономических проблем. В этом контексте даже нынешняя стадия развития информационных технологий (цифровизация) рассматривается как фактор расширения равного доступа граждан к информации (ее свободного выбора и возможности участия в создании информационных про-

---

¹ Как писал Дж. Андерсон, публичная политика представляет собой «относительно стабильный курс правительства, которому оно следует при решении некоторых проблем и вопросов» [Андерсон, 2008, с. 11]. По сути, аналогичными по своим методологическим подходам следует признать и позиции ученых рассматривающие публичную политику как форму гласной активности правительства [Hill, 1977, p. 7–8; Anderson, 1994, p. 4–5; Allison, Zelikow, 1999, p. 16], выражающей его «целенаправленный курс действий» и «общественное содержание государственно-управленческих процессов» [Детярев, 2004, с. 18–19].

дуктов) и усиления позиций общества в системе государственной власти.

Одним словом, такие подходы утверждают едва ли ни неизбежность активизации «демократической общественности» и проведения государством политики «в общественных интересах и с реальным учетом общественного мнения» [Сунгуров, 2017, с. 10], пытаясь, тем самым, утвердить неизбежность внутренней перенастройки механизмов государственной политики, увидев в действиях правящих кругов желание соответствовать идеологии гражданского участия. И хотя приверженцам этой модели государственного управления трудно найти весомые аргументы, опровергающие конформизм массового человека, высокую управляемость общества [Riseman, 2001] или тот факт, что граждане, не имеющие должных знаний, не способны принимать судьбоносные решения¹, все же они не оставляют попыток продвижения этой идеи (побуждая немалое число ученых изобретательно выискивать нано-проявления такой государственной политики даже в жестких авторитарных режимах).

Стоит признать, что предикат «публичная» в обозначении общественно сориентированной государственной политики удачно подчеркивает возможность совместных действий властей и гражданских структур. Ибо такие формы соучастия складываются не столько по причине *зависимости* власти от воли и выбора населения, сколько в силу поддержания *взаимно открытых* (гласных) коммуникаций управляющих и управляемых, апеллирующих к правовым основаниям общественного порядка. Такое положение отсекает от граждан области принятия легальных, но конфиденциальных решений, сохраняя их возможности соучастия лишь за счет открытого преодоления административных барьеров.

Но и помимо этих трудностей формальные права граждан обладают явно недостаточным весом, поскольку при разработке конкретных целей для государства имеет значение лишь то, какие ресурсы и доводы люди могут публично предъявить правящим кругам. Другими словами, формирование государственной политики, демонстрируя сложное сочетание взаимосвязей институтов с внешними стейкхолдерами, откликается на давление лишь тех из

---

¹ В частности, Г. Лассуэлл прямо говорил о своем непонимании того, как «объединение множества невежеств может составлять направляющую силу в области принятия общественно значимых решений» [Lippmann, 1993, p. 29].

них, чье влияние невозможно игнорировать при решении конкретных (и тем более высоко значимых) вопросов (что нередко вытесняет на периферию процесса даже статусных госменеджеров). Эта зависимость принимаемых решений от политического веса участников показывает, что государственная политика не только обладает поливариативным характером, но даже в демократических государствах (оказывающихся, например, под давлением сильных игроков, не отличающихся приверженностью законным правилам [Börzel, Buzogány, 2010, p. 158]) не исключает ни безответственности правления, ни эгоизма властей и проявлений вождизма, ни игнорирования легальных процедур при разработке целей. Так что механизмы совместного и социально ориентированного профиля государственной политики должны либо опираться на устойчивую заинтересованность власти и общества во взаимных отношениях, либо на некие структурные особенности системы управления.

Однако даже при наличии благоприятных для общества обстоятельств, позволяющих развернуть систему управления в сторону его интересов, необходимо учитывать и те тенденции, которые, подчас, ставят под вопрос даже гипотетическую возможность таких совместных действий.

Так, по сути, знамение нашего времени стала постоянно увеличивающаяся роль различных неформальных ассоциаций правящего меньшинства, формирующих латентные отношения, пронизывающие все важнейшие механизмы государственного управления. Как правило, активность этих референтных группировок (продвигающих договорные цели, осуществляющих приватные сделки, разрушающих функционал официальных институтов и т.д.) [Richardson, Jordan, 1979; Geenens, Tinnevelt, 2009], опутывающих центры принятия решений, стремится контролировать «вопросы на уровне государства» [Gairney, 2012, p. 12], перенастраивая «институты и общепринятые ценности» в собственных интересах [Хайоз, 2011, p. 201]. В государствах (с развитыми формами институциональной коррупции) агрессия этих сетевых коалиций формирует т.н. «переплетенные институты», вынося центры принятия государственных решений за рамки официального дизайна и формируя «второе ядро» государственного управления [Соловьев, 2019].

Постоянство этой сетевой агрессии обусловлено не столько естественной склонностью человека к сокрытию подлинных замы-

слов в условиях конкуренции, сколько структурными особенностями организации государственной власти при республиканском правлении, демонстрирующими недостаточную (для подтвержденной систематической зависимости власти от населения) эффективность представительных механизмов, наличие множественных институциональных пустот, дефицит административно-правового контроля, а также многочисленные организационные изъяны, позволяющие от имени государства обслуживать далекие от общественных нужд групповые и личные интересы. Совмещаясь с активностью иных локальных акторов, испытывающих нехватку демократической легитимизации [Baldwin, Cave, 1999], эти сетевые игроки порождают многоуровневые зависимости в публичном пространстве [Héritier, Lehmkuhl, 2008], качественно снижающие ответственность власти перед обществом. В конечном счете пересечение потоков активности всех этих акторов, подтачивающих функционал публичных институтов, формирует те фактические приоритеты государственной политики, которые заданы наиболее сильными игроками, способными контролировать реальные центры разработки стратегий и целей.

Складывающийся эквilibrium политических сил показывает, что государственная политика, выстраиваемая в результате *комбинации* усилий легальных и неформальных игроков, не гарантирует ни общественные формы публичного управления, ни социальные *приоритеты* поставленных властями целей. Таким образом, не только расчет на совместность усилий, но и идея суверенитета общества (зависимость от которого обуславливает институциональную природу государства) вытесняется в область условных предположений.

Возникающая на фоне таких коммуникаций размытость внутренних и внешних границ публичной сферы дополняется и субстантивной ролью политической инженерии, активно влияющей на диапазон открытых отношений государства и общества. Конечно, с одной стороны, эти технологии, способные создавать (с помощью цифровых, «голографических» инструментов) дополненную политическую реальность (virtual and augmented reality), увеличивают возможности информационно открытых коммуникаций власти и общества. Однако, с другой стороны, ресурсно оснащенные акторы (государство, крупные корпорации) используют эти инструменты для формирования публичных отношений, кото-

рые подчас очевидно противоречат социально-экономическим интересам населения, превращая граждан в заложников своих манипуляций. В результате публичная сфера становится полем распространения недостоверных сведений, мнимых ценностей, ложных образов и других форм имитации интересов, в итоге образующих искусственные диспозиции государства и общества. И хотя в этом качестве публичность как особая форма социального пространства уже не является ограничителем возможностей политических акторов, тем не менее она оставляет государству широкие возможности для вытеснения из открытых коммуникаций своих гражданских оппонентов.

Можно было бы выделить и другие факторы, сокращающие возможности для реализации прав граждан на соучастие в управлении. Однако и сказанного довольно, чтобы констатировать, что публичность отражает только определенное содержание и «состояние политического поля», которое мыслится в его конкретно-исторических пространственно-временных формах [Рябченко, Мирошниченко, 2012, с. 10], не исключаяющих при этом возможности своего превращения в сугубо символическое явление, не имеющее отношения к реальным правам и возможностям граждан. Закрепляя фактическое доминирование крупных игроков и прокламируемых ими норм при формировании правительственной политики, публичность сохраняет весьма ограниченные возможности гражданских акторов, не обладающих должными ресурсами и организованностью.

Более того, зависимость институтов от сильных неформальных игроков нарушает баланс конвенциональных и неконвенциональных форм активности в государстве. Это неизбежно отражается на изменении масштаба открытых коммуникаций, их роли в производстве государственных решений. В свою очередь, размывание *границ* публичности неизбежно придает всем ее формам и разновидностям *фронтирные* свойства, отражающие неопределенность статусной активности институтов (сохранение рисков изменения их общественного функционала) и гражданских структур.

Такого рода факты показывают, что «вовлечение в публичность» [Сморгунов, 2015, с. 17] отнюдь не избавляет государство ни от партикуляризации правительственных целей, ни от сокрытия подлинных замыслов властей, ни от активизации «грязной ответственности». В силу этого реальные механизмы принятия государ-

ственных решений обуславливают обнаружение в концепте «публичной» (сообщественной, социальной) политики не альтернативу дискриминации гражданских прав населения [Господство против политики..., 2020], а фактическую конфигурацию участников и целей государственного управления.

Сказанное показывает, что понимание содержания и роли «публичной политики» должно прежде всего исходить из наличия *универсальных* характеристик публичности, накладывающих неизбежные ограничения на общественные образы целенаправленной активности государства.

Представляется, что наиболее релевантным основанием аналитической пересборки параметров «публичной политики» является концепт *политической воли*. Ибо именно он отражает *триединство* целевых установок *всех* участников государственной политики, их реальные *диспозиции* в пространстве власти (характеризующие их близость к центрам принятия решений), а также формы их *фактического* взаимодействия, предопределяющие разработку целей государственной политики. Благодаря волевым основаниям, публичность связывается с целенаправленными действиями акторов, по-своему влияющих на содержание государственной политики, способствующих преодолению препятствий, готовности к рискам, совместным формам управления и т.д. Более того, использование концепта политической воли позволяет не только фиксировать *фактические* проявления открытых форм активности политических акторов, зависящих от «контекста политической жизни», но и идентифицировать «незримую» волю борющихся за власть акторов (в том числе и тогда, когда ее «узурпирует» элита или государственная политика не является «с самого начала успешной или популярной») [Белолипецкий, Тульчинский, 2018, с. 197, 188].

В своем волевом измерении публичность отражает только ту политическую энергию акторов, которая гласно манифестирует их интересы, вынося в открытое политическое пространство те цели, которые должны сподвигнуть оппонентов (пропонентов) на ответные акции, способствовать налаживанию выгодной коммуникации, провоцированию общественного резонанса. Сохраняя риски соперничества и издержки асимметричного отношения к центрам власти, концепт публичности в то же время противопоставляется скрытым формам политического воления (тайным сговорам, внутриэлитарным сделкам, закулисным договоренностям и др.).

Понимание власти как «присвоения чужой воли» одновременно позволяет в рамках «онтологизации исторического опыта» (Лефевр) определить функционал публичности, отражающий ролевые нагрузки элитарных и неэлитарных слоев (компетентность, степень организованности, ресурсную оснащенность, особенности стратегий и умения отстаивать свои позиции) на различных *аренах* государства. В этом плане уместно вспомнить, что Ю. Хабермас впервые предложил различать сильные и слабые публичные сферы [Habermas, 1996]. И хотя речь во многом шла об информационном пространстве, следует признать, что немецкий философ методологически утвердил нетривиальное понимание *неоднородности* публичной политики, обусловленной ее различными проявлениями.

Подход, ориентирующий на понимание различных способов саморазвертывания публичности на различных аренах государства (а, следовательно, и выявление неоднозначных критериев оценки ее властного потенциала), демонстрирует невозможность сведения ее роли к однозначно позитивным и легитимным формам взаимодействия государства и общества. Учитывая пространственную диверсификацию публичности, становится невозможным и априори определить объем, характер и даже вектор ее политической направленности (тем самым однозначно ответив на вопрос, сможет ли де-libерация изменить политический статус общественности, или же констатировать, что политическая инициатива находится у государства, а общество всегда играет вторым номером).

Утверждать можно лишь то, что пластичность объема и неопределенность роли публичной политики зависит от набора решаемых задач и мотивации элитарных и неэлитарных слоев (в том числе и их заинтересованности в совместных действиях), складывающихся в рамках определенных социальных пространств в теле государства. Именно эти фронтирные зоны определяют формат публичных отношений власти и общества, накладывают ограничения на использование политическими игроками открытых форм своих коммуникаций.

Фронтирные зоны публичной политики

Первостепенным по значению пространством публичного продвижения политической воли разнообразных акторов является

арена борьбы за высшие центры власти, за легитимное право использовать их официальные прерогативы для установления и правового закрепления общеполитических порядков. Это арена столкновения сил, с одной стороны, использующих права и возможности для публичного оспаривания (*public contention*) позиций правящего режима, а с другой – направленных на воспроизводство действующих порядков и противодействие оппонентам. Таким образом, различные формы публичной политики (складывающиеся в диапазоне от легальных средств политической конкуренции до неконвенциональных форм массовой активности) могут как сохранять рамки консенсуса властвующих и подвластных, так и выходить за его границы (ставя под вопрос не только основания легитимации правящего режима, но и противопоставляемого хаосу социального порядка в целом). В этом смысле основные конфликты публичной политики связаны с практиками открытого оспаривания позиций господствующих сил, которые не всегда органично встраиваются в законодательную матрицу. Учитывая разнообразие существующих здесь приемов, было бы наивно рассматривать публичность как инструмент институализации действий коллективного актора, перестраивающего систему республиканского правления в ходе «трансформации ... общества, основанного на элитах, к обществу, основанному на массах граждан» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, р. 215].

Диапазон этого публичного фронта простирается от институализированных и рутинизированных форм выражения интересов сторон до применения силовых и административных способов принудительного воздействия, устраняющих собственно политический характер коммуникаций государства и общества. В данном аспекте публичная политика противопоставляет механизмы прямого и представительного выражения коллективных интересов действиям правящих элит, стремящихся снизить риски для позиций правящего режима в результате расширения / сужения гражданских прав и других проявлений массовой активности. И хотя на объем публичных отношений здесь влияют разнообразные латентные процессы (тайные сделки, союзы, договоренности и т.д.), тем не менее публичность является основным показателем соотношения сил и олицетворения легальности власти (в этом смысле даже внутриэлитарная конкуренция, влияющая на смеще-

ние доминирующих группировок, так или иначе требует своей публичной презентации).

Границы конкурентной политики расположены между монопольными действиями правящих кругов и формами символического изображения политической роли и суверенитета общественности. Сегодня одной из характерных черт реконфигурации этой зоны политических отношений является широкое использование «организованных правительством неправительственных организаций» – GONGO (government-organized non-governmental organization) и QUANGO (гибридных НПО, сочетающих черты государственных организаций и НПО, которым делегируются те или иные государственные функции), а также иных аналогичных структур (DONGO, GRINGO, PANGO) укрепляющих позиции правящих режимов [Лушников, 2019]. В сочетании с кластерными структурами, партиями-спойлерами, использованием технологий астротурфинга, имитирующих поддержку населением действующих режимов и распространяющих мнимые формы гражданской солидарности, такие структуры и методы последовательно вытесняют граждан из сферы политики, создавая имитационную конфигурацию публичных отношений государства и общества.

Коротко говоря, в рамках данного фронта однозначно преобладает воля правящей элиты (определяющей параметры общественного блага), которая не только предшествует организации открытого диалога с обществом, но и стремится к перехвату у граждан инициативы в выражении их социальных интересов и мнений. Именно от власти зависит характер и масштаб публичности, способной функционировать в диапазоне от «честной кооперации» и конкуренции (Дж. Роулз) до монопольных практик тех или иных политических сил (упраздняющих фактические права населения на оспаривание и претензии к власти). Поскольку же борьба с оппозицией нередко отождествляется властями с подрывом социального порядка, то по своему значению она становится сопоставимой с борьбой за сохранение территориальной целостности государства (Б. Джессоп).

Одним словом, в этой зоне не только невозможно создать устойчивые структуры для соучастия власти и населения, но и однозначно определить характер государственной политики. Возможно, в этом аспекте удобно использовать понимание негативной и позитивной (good public policy) публичной политики (Дж. Андерсон).

Основная слабость общества в этой зоне публичности (не только как соучастника, но и как оппонента власти) состоит в том, что граждане, оппонируя власти, в основном апеллируют к абстрактным правам, принципам, публичным ценностям, в то время как власти ориентируются на реальные инструменты укрепления своих позиций, дающих им право на дополнительные ресурсы и защиту своей безопасности. Существенно и то, что через публичные механизмы граждане не способны вмешаться в борьбу элитарных кланов. Так что, хотя публичность и является самым мощным политическим орудием коллективного актора (в ряде случаев основным инструментом транзита власти), правящий режим обладает значительно более эффективным арсеналом средств управления публичной активностью населения.

По сути, политическая воля властей, которая *предшествует* установлению любых форм политического оспаривания, изначально сужает пространство публичности, стремясь придать ей безопасный для правящего режима характер (если только сами представители истеблишмента не используют массы как рычаг давления на оппонентов). В любом случае границы этого фронта обретают все большую жесткость по отношению к формам публичной активности населения, свидетельствуя об утрате результативности даже демократических инструментов¹.

Второй фронт публичной политики связан с формированием той разновидности политической воли государства, которая непосредственно влияет на продвижение интересов политических акторов в зону принятия решений и распределения (перераспределения) ресурсов. Данный формат публичности представляет политическую волю как появление «силы», означающей способность актора не просто «одолеть» соперника в борьбе, а «поступать по своей «воле» [Сергеев, 2001, с. 41]. В этом смысле политическая воля выступает как «степень выраженной поддержки среди ключевых лиц, принимающих решения, конкретного решения определенной проблемы...» [Post, Raile, Raile, 2010, p. 659], как тот фактор, который – в силу неопределенности ключевых участников – отсутствует в общей модели принятия решений [Woocher, 2001].

---

¹ Как высказалась в интервью одна из участниц антиковидных демонстраций в Париже весной 2021 г., «улица осталась последним бастионом демократии».

В рамках демократической традиции целеполагание рассматривается как неизбежное следствие суверенной роли общества, использующего представительные и иные механизмы участия в этом процессе. Однако на практике здесь доминирует механизм центрации отношений с обществом по принципу «сверху-вниз», а фактическим влиянием обладают те игроки, которые минимизируют роль публичных процедур, замещая их неформальными договоренностями. Одним словом, данный формат публичности связан с взаимодействием только тех (статусных и нестатусных) акторов, которые принимают фактическое участие в разработке и осуществлении целей государственной политики, что означает – государственная политика «не имеет явных целевых групп» [Sabatier, Jenkins-Smith, 1993, p. 118] и представляет собой результат конструирования интересов общественных групп [Collier, 2007].

С одной стороны, институты, контролируемые профессиональными управляющими, имеют право использовать инструменты принудительного регулирования и императивной координации, в результате чего процесс принятия решений нередко обретает не только «сверхцентрализованную» (при разработке внешнеполитических целей) [Kaczmarzka, 2018], но и непрозрачную (при распределении ключевых общественных благ и ресурсов) форму. В этих условиях гражданские эксперты и консультанты, как правило, не могут получить нужные сведения, чтобы принять участие в этих процессах.

С другой стороны, основными игроками здесь становятся сетевые коалиции правящего меньшинства, использующие неформальные методы для контроля за публичными институтами. Под их давлением содержание «общественного блага» превращается в заложника договорных целей, прикрывающих, подчас, даже криминальный профиль их инициаторов¹. Однако при такой конфигу-

---

¹ Следует, впрочем, подчеркнуть, что в науке присутствуют и иные позиции, утверждающие, что сетевое давление (управление) поддерживает стратегию совместного участия, поощряет непрерывность коммуникации государства с обществом и формирование доверительных отношений [Kenis, Schneide, 1991; Kickert, Klijn, Korpenjan, 1997]. Однако надо иметь в виду, что, во-первых, существуют огромные различия между функциональными возможностями сетей и последствиями их активности в различных политических режимах [Ledeneva, 2008], а во-вторых, практика показывает абсолютный приоритет партикулярных ориентиров таких коалиций.

рации политических отношений «воля» населения (стремящегося продвинуть свои интересы) проецируется на институты власти и управления, а не на позиции тех неформальных группировок, которые контролируют разработку целей. Другими словами, население не способно уловить, что средоточие «воли государства» может перемещаться за рамки официальной иерархии, превращая публичные институты в формально необходимую площадку для продвижения замыслов сетевых политических инвесторов.

На фоне активности ключевых участников разработки решений публичность нередко обретает функцию прикрытия интересов корпоративных игроков, превращаясь в декорацию для продвижения целей сетевых коалиций. Естественным образом такая переориентация задач деформирует усилия властей по координации своих отношений с обществом и может быть использована для нарушения прав человека и социальной справедливости, искажения политических предпочтений населения.

Понятно, что в механизмах разработки решений, контролируемых не зависящими от общества сетевыми коалициями, правовые инвективы утрачивает значение при образовании общественного блага, а этика договоренностей доминирует над моральными принципами. В этих фактически складывающихся порядках ни механизмы делиберации, ни общественная мораль и нравственные инвективы не могут превратиться в устойчивый источник формирования общественной воли. Напротив, усиление контроля верхов (находящихся в зависимости от этих референтных группировок) за ключевыми государственными решениями может привести к неэффективности медиаторов, а в логическом пределе – к распаду общества (Г. Лассуэлл).

В результате роль неформальных игроков не только снижает возможности проведения властями доказательной политики (обращенной к общественному мнению на основе открытой аргументации и учета национальных интересов), но и ставит под вопрос «разумность» мышления статусных лиц и «открытые процедуры аргументации» (Дж. Роулз). Более того, влияние неформальных акторов подчас направляет аргументацию и дебаты по поводу предлагаемых целей совсем в другую сторону, замалчивая подлинные приоритеты правительства. Таким образом, «воля народа», оказываясь способной к обретению противоположных значений, обретает исключительно символический характер, а взаимность

общества и государства при производстве целей здесь может умереть, так и не родившись.

Другими словами, функционал публичности в этой зоне демонстрирует номинальный характер реальных полномочий граждан как акторов, принимающих решения (Дж. Драйзек, Н. Урбинати). Коротко говоря, здесь формируется тот контур управления государством, где публичность не используется для вовлечения населения в производство политической воли и государственных решений. Ее отдельные всполохи возникают лишь в случае обращения власти к населению для мобилизации поддержки (не исключая при этом имитационных форм). На этом фоне потенциал краудсорсинга, многоуровневого управления, доказательной политики (основанной на системе аргументации, раскрывающих перед обществом замыслы властей) обретает подчиненное и малофункциональное значение. Таким образом, эта очаговая публичность не способна реализовать свой политический функционал, и даже в условиях демократии механизмы участия не являются надежным защитником интересов населения.

Коротко говоря, данный фронтير предельно минимизирует роль открытых процедур принятия решений, а в авторитарных государствах и вовсе превращает публичность в политический антиквариат, демонстрирующий дискриминацию реальных прав населения. Более того, в этих государствах практики сетевого правления формируют культурную антитезу публичным нормам официального иерархизма (деловым нормам) и деловой этике ответственного правления, пытаясь приучить граждан к опоре на патрон-клиентские нормы даже в тех случаях, где институциональные связи достаточны, а «ресурсы доступны» [Ledeneva, 2013].

В третьей фронтирной зоне собственное значение обретают *методы оформления* волевых устремлений политических игроков, транслирующих интересы и позиции государственных и гражданских акторов. Здесь речь идет о специфической роли инструментов, которые формируют и поддерживают их публичные связи, способствуя использованию или купированию коммуникативного потенциала сторон. Субстантивное значение для этой формы публичности обретают различные способы передачи информации, формирования медиапотоков и организации политических дебатов, аргументы, используемые для продвижения месседжей, конкурентные свойства мифов и идеологий, а также другие аналогичные технологии формирования массового политического дискурса.

Данные способы формирования и распространения информационно-символической продукции (помещающие в центр внимания коммуникативные способности лидеров, компетенции идеологов и когнитариев, медиатехнологов, спин-докторов и других специалистов, создающих информационные упаковки политических позиций акторов, влияющих на общественное мнение) оформляют публичные грани коммуникаций государства и общества¹.

Границы данного фронта простираются от практик медиадистрибуции (одностороннего распространения сведений, агрессивного навязывания позиций, вытеснения конкурентов за рамки дискурсивного пространства, принуждения к консенсусу, дискредитации несогласных и преследования оппозиции) до организации обратной связи с населением (направленной на формирование доверительных коммуникаций, систематическое обсуждение проектов, рациональную аргументацию и ответственное применения технических средств). При этом помимо выдвижения в дискурсивное пространство программных целей политических акторов столкновение политических позиций осуществляется в связи с формированием новостного потока, каждая фаза которого представляет собой неисчерпаемый повод для отсылки обществу символических сигналов, уточняющих и продвигающих позиции государственных и гражданских акторов, сигнализирующих о возможностях совместного участия. В современных условиях эти тенденции сочетаются с технологиями создания дополненной реальности и искусственно сконструированных событий, направленных на управление позициями оппонентов.

Как показывает опыт, широкое применение таких инструментов ведет к формированию не только медиаориентированных демократий, но и авторитарных медиакратий, сочетающих новые цифровые инструменты с агрессивной пропагандой и отвлечением внимания общества от злободневных вопросов, в итоге исключая саму потребность в расширении реальных прав граждан. Типичными приемами укрепления правящих режимов в таком

---

¹ Уместно вспомнить, что Ю. Хабермас рассматривал публичность именно как «сеть информации и точек зрения» (например, мнений, выражающих одобрительные или неодобрительные взгляды); «потoki коммуникаций, отфильтрованные и синтезированные таким образом, что они соединяются в узлы тематически специфицированного общественного мнения» и «машину производства» последнего [Habermas, 1996, p. 631].

случае становятся внешнеполитические провокации (нагнетающие драматизм в восприятии «внешних врагов»), поощрение информационной активности экстремистских сил. Впрочем, и демократические режимы, преуспевшие в использовании методов доверительной коммуникации, отнюдь не свободны от использования контрриторических стратегий, формирующихся по принципу – «да» (демонстрируя согласие властей с озабоченностью и просьбами общественности), «но» (находя причины, не позволяющие им пойти навстречу гражданам) [Ibarra, Kitsuse, 2003].

Весьма неоднозначной выглядит и роль массмедиа, которые призваны способствовать продвижению принципов демократии [Exoo, Calvin, 2010], но которые нередко превращаются в угрозу ее принципам и механизмам¹. Широко распространенными практиками становятся коммерциализация информационного рынка, сокращение альтернативных СМИ, сужение возможностей для расследования правонарушений должностных лиц (gotcha-журналистика), использование социальных сетей для разжигания (социальной, национальной) ненависти (не говоря уже о прямых препятствиях свободе СМИ в недемократических странах) и т.д. Все это препятствует гражданским дебатам и ведет к отказу различных групп населения от участия в публичном дискурсе².

На этом фоне фронтир массового дискурса образуется за счет констелляции полярно противоположных (в зависимости от обсуждаемых проблем) инфопотоков и политических коммуникаций, а реальный уровень консолидации государства и общества, характер легитимации власти и поддержка правительственных проектов в значительной степени складываются в зависимости от медиабаланса. Строго говоря, в этой части политического пространства нет однозначного преимущества властей, неспособных контролировать все инструменты, провоцирующие «тематическое воспламенение» общественных проблем [Дьякова, 2003, с. 117]. Однако способности правящих структур контролировать медиа-

---

¹ Democracy is under threat from the malicious use of technology. The EU is fighting back // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jul/28/democracy-threatened-malicious-technology-eu-fighting-back> (accessed: 28.03.2021).

² The role of media in democracy: A strategic approach // U.S. Agency for International Development. – Mode of access: <https://www.ifes.org/sites/default/files/pnace630.pdf> (accessed: 27.03.2021).

пространство или использовать цифровые инструменты для принудительного продвижения своих проектов создают им решающие преимущества перед обществом. А нередко оставляют его без каких-либо надежных источников презентации своих позиций. Даже виртуальное пространство (где активность глобальных интернет-гигантов сталкивается с поддерживаемыми государством системами контроля и противодействием проправительственных ботов, фабрик троллей и проч.) испытывает серьезные трудности в использовании своего потенциала для консолидации общественных позиций. Другими словами, несмотря на прогресс в использовании информации и убеждения ученых, что токи публичности исходят от общества (Ю. Хабермас), основным инициатором и бенефициаром получения преимуществ в этой фронтальной зоне остается все то же государство.

Вместо заключения

С учетом ограничений публичности в ее фронтальных зонах говорить об общегражданском содержании государственной политики и тем более о ее социальных ориентирах следует не просто с крайней степенью осторожности, а исключительно в нормативном формате. Особенно если учитывать, что многие замыслы властей остаются для общества неартикулированными, результаты политического дискурса не имеют гарантий осуществления в правительственных планах, а власти обладают неоспоримыми преимуществами в организации политической игры.

В любом случае надежды на воплощение общественной правительственной стратегии нужно проецировать не на институциональные возможности государства и правовую защиту граждан, а на морально-этическую оснащенность правящих кругов. В этом смысле в России, где политическая конкуренция вытеснена из публичного пространства (и где отсутствуют даже предпосылки «превентивной демократизации» (В. Иноземцев)), а активное «отторжение политики» осуществляется в виде агрессивного навязывания людям «пустых идеологий» [Петухов, 2020, с. 107]¹, было

---

¹ Результатами такой политики, подпитываемой традиционно невысокой активностью населения, является то, что сегодня каждый второй житель страны

бы довольно наивным надеяться на усиление гарантий гражданских прав или на то, что свою роль сыграют «пограничные организации», к которым относят организации типа «фабрик мысли» [Medvetz, 2012], отвечающие «изменяющимся интересам акторов по обе стороны границы» [Cash, 2001, p. 450].

Думается, больше правы те исследователи, которые говорят о «закате» и даже «гибели» российской публичности, связывая эти события не только со своеволием властей и пассивностью общества, но и с тем, что сторонники либерально-демократических ценностей (по перефразированному выражению В.О. Ключевского) превратились в тот «жидкий элемент русской истории», который не только оказался неспособным откристаллизовать себя как политически активное «сословие» [Пивоваров, 2006, с. 135, 138], но и утратил желание обращаться к государству¹.

Одним словом, надежды на «публичную политику» с ее идеалами совместности и социальными ориентирами сегодня не только структурно ограничены возможностями обозначенных фронтиров, но и не подтверждаются реальной заинтересованностью правящих кругов в управленческом соучастии населения. В этом смысле российскому – как и любому другому – обществу остается искать источники реанимации «публичности» *внутри* элитарных слоев, апеллируя к их моральным нормам и принципам. Не забывая, однако, что, как считал Л. Жолнаи, «институциональная система и соответствующий ей мир ценностей делает этическое поведение фактически невозможным или, в лучшем случае, спорадическим» (цит. по: [Гуторов, 2021, с. 986]).

не принимает никакого участия в общественно-политической жизни страны, а треть вообще не интересуется политикой. Видимо, по этим причинам в российском обществе существует запрос на меритократию, а не на личное участие в политике [Российское общество и вызовы времени ..., 2016, с. 170, 204].

¹Как показывает опыт, сегодня и у государственных, и у гражданских структур отсутствует сама потребность в достижении политического компромисса, договоренностей. Так, власти рассматривают несистемную оппозицию как аффилированных с Западом «шпионов», а протестующие не хотят договариваться с «нерукопожатными» «жуликами и ворами». В результате стороны не слышат друг друга, и публичная сфера превращается даже не в дорогу с односторонним движением, а в расколотое пространство с застывшими диспозициями конфликтующих акторов.

A.I. Solovyev*
Frontier zones of public policy¹

Abstract. Referring to the traditional interpretations of “public policy”, the author substantiates the need for analytical correction of its content on the basis of identifying universal parameters of publicity, reflecting a special format of open (public) relations between the state and society. In this context, there are three social spaces of the public sphere, each of which determines the possibilities of implementing the course of citizens' participation in the management and strengthening the social orientation of government policy. The features of the implementation of such a variant of state public policy in modern Russia are briefly outlined.

Keywords: state; government; public policy; civil structures; network coalitions; complicity in governance; frontier.

For citation: Solovyev A.I. Frontier zones of public policy. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 183–204. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.08>

References

- Allison G., Zelikow P. *Essence of decision: explaining the Cuban Missil Crisis*. New York : Longman, 1999, 416 p.
- Anderson J. Public policy: an introduction. In: Danilova N.Yu., Gurova O.Yu., Zhidkova N.G. (eds). *Public policy: from theory to practice*. St. Petersburg : Aletheia, 2008, P. 11–34. (In Russ.)
- Anderson J. Public policymaking: an introduction. Boston : Houghton Mifflin, 1994, 331 p.
- Baldwin R., Cave M. *Understanding regulation: theory, strategy, and practice*. Oxford, New York : Oxford university press, 1999, 130 p.
- Belolipetskiy E.V., Tulchinskiy G.L. Political will: the content of the concept. In: Solovyov I. (ed.). *Political reflection, theory and methodology of political research. RAPN Yearbook 2017*. Moscow : ROSSPEN, 2018, P. 187–211. (In Russ.)
- Börzel T., Buzogány A. Governing EU accession in transition countries: the role of non-state actors. *Acta politica*. 2010, N 45(1–2), P. 158–182. DOI: <https://doi.org/10.1057/ap.2009.26>
- Cash D.W. In order to aid in diffusing useful and practical information»: agricultural extension and boundary organizations. *Science, technology and human*. 2001, Vol. 26(4), P. 431–453. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224390102600403>
- Colebatch H.K. *Policy*. Minneapolis, MN : University of Minnesota press, 1998, 122 p.

---

* **Solovyev Alexander**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: solovyev@spa.msu.ru

¹ This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

- Collier P. *The bottom billion: why the poorest countries are failing and what can be done about it*. Oxford ; New York : Oxford university press, 2007, 205 p.
- Degtyarev A.A. *Making political decisions*. Moscow : KDU, 2004, 414 p. (In Russ.)
- Dyakova E.G. Mass political communication in agenda setting theory: from effect to process. *Polis. Political studies*. 2003, N 3, P. 109–119. (In Russ.)
- Exoo C.F. *The Pen and the Sword: press, war, and terror in the 21 st century*. California : Sage publications, 2010, 233 p.
- Gairney P. *Understanding public policy. Theories and issues*. London : Red globe press, 2012, 316 p.
- Geenens R., Tinnevelt R. *Does truth matters? Democracy and public space*. Berlin : Springer, 2009, 360 p.
- Gorshkova M.K., Petukhova V.V. (eds). *Russian society and the challenges of the time. Book Four*. Moscow : Ves Mir, 2016, 400 p. (In Russ.)
- Gutorov V.A. *Policy 2.0*. Moscow : Publishing house of Moscow State University, 2020, 986 p. (In Russ.)
- Habermas J. *Between facts and norms: contribution to a discourse theory of law and democracy*. Cambridge, MA : MIT press, 1996, 360 p.
- Hayoz N. Governance, corruption and local structures of political influence in Switzerland. In: Gaman-Golutvina O.V. (ed.). *Elites and society in a comparative dimension*. Moscow : ROSSPEN, 2011, P. 200–207. (In Russ.)
- Heklo H. Issue networks and the executive establishment. In: King A. (ed.). *The new American political system*. Washington, DC : American Enterprise Institute. 1978, P. 87–124.
- Héritier A., Lehmkuhl D. The shadow of hierarchy and new modes of governance. *Journal of public policy*. 2008, N 28(1), P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0143814x08000755>
- Hill M. *The policy process in the modern state*. Harlow: Pearson Education: Prentice Hall, 1977, 272 p.
- Ibarra P.R., Kitsuse J.I. Claims-making discourse and vernacular resources. In: Holstein J.A., Miller G. (eds). *Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems*. Hawthorne, New York : Aldine de Gruyter Publ., 2003, P. 17–50.
- Kaczmarek K. Academic community and policymaking in Russia. *Problems of post-communism*. 2018, Vol. 9, N 9, P. 1–13.
- Kenis P., Schneider V. Policy networks and policy analysis: scrutinizing a new analytical toolbox. In: Martin D., Mayntz R. (eds). *Policy networks. empirical evidence and theoretical considerations*. Frankfurt. M. Boulder, Co. : Campus Verlag. Westview press, 1991, P. 22–59.
- Kickert W. J. M., Klijn E. H., Koppenjan J. F. M. A management perspective on policy networks. In: Kickert W. J. M., Klijn E.H., Koppenjan J.F.M (eds). *Managing complex networks: strategies for the public sector*. London : Sage, 1997, P. 35–61.
- Ledeneva A. Blat and guanxi: informal Practices in Russia and China', *Comparative studies in society and history*. *Post-Soviet affairs*. 2008, N 50 (1), P. 118–144. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0010417508000078>
- Ledeneva A.V. *Can Russia Modernise? Sistema, power networks and informal governance*. Cambridge : Cambridge university press, 2013, 327 p.

- Lippmann W. *The Phantom Public*. New York : Wilder Publication, Inc., 1993, 142 p. Mode of access: <http://www.scribd.com/doc/112051658/Walter-Lippmann-the-Phantom-Public-International-Organizations-Series-1993> (accessed: 07.05.2021).
- Lushnikov D.A. Government-sponsored non-governmental organizations (GONGO): genesis of the problems, interpretation and functions. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 137–148. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.10> (In Russ.)
- Medvetz T. Murky Power: «Think Tanks» as Boundary Organizations. *Research in the sociology of organizations*. 2012, Vol. 34, P. 113–133. DOI: [https://doi.org/10.1108/s0733-558x\(2012\)0000034007](https://doi.org/10.1108/s0733-558x(2012)0000034007)
- Morell K. Governance and public good. *Public administration*. 2009, Vol. 87, N 3, P. 538–556.
- North D., Wallis D., Weingast B. *Violence and Social Orders. A conceptual framework for interpreting the written history of mankind*. Moscow : Gaidar Institute, 2011, 480 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.V. (eds). *Domination versus politics. Russian case*. Moscow : ROSSPEN, 2020, 318 p. (In Russ.)
- Petukhov R.V. The request for change: political and value dimension. *Polis. Political studies*. 2020, N 6, P. 103–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08> (In Russ.)
- Pivovarov Yu.M. *Russian politics in its historical and cultural relations*. Moscow : ROSSPEN, 2006, 167 p. (In Russ.)
- Post L., Raile A., Raile E. Defining political will. *Politics and policy*. 2010, Vol. 38, N 4, P. 653–676. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-1346.2010.00253.x>
- Riceman D. *The lonely crowd. Revised edition: A study of the changing American character*. New Haven; London : Yale University Press, 2001, 315 p.
- Richardson J.J., Jordan A.G. *Governing under pressure*. Oxford, UK : Martin, 1979, 212 p.
- Ryabchenko N.A., Miroshnichenko I.V. *Institutionalization of public policy in the online space of modern Russia*. Krasnodar : Education-South, 2012, 174 p. (In Russ.)
- Sabatier P.A., Jenkins-Smith H. (eds). *Policy change and learning: an advocacy coalition approach*. Boulder, CO : Westview press, 1993, 290 p.
- Sergeev V.M. Democratic government: deconstruction of the concept. In: Ilyin M.V. (ed.). *Conceptualization of politics*. Moscow : MONF, 2001, P. 41–58. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. Public Policy Management: Formation of a Scientific Discipline. In: Smorgunov L.V. (ed.). *Public Policy Management*. Moscow : Aspect press, 2015, 319 p. (In Russ.)
- Solovyov A.I. Political agenda of the government, or why the state needs the society. *Polis. Political studies*. 2019, N 4, P. 8–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02> (In Russ.)
- Sungurov A. Public policy: Basic Directions of Research (World and Russian Experience). *Public policy*. 2017, N 1, P. 8–28. (In Russ.)
- Woocher L. Deconstructing «Political Will»: explaining the failure to prevent deadly conflict and mass atrocities. *The journal of public and international affairs*. 2001, Vol. 12, P. 182–199.

Литература на русском языке

- Андерсон Дж. Публичная политика : введение // Публичная политика: от теории к практике. – СПб. : Алетейя, 2008 – С. 11–34.
- Белолипецкий Е.В., Тульчинский Г.Л. Политическая воля: содержание концепта // Политическая рефлексия, теория и методология политических исследований : ежегодник РАПН 2017 г. / под ред. А.И. Соловьева. – М. : РОССПЭН, 2018. – С. 187–211.
- Гуторов В.А. Политика 2.0. – М. : Издательство МГУ, 2020. – 986 с.
- Дегтярев А.А. Принятие политических решений. – М. : КДУ, 2004–414 с.
- Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 109–119.
- Лушиников Д.А. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 137–148. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.10>
- Господство против политики. Российский случай / под ред. С.В. Патрушева, Л.В. Филипповой. – М. : РОССПЭН, 2020. – 318 с.
- Сергеев В.М. Демократическое правление: деконструкция понятия // Концептуализация политики / под ред. М.В. Ильина. – М. : МОНФ, 2001. – С. 41–58.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М. : Институт Гайдара, 2011. – 480 с.
- Петухов Р.В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 103–119. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>
- Пивоваров Ю.М. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. – М. : РОССПЭН, 2006. – 167 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. Горикова М.К., Петухова В.В. – М. : Весь Мир, 2016. – 400 с.
- Рябенко Н.А., Мирошниченко И.В. Институализация публичной политики в online-пространстве современной России. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2012. – 174 с.
- Сморгунов Л.В. Управление публичной политикой: становление научной дисциплины // Управление публичной политикой / под ред. Л.В. Сморгунуова. – М. : Аспект Пресс, 2015. – 319 с.
- Соловьев А.И. Политическая повестка правительства или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 8–25. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
- Сунгуров А.Ю. Публичная политика: основные направления исследования (мировой и российский опыт) // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 8–28.
- Хайоз Н. Управление, коррупция и локальные структуры политического влияния в Швейцарии // Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 200–207.

Е.В. ПИНЮГИНА*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТИКА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу этики социальных сетей и ее взаимосвязи с политической идентичностью. Выделены два измерения этики социальных сетей – этика пользователей и этика владельцев платформ. На примере политической коммуникации и действий социальных сетей во время протестов США 2020 г. рассматривается переход от процедурной этики, основанной на обеспечении свободы слова и равноценности всех видов идентичности, к этике защиты угнетенных классов и групп. Выявлены тенденции разной этической оценки и реакции пользователей и владельцев соцсетей в одинаковых ситуациях в одном политическом контексте, произвольного отказа пользователям и политикам в равном доступе к политической коммуникации по причине неодобрения их политической идентичности. Такая этика не является универсальной, применяется избирательно и способна повредить демократическим основаниям любого общества, особенно в условиях возрастания неограниченной власти владельцев коммуникационных платформ.

Ключевые слова: этика социальных сетей; этика и политическая идентичность; сетевое общество; политическая коммуникация в социальных сетях.

Для цитирования: Пинюгина Е.В. Политическая идентичность и этика социальных сетей в современной Америке // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 205–228. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.09>

---

* **Пинюгина Елена Викторовна**, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: politolog2020@yandex.ru

Введение

В политических исследованиях значение социальных сетей (общедоступных и публичных коммуникационных платформ, позволяющих пользователям размещать сообщения, от своего имени и анонимно, в сети интернет) рассматривается преимущественно в трех аспектах. Первый – их особенности как пространства политической коммуникации; второй – их использование в избирательных кампаниях (богатый эмпирический материал предоставили выборы президента США в 2008, 2012 и 2016 гг.); и, наконец, их мобилизационный потенциал в процессе политических кризисов с возможностью смены власти (наиболее характерные примеры – революция в Грузии, события арабской весны, Евромайдан, «Бархатная революция» в Армении). В данной статье будет рассмотрен еще один аспект политического значения социальных сетей – распространение формируемой ими этики на сферу политической идентичности в современных США, триггером которого стали протесты 2020 г., происходившие под эгидой политического движения «Black Lives matter» – «Жизни черных важны», далее – BLM.

Методологической основой исследования выбран сетевой подход, являющийся новым направлением в политической науке [см. подробнее: Сморгунов, Шерстобитов, 2014] и отражающий характер политических взаимодействий в современном обществе, которые характеризуются как управление без правительства [Rhodes, 1997], или управление, где наравне с правительственными структурами все активнее выступают другие агенты, а роль государства и его институтов в политике не является доминирующей, так как принятие решений происходит при активном участии и взаимодействии множества акторов политической сети («policy network»). Сетевая методология принимает во внимание и ценностную компоненту поведения акторов, в том числе влияние идентичности на правила сетевого поведения [Börzel, 1998; Blatter, 2003], и рациональную – выстраивание взаимодействия на основе закрепления правил общения и консенсуальных практик, перед которыми все равны, поскольку структура сети не иерархична; оба компонента, ценностный и рациональный, важны для изучения этики сетей. Сетевой подход применим, таким образом, и для выявления влияния пользователей социальных сетей на коллективные действия и результаты в публичной политике, и для анализа

практик и их сообществ в интернете в качестве акторов политической сети.

Помимо нового характера политического взаимодействия, сетевая методология используется и для изучения функционирования современного сетевого общества, в котором платформы социальных сетей в интернете становятся инфраструктурой, где преобладают взаимодействия сетевого типа. Вклад в концептуализацию сетевого общества с различных сторон, включая социометрию и теорию социального капитала, внесли такие ученые, как Я. Морено, Я. Ван Дейк, К. Митчелл, М. Гроноветтер, Б. Веллман и Л. Рейни, Р. Патнэм, В. Иноземцев [Moreno, 1934, 1937, 1951, 1956; van Dijk, 2001; Mitchell, 1969; Johannes, 2001; Granovetter, 1982, 1985; Wellman, 1982; Putnam, 1995; Bourdieu, 1985, 1986, 1989; Иноземцев, 2008]. Антрополог Д. Митчелл определила социальные сети как «специфический комплекс связей между определенной группой акторов, причем характеристики этих связей в целом могут служить для интерпретации социального поведения вовлеченных в них акторов» [Mitchell, 1969, p. 2]: несмотря на то, что современные социальные сети базируются на цифровых платформах, определение актуально для их пользователей, ведь сеть как комплекс связей в этом случае служит интерпретации социального поведения. Техническое обеспечение этой новой социальной инфраструктуры – появление беспроводных сетей, позволяющих осуществлять непрерывное и неограниченное пространством взаимодействие, У. Митчелл соотнес с новым этапом человеческой эволюции [Митчелл, 2012], а Дж. Липнек и Д. Стэмпис концептуализировали сеть как организационную форму, присущую наступившей исторической эпохе [Lipnack, Stamps, 1994].

Необходимо учесть и то, что социальные сети в Интернете имеют двойственную природу, будучи не только пространством действия акторов политических сетей (выступающих как пользователи цифровых платформ и их сообщества), но и пространством публичной политической коммуникации, которая, в свою очередь, является основным инструментом влияния политических сетей на общественное мнение и принятие решений в публичной политике. Для изучения содержания ценностно маркированной политической коммуникации в социальных сетях сетевой подход в исследовании сочетался с применением *коммуникативистского метода*. Использована модель социально-политической коммуникации

Г. Лассуэлла, представленная им в 1948 г. в главе «Структура и функции коммуникации в обществе» из сборника «Коммуникация идей» [Lasswell, 1948], известная как «5 W» – цепочка последовательных ответов на пять вопросов («кто сообщает?» – «что именно?» – «по каким каналам?» – «кому?» – «с каким эффектом?»), позволяющая установить политического актора, инициатора сообщения, основную идею его сообщения, особенности медиа, передающих сообщение, целевую аудиторию и оценить эффект, оказанный коммуникацией на общественное мнение и принятие решений. В определенном смысле автор данной статьи продолжает интегративную методологическую традицию М. Кастельса, объединившего сетевой и коммуникативистский подход для концептуализации нового типа общества – сетевого, и возрастающего воздействия коммуникации посредством цифровых платформ на политику и общественное мнение [Кастельс, 1999 а; b; 2000; 2004; 2016]. Для изучения механизма воздействия этики социальных сетей на общественное мнение автор опирался и на классические теоретические подходы к анализу коммуникации и формирования общественного мнения, основанные на трудах У. Липпмана, Г. Лассуэлла, Э. Бернейса, П. Лазарсфельда, Б. Берельсона, Э. Каца и Х. Года, М. Маккоумбса и П. Шоу, Д. Винтера и К. Эяля [Lasswell, 1948; Липпман, 2004; Бернейс, 2019; 2021; Lazarsfeld, Berelson, Gaudet, 1948; Katz, Lazarsfeld 1955; McCombs, Shaw, 1972; Winter, Eyal 1981].

Эмпирическая стратегия исследования включала следующие шаги: а) выявление принципов и механизма формирования этики социальных сетей; б) дифференциацию ее универсальной и обусловленной идентичностью сетевых акторов компоненты; в) анализ изменения этики соцсетей на платформах (Facebook, Twitter, Instagram и др.) в контексте коммуникации по наиболее резонансному вопросу об идентичности – поддержке движения «Black Lives matter» и влияния изменений на общественное мнение; г) выявление доказательств переноса этики соцсетей на сферу публичной политической коммуникации в целом и оценку политических последствий этого феномена.

Этика, идентичность и общественное мнение в социальных сетях

Формирование этики соцсетей (являющейся и фактором формирования общественного мнения, и его производной) и проблему

ее соотношения с политической идентичностью и общественным мнением можно объяснить, используя концепцию У. Липпмана, ключевыми понятиями которой являются паттерны и моральные кодексы: «общественное мнение является, прежде всего, морализированной и кодифицированной версией фактов. Я утверждаю, что система стереотипов (pattern), находящаяся в центре наших кодексов, определяет, какую именно группу фактов и в каком ракурсе мы увидим» [Липпман 2004, с. 69]. Моральными кодексами Липпман называл сгруппированные правила разного рода – личные, семейные, экономические, профессиональные, правовые, патриотические, международные, в центре каждого из которых находится «система (pattern) стереотипных представлений о психологии, социологии и истории» [Липпман, 2004, с. 69]. Для иллюстрации действия моральных кодексов на общественное мнение Липпман приводил пример с одинаково положительной оценкой общественным мнением нормальности бесплатного пребывания юноши-солдата каждый день на войне, с риском для жизни (поскольку моральный кодекс долга предполагает жертвенность), и одновременно согласия с работой вербовщиком его здорового ровесника в комфортных условиях в тылу за деньги (поскольку моральный кодекс труда предполагает регулярную оплату). Несправедливость применения к двум ровесникам в одинаковом политическом контексте и несущим несравнимую нагрузку столь разных моральных кодексов неочевидна общественному мнению.

Для разъяснения того, как посредством политической коммуникации можно воздействовать на сферу идентичности, Липпман использует понятие паттерна: «Но что такое пропаганда¹, если не стремление изменить картину, на которую реагируют люди, подставить одну социальную модель поведения (pattern) вместо другой? Что такое классовое сознание, если не способ осознания мира? Сродни национальному сознанию, но иначе направленное?» [Липпман, 2004, с. 6]. Таким образом, паттерн у Липпмана – и модель поведения, и система стереотипов, влияющая на картину мира людей, а политическая коммуникация обусловлена стремлением

---

¹ Липпман использует здесь слово «пропаганда» именно в значении политической коммуникации, поскольку терминологическая замена «пропаганды» на «политическую коммуникацию» в американском научном дискурсе происходила в 1930–1940-х годах, в том числе и для дифференциации политики США и нацистской Германии. – *Прим. автора.*

изменить картину мира, способ его осознания на основе той или иной идентичности.

Социальные сети стали с момента появления пространством политической коммуникации политиков, индивидов и групп, выступающих с позиций той или иной идентичности; не будет значительным преувеличением сказать, что идентичность, не представленная в коммуникациях социальных сетей или вытесняемая из них, сегодня становится маргинальной в политическом процессе и в общественном мнении. Параллельно с превращением соцсетей в инфраструктуру нового общества увеличивались разногласия, вызванные ростом числа пользователей и интенсивностью обмена мнений и политической коммуникации в целом, и, как следствие, социальные сети стали средой формирования сетевой этики. Этика базировалась на ценностях свободы слова и совести, все чаще понимаемой как свобода выражения своей идентичности. Конечно, сочетание этих ценностей порождает немало противоречий, отражающих происходящее в офлайн-пространстве, но предполагалось, что они более характерны для стран с авторитарной политической системой и легитимными практиками подавления инакомыслия. Обострению противоречий в соцсетях в демократических странах, как оказалось, способствует кумулятивный эффект социальных сетей в политической коммуникации – он достигается за счет преодоления пространственных и временных границ между неограниченным количеством обменивающихся сообщениями пользователей, возможности мгновенной консолидации на основе политической (и иных видов) идентичности, формирования единой линии поведения не только пользователями соцсетей, но и внешними акторами (политики, НКО, СМИ), заинтересованными в доминированной в общественном мнении единообразной, предпочтительной для них оценки событий, высказываний или персон.

Большинство создателей сообщений в соцсетях и аудитория пользователей соцсетей – одни и те же люди, поэтому коммуникация в них изначально неиерархична и подразумевает обратную связь, которая в свою очередь формирует иерархию, основанную на количестве подписчиков, лайков и комментариев. Получатели сообщений в пространстве политической коммуникации – не подчиненные, не статичные слушатели, не члены партии, обязанные разделять политическую идентичность и ценности создателей или распространителей сообщений. Однако с момента появления соц-

сетей многие активисты, публикующие посты и оценки чужих постов через призму своей идентичности (политической, расовой, религиозной, этнической, гендерной и т.п.), считают не только допустимым, но в ряде случаев и должным навязывать другим пользователям *обусловленные* ею ожидания, реакции, оценки и стандарты, не только на собственные размещаемые (распространяемые) сообщения, но и на высказывания любого другого пользователя социальной сети – как публичной персоны, так и частного лица, не закрывшего от других пользователей свои комментарии и записи с помощью ограничения всеобщего доступа. При этом соцсети предоставляют пользователям и их сообществам безграничные возможности сохранения и распространения копий любого сообщения, создания и умножения его вариаций, а также интерактивности – мгновенной реакции на высказывания, когда первоначальная негативная оценка обрастает тысячами таких же оценок, опубликованных единомышленниками, что превращается в волну общественного возмущения.

В последние годы негативная реакция все чаще распространяется не только и не столько на оскорбительную форму любого задевающего идентичность высказывания, но и на задевающее содержание, высказанное в цивилизованной форме; более того, высказанное расхождение с преобладающей реакцией сообщества в соцсетях часто становится недопустимым и порицаемым – не меньше, чем сообщение, ставшее информационным поводом.

Таким образом, политические сообщества, формируемые в социальных сетях, хотя и не являются членскими сообществами, как традиционные партии и движения, и основаны на слабых связях, имеют высокий потенциал контроля над легитимностью политических взглядов или приемлемостью идентичности, представленностью альтернативных оценок и формирования предпочтительного образа мысли и действия, как в социальных сетях Интернета, так и в нераздельно связанном с ними современном социуме.

Этика универсальная и ценностно обусловленная

Мы установили, что влияние на сферу политической идентичности осуществляется посредством совокупности идей и практик, распространяемых в качестве этики, поскольку в соцсетях

оценочными, критическими или одобрительными сообщениями пользователи определяют поведение и суждения других пользователей как *должные* и *недолжные*, с преобладанием реакции на недолжные. Помимо неформального одобрения или санкций в сетевых сообществах часто прописывались и прописываются формальные правила поведения, за которым следят администраторы сообщества. Универсальность сетевой этики небесспорна, с учетом неизбежного влияния на этические ценности политической (расовой, гендерной, религиозной) идентичности. Кроме того, о должном и недолжном высказываются не только случайно либо разово посетившие чужой профиль или посвященную какой-либо тематике группу в соцсетях индивиды, но и члены сообществ, постоянно существующих в социальных сетях в качестве групп (например, группы борцов за экологию, сторонников активистки Г. Тунберг) или возникающих спонтанно по какому-либо информационному поводу, например, высказыванию публичной персоны, когда пользователи схожих политических взглядов или выступающие с позиции определенной идентичности (религиозной, расовой и т.п.) начинают целенаправленно формировать своими комментариями консолидированную позицию в чужом профиле (блоге). Сообщества по признаку идентичности в социальных сетях имеют постоянные локализации (в виде групп в социальных сетях, в формате подписки на профили политиков, партий, пропагандирующих ее ценности НКО, на контент идеологически или ценностно маркированных каналов на общедоступных платформах Интернета, на тематические политические блоги или в виде регистрации в отдельных социальных сетях для сторонников определенного мировоззрения, как консервативная соцсеть Parler). Также эти сообщества могут возникать «по случаю» в разных группах социальных сетей, или на частных страницах, на каналах блогеров или платформах, обычно после сообщения, воспринятого как затрагивающее идентичность. Такие спонтанные сетевые политические сообщества основаны на слабых связях без заявленного членства, многие их участники незнакомы друг с другом, но их объединяет стремление вызвать общественную реакцию на «недолжное» поведение (обычно – высказывание) в соцсетях или на других платформах, или – в офлайне. Недолжными все чаще стали восприниматься сообщения, в том числе шутки, затронувшие или потенциально затрагивающее чувства социальных групп или пер-

сон, чье общественное положение расценивается как уязвимое, а политические права или представительство – как нуждающиеся в особой защите. К такому инструменту защиты идентичности в США долгое время прибегали в основном представители ЛГБТ-сообщества, сочувствующие им пользователи и защищающие их интересы НКО.

Распространяемая в среде американских пользователей соцсетей идея необходимости защиты идентичности уязвимых групп и практики ее осуществления, в том числе в форме порицания недолжных высказываний, постепенно подменяла универсальную этику, мотивируя многих отслеживать и оценивать любую ситуацию, высказывание или персону, посягающие на чувства или права таких уязвимых групп или их представителей, чтобы сделать возможными нравственно правильные поступки, основанные на разделении должного и недолжного. Таким образом, в социальных сетях этика стала фокусироваться на ценности защиты и поддержки некоторых групп, в противовес изначальному фокусированию на ценностях свободы слова, обмену и конкуренции идей, поощрению дискуссий, нормальных для демократической политической коммуникации.

Крайней формой давления этики социальных сетей на пользователей стала «культура отмены» – многочисленные публикации пользователей с требованием публичных извинений за любое высказывание, которое с чьей-либо точки зрения имело намерение оскорбить чужую идентичность или теоретически обладает таким потенциалом. Например, писательницу Дж. Роулинг обвинили в дискриминации транс-персон за высказывание о том, что она не согласна с принуждением всех женщин отказаться от права определения своей идентичности с помощью слова «женщина» и идентифицировать себя специальным, включающим физиологические подробности термином, который, в отличие от слова «женщина», не задевает идентичность людей-трансгендеров, не имеющих биологических признаков женского пола. Писательница столкнулась с негативной реакцией пользователей в социальных сетях, которая имела последствия и вне цифрового пространства – ей отказали в уважении, сотрудничестве и контрактах ряд публичных персон и компаний.

Нормативная для демократического общества *равнозначность и равноправность* этических ценностей пользователя, *задевшего* высказыванием чужую идентичность, и пользователя,

задетого, – в соцсетях в случае претензий со стороны «задетых» все чаще отвергается. Таким образом сетевая этика постепенно исключает возможность и нормальность принципиальных разногласий, полярные или резкие оценки, политическую дискуссию. Отвержение равноправности и равнозначности участников политической коммуникации в соцсетях способствует закреплению в них предпочтительности ценностей определенных убеждений и поведения и, как следствие, – нормальности, обоснованной предпочтениями «охоты на ведьм». Как и во времена «досетевого общества», у пользователей соцсетей формируется то, что У. Липпман называл «паттерн» – сценарий поощряемого, единственно правильного образа мыслей, и моральные кодексы – алгоритмы действия, индивидуальных и коллективных реакций на обнаруженное «недолжное». «Недолжное» преимущественно обнаруживается в словах – высказываниях публичных персон, а также оставленных пользователями на собственных или чужих страницах, на страницах интернет-ресурсов общего пользования (СМИ, форумы и т.п.) в форме записей и комментариев. Этика социальных сетей требует индивидуального и коллективного действия – поиска и оценочной реакции на неправильное (с позиции господствующей этики), повода (обычно – высказывание), привлечения всеобщего внимания к этому недолжному действию, достижения общественного порицания виновных и переноса порицания в офлайн, наложения на виновных рестрикций и наказаний. В силу особенностей социальных сетей такие оценки имеют широкий резонанс – не в последнюю очередь и потому, что традиционные СМИ (телевидение и газеты), формируя новостную повестку, обращаясь как к информационным поводам не только к политическим событиям в офлайне (реальном мире), но и к сообщениям социальных сетей, набравшим большой интерес, вызвавшим заметную (как негативную, так и позитивную) реакцию и большое число откликов. Сфера политической идентичности не является исключением.

В значительной степени ориентируясь на многообразные сигналы пользователей и политических сообществ о затрагивающих чувства уязвимых групп сообщениях, компании – владельцы социальных сетей – постепенно внедрили и легитимировали институт цензуры. Однако формально функция института цензуры до недавнего времени объяснялась предотвращением пропаганды терроризма и экстремизма, распространения дезинформации и универсаль-

ной этикой – запретом персональных оскорблений по любым мотивам (расовой, религиозной, политической идентичности).

В результате включения компаний – владельцев соцсетей – в этическое регулирование, влияние этики социальных сетей на сферу политической идентичности в отдельно взятой стране следует операционализировать по двум осям координат: первая – убеждения и поведение (реакции), массово одобряемые (порицаемые) *пользователями* соцсетей в этой стране; а вторая – убеждения и поведение, одобряемые (порицаемые) *владельцами* социальных сетей, регулирующими право пользователей этой страны осуществлять какие-либо действия в социальных сетях, вплоть до отказа в праве пользования своим профилем, но обычно прибегающими к удалению размещенного сообщения и, реже, – временному отстранению пользователя.

Протесты BLM как триггер переноса сетевой этики на сферу идентичности

Несмотря на участвовавшие претензии различных групп, пользователей или публичных персон друг к другу, этика социальных сетей до 2020 г. формально носила *процедурный* характер, что подразумевало: а) согласие пользователей, в том числе носителей оппозиционной друг другу политической идентичности, с универсальным характером этики, когда проявления социально неприемлемого поведения (агрессия, оскорбления, унижения, призывы к насилию) должны признаваться и оцениваться негативно, независимо от того, кто их допустил и, соответственно, в отношении кого они допущены; б) применение одинаковых ограничительных мер к неэтичным пользователям за схожее поведение.

События 2020 г. в США – протесты против убийства при задержании белым полицейским афроамериканца Д. Флойда – стали триггером изменений, в ходе которых этика социальных сетей приобрела не *процедурное*, а *содержательное* наполнение. Идею платформу протестов формировала группа активистов из движения BLM, возникшего при схожих обстоятельствах – гибели афроамериканца от рук полицейского в 2013 г. Поскольку основатели движения – афроамериканцы и приверженцы марксистской идеологии [Horovitz, 2020], в риторике протеста преобладает фор-

мат приравнивания расовой принадлежности к классовой и призывы к революционным изменениям. Социальные сети предоставили пользователям возможность специальными символами на профилях указывать на солидарность с движением, ими поддерживались кампании в соцсетях за выполнение его требований. Редакция газеты «New York Times» подготовила проект «1619»¹, призывающий американское общество пересмотреть свою политическую культуру и историю через призму указанной даты – года прибытия первого корабля с чернокожими рабами в Северную Америку. Проект в марксистской логике связывает экономическое и политическое могущество США с работорговлей и эксплуатацией рабов. Согласно новой доктрине, в период первоначального накопления капитала США решающий вклад внес афроамериканский народ, во-первых, пострадавший от эксплуатации, физического насилия и угнетения, а во-вторых, имеющий право не только на компенсацию за ущерб, но и на сопоставимую своему решающему вкладу часть общенационального богатства. Также проект содержит утверждение: афроамериканцы в США ежедневно страдают и рискуют жизнью из-за институционального расизма, а белое население должно признать, что при формальном равенстве прав оно обладает неосознаваемыми, но многочисленными преимуществами из-за врожденной «белой привилегии». Смерть Дж. Флойда сторонниками движения интерпретировалась в социальных сетях как последняя капля, переполнившая чашу терпения и обусловившая необходимость революции или незамедлительных политических действий со стороны государства и белого населения для достижения социальной справедливости, а также полного и всеобъемлющего искоренения дискриминации из всех социальных институтов и практик.

Оппонировать протестующим и значительной части американского общества, разделяющей и офлайн, и в соцсетях требования BLM, публично решился президент – республиканец Д. Трамп. В своих выступлениях офлайн² и в комментариях в со-

---

¹ Below is a PBS Special on the landing of the First Africans in English North America and their quest for Freedom // PROJECT1619. – Mode of access: <https://www.project1619.org/> (accessed: 09.05.2021).

² White House (США): речь президента Трампа в Южной Дакоте по случаю салюта у горы Рашмор в 2020 году / Inosmi.ru. – 08.07.2020. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20200708/247723976.html> (дата посещения: 09.05.2021).

циальных сетях обладающий миллионами подписчиков Трамп опаривал марксистскую трактовку американской политической идентичности, отказавшую Америке в статусе демократического и прогрессивного государства. Требования протестующих под эгидой BLM касались утверждения в обществе нового, этического подхода к оценке культовых фигур американской демократии – основателей государства, создателей американской Конституции, борцов с рабством, поскольку часть из них практиковала рабовладение, часть не боролась с рабством, часть боролась непоследовательно: в ракурсе левого движения все достижения и заслуги того или иного политического деятеля дезавуируются ответственностью за преступления колониализма, экспансионизма, работорговли и рабовладения.

Протестующим удалось легитимировать в публичном пространстве необходимость переоценки американской идентичности, единственный вариант которой приемлем через призму этики коллективной вины перед жертвами в прошлом и настоящем, и многие политики из Демократической и Республиканской партий поддерживали протестующих, а демократы подчеркивали выступлениями готовность интегрировать эти принципы в свою платформу. Д. Трамп, в свою очередь, представлял позицию той значительной части населения, которая не согласна с приданием расовому вопросу основополагающего значения в любой этике – политической, социальной, межличностной. В разгар протестов он выступил по случаю Дня независимости, защищая прежнюю, не связанную исключительно с расовой проблематикой структуру американской политической идентичности, ее преемственность от ценностей Дж. Вашингтона, А. Линкольна, Т. Джефферсона и Т. Рузвельта. Своей политической платформой он назвал противодействие легитимации левыми политическими взглядами разрушения памятников и клеветы на основоположников американской демократии. Доказательствами прогрессивного характера американской политической идентичности были названы ведущая роль и вклад США в развитие человечества, в том числе – её медицинских технологий, науки, освоения космоса, победы над «злом» – фашизмом, коммунизмом и терроризмом. Трамп не поддержал звучавших требований распустить полицию, идентифицировал полицейских как стражей закона, которых нельзя преследовать за

неизбежные в работе ошибки, ошибочно квалифицированные как институциональный расизм.

Этике соцсетей, требующей в дни протестов от белых вставать на колени перед афроамериканцами в знак уважения к их страданиям, Трамп противопоставил идентичность, главной ценностью которой является свобода, в том числе и выбирать, когда и перед кем вставать на колени. Действия активистов он назвал идеологически мотивированным стремлением уничтожить существующую общественно-политическую систему, навязать несогласным диктатуру, а обществу ложное чувство коллективной вины перед всеми угнетенными; отметил влияние марксистов из академического сообщества на переформатирование в этом направлении образовательных программ учебных заведений, которые служат «промывке мозгов». Трамп указал на укоренившуюся в соцсетях задолго до трагедии 2020 г. «культуру отмены», ущемления любого свободного высказывания или действия под предлогом травмирования угнетенных как на способ ограничить права и свободы, особенно свободу слова и убеждений.

Действительно, еще за несколько лет до убийства Д. Флойда в соцсетях американскими пользователями регулярно начали опробоваться отказы от универсальной процедурной этики, если речь шла о представителях другой политической идентичности. Характерным примером служит оценка близких по времени событий одного порядка – убийств в 2016 г. полицейскими при задержании в Далласе двух афроамериканцев и расстрела в те же дни представителями BLM белых полицейских – пятеро из них погибло, многие получили ранения, в записи камер попали выкрики стрелявшего о ненависти ко всем белым¹. Если жестокость полиции вызвала всеобщее осуждение, в том числе и в соцсетях, то массовое убийство полицейских в соцсетях не осудили не только многие сторонники BLM, но и Тим Кук (глава ИТ-гиганта Apple) – он его связал с тем, что «справедливость все еще недоступна многим, мы долж-

---

¹ В Далласе во время демонстрации против полицейского насилия убиты пять стражей порядка // Первый канал. – 2016. – Режим доступа: https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2016-07-10/305742-v_dallase_vo_vremya_demonstratsii_protiv_politseyskogo_nasiliya_ubity_pyat_strazhey_poryadka (дата посещения: 09.05.2021).

ны для нее сделать больше»¹. Разные оценки схожих событий (в данном случае – череда убийств, первая группа которых лишь предположительно была вызвана расовой предвзятостью, а вторая – точно) в высказываниях политически значимых персон, формирующих общественное мнение, а в случае Кука – и этику ИТ-платформ, способствуют утверждению критерия идентичности участников (виновников) события в качестве основного для оценок их действий или высказываний.

С 2020 г. наблюдается систематическая замена универсальной этики как нормы поведения и политической коммуникации в соцсетях и в офлайне этикой содержательной компоненты. В современных США этика основана на неомарксистской критической расовой теории, получившей современное развитие в книгах Р. Дианжелло [DiAngelo, 2012, 2018, 2021; Sensoy, DiAngelo, 2017], в логике которой обвинения, предвзятость или критика в отношении оппонентов не могут ими оспариваться, если высказываются представителями угнетенных групп. По другой шкале оценивается общественным мнением преступление, аморальный поступок, абсурдные требования представителя угнетенных групп.

Следующим шагом подмены процедурной этики соцсетей неомарксистской этикой критической расовой теории стала практика легитимного мониторинга высказываний белых на тему расовой дискриминации, включая белых сторонников BLM, поскольку теория утверждает право угнетенных ограничивать свободу мыслей и высказываний носителей «белой привилегии». Рекомендуемой этикой становится прохождение коллективных тренингов в государственных и частных структурах, для достижения так называемого «пробуждения» – осознания вины перед афроамериканцами, приведения мышления и поведения в соответствие с новой этикой и готовности к действиям, рекомендованным и санкционированным BLM.

Сторонники BLM в соцсетях преследуют пользователей за посты с осуждением вандализма протестующих, за рассуждения с позиций консервативной идентичности, осуждают пользователей социальных сетей за равнодушие, показное сочувствие или недос-

---

¹ Cook T. Senseless killings this week remind us that justice is still out of reach for many. We can and must do better. – 8 July 2016. – Mode of access: <https://t.co/pmYrTz6tA6> (accessed: 09.05.2021).

таточную чувствительность к заявленной проблематике, например, за публикацию в соцсетях хэштега «Все жизни важны» (как оскорбление пострадавшего сообщества). Нападки из социальных сетей молниеносно переносятся в офлайн-пространство и несут для пользователей соцсетей вполне ощутимые последствия, вплоть до увольнения с «волчьим билетом» и остракизма (сообщения о таких увольнениях регулярно публикуют в СМИ).

Доминирование новой этики, основанной на левой политической идентичности, укрепляют и действия компаний – владельцев соцсетей. Это было продемонстрировано на примере проигравшего выборы, но еще действующего президента США Трампа. В январе 2021 г. решение о запрете Д. Трампу пользоваться своими ресурсами для распространения информации приняли владельцы Twitter, Facebook, Instagram, Reddit, Discord, tiktok, Twitch, Snapchat, Youtube, объясняя его рисками эскалации насилия и обвиняя президента в организации протестов несогласных с результатами президентских выборов и победой демократа Д. Байдена. При этом в соцсети Twitter, где на профиль Трампа было подписано 88 млн человек, его сразу исключили из пользователей (забанили) навсегда. В последнем опубликованном президентом сообщении в соцсети Facebook содержался призыв к протестующим разойтись по домам, хотя президент еще раз подтвердил, что результаты выборов не признает: но именно это сообщение с призывом разойтись маркировано как призывающее к насилию и создающее риски. Тогда же цифровые платформы объединились для блокирования приложения социальной сети Parler, где предпочитали общаться американцы с консервативной идентичностью.

Органами государственной власти не было вынесено никакого судебного решения, предписывающего такие меры, и в основе действий владельцев социальных сетей лежала только этика, позволяющая пресекать недолжное поведение и образ мыслей и поощрять должное. Однако эти «призывы к насилию» Трампа и опасность граждан с консервативной идентичностью выглядят сомнительным универсальным этическим критерием недолжного, поскольку в течение предшествовавшего 2020 г. в соцсетях неограниченно публиковались посты сторонников Black Lives Matter с призывами к массовым протестам в условиях пандемии (что точно создавало риски) и к насилию в отношении полиции и белого населения, провоцировались и координировались масштабные беспорядки. Критерий определения не-

должного в социальных сетях перестал носить идеологически нейтральный, условно *процедурный* характер.

Высказывания, мотивированные консервативной политической идентичностью, с осуждением протестов, сравнением действий протестующих с террором и призывами использовать силу для прекращения вандализма маркировались как недолжные, их авторов вынуждали извиняться, могли уволить с работы. Одновременно оценки и высказывания, обусловленные левой политической идентичностью, в том числе враждебные (обвинение всех белых в расизме и т.п.), призывы к насилию и экстремизму (например, убить всех полицейских или уничтожить американское государство), публикации видеозаписи насильственных действий не осуждались. В офлайн-пространстве такие сообщения, если их обсуждение инициируют оппоненты BLM, также игнорируются большинством СМИ и сторонников BLM как эксцессы, неизбежные в борьбе угнетенных за правое дело (примером стала опубликованная в соцсетях фотография преступления И. Джексона, надавившего белому ребенку на грудь со словами «Теперь жизнь черных имеет значение» и комментарии к ней школьного учителя о том, что душить надо дольше – против Джексона возбудили уголовное дело, но соцсети, СМИ и общественное мнение игнорировали этот информационный повод¹).

Отказ от принципа универсальной этики в соцсетях и допустимость агрессии по отношению к белым мужчинам был официально признан владельцами Facebook более чем за месяц до протестов сторонников Трампа, оспаривающих результаты выборов и штурма Капитолия², но это не вызвало широкой общественной дискуссии и протестов. Решение лишить действующего легитимного представителя власти права доступа к социальным сетям и свободы слова в коммуникационном пространстве стало, таким образом, финальным этапом закрепления новой этики в США. Несмотря на общий позитивный настрой европейских политиков

---

¹ Dreher R. Race hate comes down on a Toddler's neck // The American Conservative. – 2020. – Mode of access: <https://www.theamericanconservative.com/dreher/race-hate-toddler-neck-black-lives-matter/> (accessed: 09.05.2021).

² Dwoskin E., Tiku N., Kelly H. Facebook to start policing anti-Black hate speech more aggressively than anti-White comments, documents show // The Washington post. – 2020. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/12/03/facebook-hate-speech/> (accessed: 09.05.2021).

относительно победы Д. Байдена как более предпочтительного для них партнера, отключение Д. Трампа от социальных сетей было расценено некоторыми европейскими политиками и экспертами как угроза демократии и событие, сопоставимое с терактами 11 сентября 2001 г.: министр экономики Франции в связи с этим прецедентом отметил, что «цифровая олигархия» угрожает демократии и не они должны осуществлять регулирование, а, наоборот, законная власть, народ и судебная система¹, а член Европейской Комиссии по внутреннему рынку Т. Бретон связал происшедшее со слабостью общества в цифровом пространстве: «Тот факт, что генеральный директор компании может отключить громкоговоритель президента без сдержек и противовесов, вызывает недоумение. Это не только подтверждение мощи этих платформ. Это показывает, как слабо наше общество организовано в цифровом пространстве»². Схожую оценку выразил медиахолдинг Deutsche-Welle: «Когда несколько руководителей компаний, которые доминируют на рынках и несут ответственность только перед своими акционерами, пользуются своей властью, чтобы принять решение об общественном дискурсе и свободе выражения мнений, это не имеет никакого отношения к плюрализму»³. Как отмечают авторы французских консервативных изданий, приведенные универсальные этические основания блокировки Трампа представляются неубедительными, поскольку ни одна из забанивших его социальных сетей ни разу не заблокировала за долгое время профили лидеров государств, подавляющих в своих странах оппозицию или одобрявших убийство экстремистом французского учителя С. Пати, идеологов религиозного экстремизма, призывающих убивать евреев и геев, а также соцсети долгое время отказывались банить профи-

---

¹ Власти Франции осудили решение Twitter о блокировке аккаунта Трампа. – 2021. – Режим доступа: <https://news.ru/world/vlasti-francii-osudili-reshenie-twitter-o-bloirovke-akkaunta-trampa/> (дата посещения: 09.05.2021).

² Еврокомиссар сравнил значение блокировки аккаунтов Трампа с терактами 11 сентября. – 2021. – Режим доступа: <https://rus.delfi.lv/news/daily/europe/evrokomissar-sravnil-znachenie-bloirovki-akkauntov-trampa-s-teraktami-11-sentyabrya.d?id=52829593> (дата посещения: 09.05.2021).

³ Комментарий: IT-гиганты не могут присвоить себе право на свободу слова. – 2021. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/kommentarij-it-giganty-ne-mogut-prisvoit-sebe-pravo-na-svobodu-slova/a-56205498> (дата посещения: 09.05.2021).

ли политических сторонников и распространителей сообщений ближневосточных террористических организаций¹.

Свою ответственность владельцы Facebook пытались разделить с созданным ими же Надзорным советом, но по итогам его собрания в мае 2021 г. руководству компании было вынесено предложение привести решение по Трампу в соответствие с практиками, применяемыми к другим пользователям сети, что означало, что даже исходя из представления о справедливости процедурной этики как таковой и справедливости оценки его высказываний как разжигающих ненависть и способствующих насилию, лишение гражданина доступа к коммуникационным платформам надолго или навсегда было из ряда вон выходящей мерой.

Выводы

Социальные сети в США как пространство политической коммуникации отходят от универсальной и процедурной этики, и это наблюдается как в сфере поведения пользователей, так и в сфере регулирования коммуникации владельцами управляющих соответствующими цифровыми платформами компаний. Универсальная этика исходила из признания владельцами компаний цифровых платформ равенства прав граждан в соцсетях и равноценности любой политической идентичности; именно таким подходом было обусловлено и действительно обеспечивалось равное и свободное право доступа любых персон и групп к политической коммуникации в соцсетях. Процедурный характер этики заключался в принципиальном согласии общественного мнения офлайн и онлайн по вопросам равноправия участников политической коммуникации в соцсетях, одинаковых правил ведения такой коммуникации (избегания брани и оскорблений при обмене мнениями и оценками) и одинаковых моральных критериев оценки схожих резонансных событий, происходящих в одном политическом контексте офлайн, особенно убийств с политической подоплекой и дру-

---

¹ [Del Valle] La censure à géométrie variable des réseaux sociaux: Trump banni mais pas Erdogan ou Maduro // Valeurs. – 2021. – Mode of access: <https://www.valeursactuelles.com/clubvaleurs/monde/del-valle-la-censure-a-geometrie-variable-des-reseaux-sociaux-trump-banni-mais-pas-erdogan-ou-maduro/> (accessed: 09.05.2021).

гих актов насилия. Такая этика означала свободу слова для всех пользователей, потенциально ограничиваемую лишь по критерию формы выражения позиции или проявления идентичности (запрещались оскорбления и прямые призывы к насилию во имя любых идей или ценностей), а не по критерию содержания, что в соцсетях способствовало представленности мнений носителей разных идентичностей в политической коммуникации, а также реализации права на свободу совести и ее проявления в форме свободы идентичности.

С середины 2020 г. наблюдается переход к закреплению иной этики, не универсальной и процедурной, а содержательной, когда фактически отрицаются равенство свободы слова и совести, равенство доступа, независимо от политической идентичности, универсальные стандарты ведения дискуссий и происходит диверсификация морали по марксистскому принципу (мораль соотносится с классом или расой, поэтому допускается применение разных кодексов к представителям разной политической идентичности, будь то сами нарушители моральных норм (в том числе убийцы и насильники) или жертвы таких нарушений или насилия, например журналисты консервативных изданий, консервативные политики, протестующие, чья политическая идентичность не поощряется этикой соцсетей, наконец, дети, чья расовая принадлежность выводит их из группы, уязвимой по определению).

Последствия распространения и доминирования в соцсетях этики, основанной на политической идентичности одной из групп, простираются за пределы политической коммуникации и проблематики сферы свободы совести и свободы слова.

Концептуальный аппарат, разработанный У. Липпманом в работе «Общественное мнение», объясняет, как на реакции общественного мнения, единообразие которых необходимо, чтобы новая этика получила общепринятый характер, влияют паттерны – поощряемые социумом системы стереотипов, предопределяющие распространенный образ мыслей, и моральные кодексы, позволяющие людям применять разные моральные оценки к схожим действиям (высказываниям) в схожих условиях.

Тенденции укрепления новой этики в социальных сетях позволяют сравнить ее с практиками определенных стадий развития идеологических диктатур, когда не только политическая оппозиционность или свободомыслие, но и недостаточная, хотя и выска-

занная лояльность политической идентичности и правилам группы, контролирующей коммуникационные сети и обладающей «контрольным пакетом» административных ресурсов, чревата потерей работы, лишением прав, в том числе на образование, и отказом в правовой защите от насилия представителям ранее привилегированных, классово чуждых или угнетающих групп.

Pinyugina E.V.*

Political identity and social media ethics in nowadays America

Abstract. The article analyzes the ethics of social networks and its relationship with political identity. Two dimensions of the ethics of social networks are identified – the ethics of users and the ethics of platform owners. Using the example of political communication and the actions of social networks during the US protests in 2020, the transition from a procedural ethics based on ensuring freedom of speech and the equivalence of all types of identity to an ethics of protecting oppressed classes and groups is considered. The trends of different ethical assessments and reactions of users and owners of social networks in the same situations in the same political context, arbitrary denial of equal access to political communication to users and politicians due to disapproval of their political identity are revealed. Such ethics are not universal, are applied selectively and can damage the democratic foundations of any society, especially in the context of the growing unlimited power of the owners of communication platforms.

Keywords: ethics of social networks; ethics and political identity; network society; political communication in social networks.

For citation: Pinyugina E.V. Political identity and social media ethics in nowadays America. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 205–228. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.09>

References

- Bernays E. *Crystallizing public opinion*. Moscow, Saint Peterburg : Dialektika, 2019, 272 p. (In Russ.)
- Bernays E. *Propaganda*. Saint Petersburg : Piter, 2021, 208 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. Social space and symbolic power. *Sociological theory*. 1989, Vol. 7, N 1, P. 14–25. DOI: <https://doi.org/10.2307/202060>

---

* **Pinyugina Elena**, Institute of scientific information for social sciences (INION) of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia); MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: politolog2020@yandex.ru

- Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J.G. (ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education*. New York : Greenwood press, 1986, P. 241–258.
- Bourdieu P. The social space and the genesis of groups. *Social science inform.* 1985, Vol. 24, N 2, P. 195–220. DOI: <https://doi.org/10.1177/053901885024002001>
- Börzel T. Organizing Babylon – on the different conceptions of policy networks. *Public administration*. 1998, Vol. 76, N 2, P. 253–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
- Blatter J. Beyond hierarchies and networks: institutional logics and change in trans-boundary political spaces. *Governance*. 2003, Vol. 16, N 4, P. 503–526. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00226>
- Castells M. *Communication power*. Moscow : House of the Higher School of Economics, 2016, 564 p. (In Russ.)
- Castells M. *The internet galaxy: reflections on the internet, business, and society*. Yekaterinburg : U-Factoria, 2004, 328 p. (In Russ.)
- Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Moscow : HSE, 2000, 608 p.
- Castells M. The rise of the network society. In: Inozemtsev V.L. (ed.). *New post-industrial wave in the West: Anthology*. Moscow : Academia, 1999 a, P. 492–505. (In Russ.)
- Castells M. The power of identity. In: Inozemtsev V.L. (ed.). *New post-industrial wave in the West: Anthology*. Moscow : Academia, 1999 b, P. 292–308. (In Russ.)
- DiAngelo R. *What does it mean to be white?: Developing white racial literacy*. New York, N.Y. : Peter Lang, 2012, 318 p.
- DiAngelo R. *White fragility: why it's so hard for white people to talk about racism*. Boston : Beacon press, 2018, 192 p.
- DiAngelo R. *Nice racism: how progressive white people perpetuate racial harm*. Boston : Beacon press, 2021, 224 p.
- Granovetter M. The strength of weak ties. A network theory revisited. In: Marsden P., Lin N. (eds). *Social structure and network analysis*. Beverly Hills : Sage publications, 1982, P. 105–131.
- Granovetter M. Economic action and social structure: The problem of embeddedness. *American journal of Sociology*. 1985, Vol. 91, N 3, P. 481–510. DOI: <https://doi.org/10.1086/228311>
- Horowitz D. Black Lives Are a Pretext. Origins of the violent racist organization behind the riots / Frontpagemag.com. – 8 June, 2020. – Mode of access: <https://www.frontpagemag.com/fpm/2020/06/black-lives-are-pretext-david-horowitz/>
- Katz E., Lazarsfeld P.F. Personal Influence. In: Holzer B., Stegbauer C. (eds). *Schlüsselwerke der Netzwerkforschung. Netzwerkforschung*. Springer VS : Wiesbaden, 1955, P. 293–296. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-21742-6_67
- Lasswell H. The structure and function of communication in society. In: Bryson L. (ed.). *The communication of ideas*. New York : Harper and Brothers, 1948, P. 37–51.
- Lazarsfeld P., Berelson, Gaudet H. *The people's choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign*. New York : Columbia University press, 1948, 178 p.

- Lipnack J. Stamps J. *The age of the network: organizing principles for the 21 st century*. New York : Wiley, 1994, 264 p.
- Lippmann W. *Public opinion*. Moscow : Public opinion foundation, 2004, 384 p. (In Russ.)
- Moreno J.L. *Who shall survive? A new approach to the problem of human interrelations*. New York : Beacon House, 1934, 462 p.
- Moreno J.L. Sociometry in relation to other social sciences. *Sociometry*. 1937, Vol. 1, N ½, P. 206–219. DOI: <https://doi.org/10.2307/2785266>
- Moreno J.L. *Sociometry, experimental method and the science of society. An approach to a new political orientation*. New York : Beacon House, 1951, 220 p.
- Moreno J.L. *Sociometry and the science of man*. New York : Beacon House, 1956, 156 p.
- Mitchell J.C. The concept and use of social networks. In: Mitchell J.C. (ed.). *Social networks in urban situations*. Manchester : Manchester university press, 1969, P. 1–32.
- Mitchell W.J. Me++. *The cyborg self and the networked city*. Moscow : Strelka Press, 2012, 328 p. (In Russ.)
- McCombs M., Shaw D.L. The agenda-setting function of the mass media. *Public opinion quarterly*. 1972, Vol. 36, N 2, P. 176–185. DOI: <https://doi.org/10.1086/267990>
- Rainie L., Wellman B. *Networked: the new social operating system*. Cambridge, MA : MIT press, 2012, 358 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/8358.001.0001>
- Putnam R.D. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of democracy*. 1995, Vol. 6, N 1, P. 65–78. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>
- Rhodes R. *Understanding governance : policy networks, governance, reflexivity, and accountability*. Buckingham ; Philadelphia : Open university press, 1997, 235 p.
- Sensoy O., DiAngelo R. *Is everyone really equal?: An introduction to key concepts in social justice education*. New York, NY : Teachers College press, 2017, 288 p.
- Smorgunov L. Sherstobitov A. *Political networks: theory and methods of analysis: a textbook for university students*. Moscow : Aspect press, 2014, 320 p. (In Russ.)
- van Dijk J.A.G.M. *De Netwerkmatschappij, Sociale aspecten van nieuwe media*. Alphen a/d Rijn : Samsom, 2001, 310 p.
- Wellman B. Studying personal communities. In: Marsden P., Lin N. (eds). *Social structure and network analysis*. Beverly Hills, CA : Sage, 1982, P. 61–80.
- Winter J.P., Eyal, C.H. Agenda-setting for the civil rights issue. *Public opinion quarterly*. 1981, Vol. 45, N 3, P. 376–383. DOI: <https://doi.org/10.1086/268671>

Литература на русском языке

- Бернейс Э. Кристаллизация общественного мнения. – М. : Диалектика ; СПб. : Диалектика, 2019. – 272 с.
- Бернейс Э. Пропаганда. – СПб. : Питер, 2021. – 208 с.
- Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. – М. : Academia, 2008. – 576 с.
- Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич ; под науч. ред. А.И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». –

- М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с. – (Переводные учебники ВШЭ).
- Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
- Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999 а. – С. 492–505.
- Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999 б. – С. 292–308.
- Липпман У.* Общественное мнение. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
- Митчелл У.* М66 я++ [я плюс плюс]: человек, город, сети : пер. с англ. – М. : Strelka Press, 2012. – 328 с.
- Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С.* Политические сети: теория и методы анализа : учебник для студентов вузов. – Москва : Аспект Пресс, 2014. – 320 с.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

Е.М. КОРНЕЕВА*

ЛОКАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД¹

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и методологическим основаниям применения пространственно-эконометрического подхода к исследованию электоральных процессов. В основе анализа лежит пространственно-эконометрический подход, который основывается на предположении о взаимозависимости процессов, происходящих в близлежащих объектах. В связи с этим теоретическая рамка исследования посвящена социально-политическим концепциям, дающим основание говорить о существовании взаимозависимости политических процессов, происходящих в соседних или близлежащих объектах. В эмпирическое исследование вошли парламентские избирательные кампании в России с 1995 по 2016 г. в разрезе ТИКов. Исследование основано на концепции пространственной автокорреляции, рассчитанной с помощью глобальных индексов Морана, Гири и Гетиса – Орда. В центре внимания исследования стоит вопрос о степени пространственных различий между региональным и локальным уровнем голосования. Результаты исследования показывают, что для локального уровня голосования в России характерна высокая степень пространственной взаимозависимости электорального поведения независимо от идеологической направленности. Сравнительный анализ пространственной автокорреляции, рассчитанной на

---

* **Корнеева Елизавета Михайловна**, аспирант аспирантской школы политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: korneeva-liza1@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-31200 «Регионально-локальные отношения в условиях формирования единой системы публичной власти в современной России: теория и практика».

© Корнеева Е.М., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.03.10

локальном и региональном уровнях, демонстрирует, что пространственная взаимозависимость сильнее проявляется на уровне муниципальных образований, что позволяет говорить о существовании особых тенденций на локальном уровне голосования. Различия в степени пространственной взаимозависимости на локальном и региональном уровнях позволяют утверждать, что региональные политические режимы могут превращать свои административные границы в электоральные барьеры, сдерживающие распространение локальных сообществ со схожим электоральным поведением. Таким образом, исследование подтверждает значимость роли места (place) в российском электоральном пространстве, что свидетельствует о связи между электоральными процессами и территориями, в которых они протекают.

Ключевые слова: пространственный анализ; муниципалитеты; пространственная автокорреляция; локальный уровень; электоральное пространство; электоральное поведение.

Для цитирования: Корнеева Е.М. Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 229–250. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.10>

Исследователи часто говорят о недостаточном количестве работ, посвященных локальному уровню политики, в то время как основное внимание уделяется изучению субъектов федерации. Тем не менее, локальный уровень власти является наиболее приближенным к текущим проблемам избирателей. Именно здесь складываются местные проблемы, впоследствии находящие свое выражение в электоральном поведении.

Территориальные особенности формирования партийной системы в политической науке часто изучаются с точки зрения ее национализации. Национализация представляет собой процесс формирования схожих электоральных паттернов на всех уровнях – федеральном, региональном, локальном. Особенности связи голосований между федеральным и локальным уровнем с помощью концепции национализации партийной системы с недавнего времени изучаются и на материалах российских выборов [Gaivoronsky, 2019; Turovsky, Sukhova, 2018].

При этом связь голосований на локальном и федеральном уровнях не следует абсолютизировать, как и уровень национализации российской партийной системы. Существуют заметные различия в голосовании одних и тех же территорий на выборах разных уровней. В то же время формирование единой системы публичной власти в России и проникновение «Единой России» и

других основных партий в регионы и на локальный уровень делает партийное поле относительно гомогенным. Наше исследование фокусируется на изучении локальных электоральных процессов в России с помощью пространственно-эконометрического подхода. Таким образом, мы пытаемся понять, связаны ли голосования в локалитетах друг с другом, действуют ли схожие принципы пространственной связи на региональном и локальном уровнях в условиях укрепления властной вертикали и, казалось бы, повсеместного доминирования «Единой России».

Исторически исследования, посвященные территориальной неоднородности голосования, находятся в фокусе электоральной географии. Большую роль здесь сыграл экологический подход, в рамках которого изучаются итоги выборов в пространстве. Став одним из главных направлений исследований территориальных особенностей результатов выборов, классическая электоральная география нередко становилась и объектом критики за чрезмерную описательность и преимущественно картографические методы, осложнявшие возможность исследовать электоральные процессы в динамике и объяснять их сущность [Taylor, Johnston, 1979].

Перспективным направлением развития электоральных исследований, в особенности на локальном уровне, нам видится применение методов пространственной эконометрики. Их особенность заключается в использовании пространственно-лаговой переменной, которая содержит информацию о процессах, происходящих в соседних наблюдениях, т.е. на соседних территориях. Немаловажным в данном случае является предположение о взаимозависимости процессов, происходящих в территориально близких объектах. Необходимость содержательного обоснования данной пространственной взаимосвязи вынуждает исследователей обращаться к так называемому первому закону географии, сформулированному У. Тоблером – все связано со всем, но то, что находится ближе, связано сильнее [Tobler, 1970]. С тех пор понятия «связанность» и «близость» стали ключевыми элементами в пространственном анализе. Может показаться, что первый закон географии представляет собой чрезмерно упрощенный взгляд на взаимодействие близлежащих объектов, особенно с учетом современных коммуникаций, на что прямо указывает постиндустриальная география. Тем не менее, исследователи по-прежнему отмечают важность «классического» геопространства, учет которого

позволяет строить модели для объяснения взаимозависимых процессов [Miller, 2004]. Это позволяет нам преодолеть недостаток политологических работ, пользующихся понятием пространства, но опускающих его связь с географической картой [Туровский, 2015]. Помимо этого, важно помнить, что У. Тоблер не исследовал социально-политические процессы, предлагая рассматривать данную взаимосвязь априори. Таким образом, мы задаемся вопросом о внедрении более продуманных социально-политических концепций, необходимых для обоснования пространственной взаимозависимости электоральных процессов.

Пространственная эконометрика уже нашла свою нишу в исследованиях в сфере макроэкономических процессов, в том числе на региональных данных России [Семерикова, Демидова, 2016]. Однако электоральные процессы остаются на периферии внимания исследователей, владеющих этими методами. Несмотря на то, что в концептуальном плане можно заметить методологические попытки пространственного моделирования электоральных процессов [Гаспарян, 2017, с. 41–48], содержательная часть вопроса остается неявной.

Говоря о пространственной взаимозависимости, исследователи задаются вопросом о том, повлияют ли начавшиеся изменения в регионе на подобные изменения в соседних регионах. В электоральных исследованиях нас интересует аналогичный вопрос – каким образом электоральные предпочтения в одном регионе влияют на голосование в соседних регионах? Немаловажным также остается вопрос о степени пространственных различий между региональным и локальным уровнем голосования.

Теоретическая рамка исследования

Основной пласт работ с использованием методов пространственной эконометрики в большинстве своем фокусируется на оценке релевантности использования данных моделей для той или иной области исследований. Лейтмотивом исследований в таком случае становится сравнительный анализ результатов, полученных с помощью классической модели линейной регрессии методом наименьших квадратов и пространственно-регрессионных моделей различного типа (SAR, SEM и др.). Главным выводом подобного

рода исследований является доказательство того, что коэффициенты в моделях без учета пространственного взаимодействия являются смещенными, что призвано подчеркнуть более высокое качество пространственно-регрессионных моделей.

Нас, однако, помимо методологических оснований применения пространственно-эконометрических методов в электоральных исследованиях интересуют концептуальные основания предположения о взаимозависимости политических процессов, происходящих в соседних или близлежащих объектах, которые многими исследователями принимаются априори. Появление пространственной зависимости связано с наличием территориальной неоднородности рассматриваемого признака, которым в нашем случае является электоральная поддержка различных партий. Пространственная зависимость обуславливается формированием внутренне однородных электоральных кластеров, а также складывается благодаря пространственному социальному взаимодействию, имеющему локальный характер. Но при этом у любой пространственной зависимости есть и свои географические барьеры, поскольку в противном случае пространство было бы абсолютно однородным.

Рассматривая итоги выборов на локальном уровне электорального процесса, вначале стоит обратиться к концепции места и его роли в политике, разработанной Дж. Эгнью [Agnew, 1987]. Так как концепция места не распространена в российских исследованиях, стоит отметить, что, говоря о месте, мы не определяем конкретную точку на карте, а обращаем внимание на связь между политическими процессами и территорией [Туровский, 2019]. Автор концепции места Дж. Эгнью утверждает, что политическое поведение по своей сути является географическим, и для его полноценного анализа требуется place-based подход [Agnew, 1987]. Концепция места включает три составляющих – место действия, которое представляет собой институализированную рамку, где формируются социальные взаимодействия; местоположение, которое представляет собой взаимодействия между одним и другим местом; и чувство места, которое зарождается в течение жизни человека на определенной территории. Чувство места в таком случае является основой для формирования ценностей, которые могут быть связаны и с территориальными особенностями электоральных культур. Этот автор также обращал внимание на зарождение и распространение определенных типов голосования в определен-

ных местностях Италии, Германии, Великобритании и др., полагая эти процессы не случайными и обусловленными влиянием места.

В данном контексте нельзя обойти стороной разработки культурной географии и, в частности, концепцию топофилии. Ее автор И-Фу Туан развивал свою теорию чувства места, которая большое внимание уделяет эмоциональной связи людей по отношению к пространству и, соответственно, их географическому поведению [Tuan, 1976]. Исследователи культурной географии также утверждали, что место – это не абстрактная единица в пространстве, ввиду того что место конструируется посредством наделения его определенными локальными смыслами [Jeans, 1979]. В этой связи согласимся с Р. Туровским, который предостерегает избегать географического детерминизма нового типа, объясняющего политические процессы с помощью местоположения. Важно помнить, что подобное влияние если и существует, то носит не прямой и ограниченный характер [Туровский, 2015].

Помимо этого, Р. Туровский отмечает, что геопространство характеризуется неоднородностью из-за особенностей систем расселения, социальных коммуникаций, идентичностей и особенностей организации власти. Но в то же время мы можем обнаружить однородные локальные сообщества – ввиду того, что люди со схожими интересами тяготеют друг к другу, иными словами, стремятся к географической компактности. Локализация политических процессов и, наряду с этим, межличностная коммуникация внутри локальных сообществ усиливают взаимопроникновение и гомогенизацию политических взглядов, что выражается в электоральном поведении. Локальные групповые и межличностные коммуникации наряду со схожестью социальных интересов в компактных сообществах становятся содержательной основой для формирования пространственной взаимозависимости электорального поведения между соседними территориями.

Говоря о пространственной взаимозависимости территорий и их голосования, стоит обратить внимание на эффект соседства, тоже известный из электоральной географии [Taylor, Johnston, 1979]. Анализ эффекта соседства в электоральную географию привнес К. Кокс в 1969 г. в работе «Решение о голосовании в пространственном контексте» [Cox, 1969]. Эффект соседства объясняет процесс принятия решения о голосовании за ту или иную партию с помощью динамики потоков социальных связей. К. Кокс утверждает,

что избиратели с большей вероятностью поддержат ту партию, о которой получают информацию через личный диалог, независимо от предыдущих предпочтений. Благодаря ежедневному взаимодействию с определенным кругом людей создается территориальное информационное поле. Решающее значение при анализе эффекта соседства имеет понимание природы взаимодействия социальных связей или, в терминах К. Кокса, «круга знакомых». Р. Туровский предлагает называть эффект соседства фактором территориальной солидарности. В его интерпретации территориальная солидарность выражается в консолидации социальных групп на выборах под влиянием соседских связей, а передача информации происходит «из уст в уста» [Туровский, 2006]. Впрочем, отметим, что современное развитие сетевых коммуникаций может нивелировать значимость этого эффекта, по крайней мере – в городских сообществах.

В географии процессам передачи информации на локальном уровне традиционно уделяется большое внимание. Примером тому служит теория диффузии инноваций Т. Хагерстранда, который исследовал закономерности распространения нововведений на различные территории, используя при этом статистический метод Монте-Карло для моделирования географических явлений [Hägerstrand, 1967]. Нам интересен в данном случае его вывод о том, что скорость распространения инноваций зависит не от географического расстояния, а от способностей городов транслировать эти инновации на периферию. Эти способности, в свою очередь, зависят от степени интенсивности контактов среди людей. Данный вывод представляет особый интерес для нашего исследования, так как электоральное поведение избирателей ставится в зависимость от его распространения по территории, в том числе в виде инноваций, представляющих собой в данном случае голосование за какие-либо новые партии. При этом процесс распространения электоральных предпочтений в данной логике не носит прямолинейный характер в виде постепенного «захвата» соседних локалитетов, а может принимать более сложные и менее очевидные пространственные формы.

В терминах Т. Хагерстранда диффузия предполагает проникновение каких-либо явлений на новые территории, что влечет за собой определенные изменения. Пространственная эконометрика в таком случае как раз и концентрируется на особенностях взаимозависимости территорий. Мы в данном исследовании, в от-

личие от конвенциональных подходов к исследованию структуры электорального пространства, рассматриваем пространственно-эконометрическую методологию применительно к электоральным процессам.

Появление пространственной эконометрики как самостоятельной дисциплины связано с именами Ж. Пелинка и Л. Классена, которые в 1979 г. очертили основные принципы новой дисциплины, подчеркнув главную роль концепции пространственной взаимозависимости процессов на близлежащих территориях [Paelinck, Klaassen, 1979]. Отсюда рождается логика, что процессы, происходящие в соседних наблюдениях или, иными словами, имеющие географическую привязку, не могут быть независимы *per se*. В связи с этим исследование какого-либо процесса требует учитывать его значения в соседних наблюдениях. Поэтому пространственная эконометрика большое внимание уделяет правилам определения географического соседства между наблюдениями.

Идея использования пространственно-эконометрической методологии в электоральных исследованиях не новая, однако таких работ немного. Помимо этого можно заметить, что электоральные исследования, использующие эту методологию, черпают свои концептуальные идеи из классической электоральной географии. Например, исследовательский коллектив из Великобритании определил влияние пространственных эффектов в смежных избирательных округах в зависимости от степени финансирования избирательной кампании в одном из них [Cutts et al., 2010]. Фактор избирательной кампании был выделен еще П. Тэйлором и Р. Джонсоном в 70-х годах прошлого века. Исследуя голосование на локальном уровне, авторы демонстрируют, что *spillover effect* проявляется сильнее в близлежащих избирательных округах. Исследование Дж. Кима, Э. Эллиотта и Д. Ванга показало, что более сильная территориальная взаимозависимость голосования и кластеризации проявляется в округах с похожим уровнем электоральной поддержки партий [Kim, Elliott, Wang, 2003]. Формирование пространственных кластеров поддержки демократов на президентских выборах в США характерно для востока страны и наиболее урбанизированных районов, в то время как для республиканских кандидатов характерна противоположная территориальная тенденция – формирование пространственных кластеров на западе и в сельских ареалах.

Среди отечественных исследователей стоит обратить внимание на работу Е. Подколзиной, О. Демидовой и Л. Кулецкой, которые предприняли попытку применения пространственно-эконометрических индексов на данных результатов выборов президента России 2018 г. [Подколзина, Демидова, Кулецкая, 2020]. Авторы целью своего исследования ставят классический для пространственно-эконометрического подхода вопрос – каким образом электоральные предпочтения кандидатов (фокус исследования сосредоточен на голосовании за В. Путина и К. Собчак) в одном регионе влияют на выбор в соседних, а также на голосование в целом по стране. Тем не менее, их выводы в большей степени связаны с тестированием методики, в то время как наше исследование нацелено на поиск содержательной интерпретации результатов.

Методология исследования

В основе пространственно-эконометрических методов лежит пространственная автокорреляция, которая позволяет сделать выводы о пространственной взаимозависимости близлежащих объектов в пространстве. С математической точки зрения в случае наличия автокорреляции нарушаются предпосылки о независимости наблюдений между собой. Пространственная автокорреляция демонстрирует статистическую взаимосвязь между величинами, когда рассматриваются близкие наблюдения в пространстве. Индексы пространственной автокорреляции измеряют пространственную зависимость между значениями переменных в разных местах в пространстве [Handbook of spatial analysis ..., 2018]. Таким образом, существование пространственной автокорреляции означает, что на значения переменной оказывает влияние значение этой же переменной в соседних наблюдениях.

Эконометрические методы анализа основываются на предположении о независимости наблюдений между собой. Наблюдения, расположенные близко в пространстве, нарушают данную предпосылку, а результаты в свою очередь теряют валидность, в результате чего могут быть нарушены причинно-следственные связи. Особенность работы с данными, которые имеют географическое выражение, заключается в необходимости учитывать в анализе пространственное взаимодействие с помощью матрицы про-

странственных весов, которая строится с учетом географического соседства наблюдений.

Электоральный анализ непосредственно связан с использованием данных, имеющих территориальную проекцию. Случай России представляется не только интересным из-за большого количества муниципалитетов, но и сложным ввиду территориального разнообразия страны, что выражается в различных особенностях электорального поведения. Выборку нашего исследования составили федеральные парламентские кампании с 1995 по 2016 г., рассмотренные в разрезе территориальных избирательных комиссий, которые соответствуют городским округам и муниципальным районам, а также внутригородским районам (не везде являющимся муниципальными образованиями). В исследование в 1995 г. вошли 2187 территориальных избирательных комиссий, в 1999 г. – 2195, в 2003 г. – 2212, в 2007 г. – 2209, в 2011 г. – 2205, в 2016 г. – 2195¹.

Немаловажную роль в пространственно-эконометрических методах играет спецификация матрицы пространственных весов, в основе которой лежит определение соседства между объектами. Истоки пространственной эконометрики находятся в области географии и ее понимания расстояния и пространства. Однако существуют исследования, отстаивающие точку зрения о том, что понимание пространства между объектами не должно ограничиваться физическим расстоянием [Beck, Gleditsch, Beardsley, 2006]. Альтернативные подходы к операционализации пространства предлагают измерять соседство с помощью торговых потоков, времени в пути между столицами, рыночного потенциала регионов и даже с помощью культурных ценностей, но тем не менее, не существует априорно верной теории определения соседства [Guardo, Magroci, Paci, 2013; Экономико-географические аспекты ..., 2007]. Не вступая в данную дискуссию, воспользуемся в нашем исследовании наиболее простым и классическим методом определения соседства с помощью правила ферзя. Данный метод предполагает, что соседями являются объекты, имеющие

---

¹ Различное количество ТИКов связано с объединениями некоторых муниципалитетов, а также муниципальной реформой, начавшейся в 2003 г.

хотя бы одну точку соприкосновения границ между собой (стороной или углом)¹.

В исследовании используются глобальные индексы пространственной автокорреляции – Морана, Гири, Гетиса – Орда, рассчитанные для основных партий, принимавших участие в выборах. Глобальные индексы пространственной автокорреляции позволяют делать выводы о наличии пространственной взаимозависимости наблюдений, а также определять пространственные кластеры (где наблюдения похожи на своих соседей), когда значение индекса положительное, и пространственные выбросы (наблюдения отличаются от своих соседей), когда значения индексов отрицательные. Отсутствие пространственной автокорреляции свидетельствует о том, что распределение значений объектов в пространстве не связано друг с другом.

Приведем примеры расчета глобальных индексов пространственной автокорреляции:

• Индекс Морана. Значения индекса находятся в диапазоне от -1 до 1. Если значение больше 0, это свидетельствует о положительной пространственной автокорреляции (голосования соседних наблюдений похожи), если значение ниже 0 – об отрицательной (голосования соседних наблюдений отличаются, но не являются случайными). Чем ближе значение индекса к 1, тем сильнее пространственная связь.

$$I_w = \frac{n}{\sum_i \sum_j w_{ij}} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (y_i - \bar{y})(y_j - \bar{y})}{\sum_i (y_i - \bar{y})^2}, i \neq j \quad (1),$$

где n – количество ТИКов, вошедших в выборку; w_{ij} – матрица пространственных весов; $\bar{y}$ – среднее значение показателя y ; y_j – результаты голосования за конкретную партию.

• Индекс Гири. Значения индекса лежат в диапазоне от 0 до 2. Если значение индекса меньше 1, то это свидетельствует о наличии положительной пространственной автокорреляции. В литературе чаще всего отдается предпочтение индексу Морана, из-за

---

¹ Самсонов Т.Е. Визуализация и анализ географических данных на языке R // Zenodo. – 2017. – DOI: 10.5281/zenodo.901911

большей стабильности. Однако мы используем оба индекса для увеличения робастности результатов.

$$c_w = \frac{n-1}{2\Sigma_i \Sigma_j w_{ij}} \frac{\Sigma_i \Sigma_j w_{ij} (y_i - \bar{y})(y_j - \bar{y})}{\Sigma_i (y_i - \bar{y})^2}, i \neq j \quad (2),$$

где n – количество ТИКов, вошедших в выборку; w_i – матрица пространственных весов; $\bar{y}$ – среднее значение показателя y_i – результаты голосования за конкретную партию.

• Индекс Гетиса – Орда по своей интерпретации отличается от предыдущих двух и свидетельствует не о схожести голосований соседних территорий: он позволяет определить кластеризацию наблюдений с высокими или низкими значениями. Значения индекса больше 0 свидетельствуют о кластеризации наблюдений со значениями выше среднего. Значения индекса ниже 0 – кластеризация наблюдений со значениями ниже среднего.

$$G_i = \frac{\Sigma_j w_{ij} y_j}{\Sigma_j w_{ij}} \quad (3),$$

w_{ij} – матрица пространственных весов; y_i – результаты голосования за конкретную партию.

Значимость индексов рассчитывается с помощью z-статистики. За пределами диапазона от -2,58 до 2,58 нулевая гипотеза отвергается, что свидетельствует о наличии пространственной автокорреляции на 1%-ном уровне значимости.

Общие тренды пространственной взаимозависимости на локальном уровне голосования

Результаты проведенного нами расчета глобальных индексов пространственной автокорреляции демонстрируют, что электоральные предпочтения в России, независимо от идеологической направленности, характеризуются сильной территориальной взаимозависимостью. В связи с этим можно утверждать, что уровень электоральной поддержки той или иной партии действительно влияет на голосование в соседних территориях, как на муници-

пальном, так и на региональном уровнях. Рассчитанные по муниципальным образованиям глобальные индексы пространственной автокорреляции Морана и Гири, которые свидетельствуют о взаимозависимости голосований соседних территорий, являются положительными для всех партий и значимыми на 1%-м уровне значимости (Приложения, табл. 1, 2). Коэффициент индекса Морана для всех партий, включенных в выборку, превышает 0,5, а коэффициенты индекса Гири – ниже.

1. Подобные результаты обуславливаются существованием компактных сообществ на локальном уровне, межличностная коммуникация внутри которых усиливает взаимопроникновение и гомогенизацию политических взглядов.

Различия в голосовании одних и тех же территорий на разных уровнях позволяют анализировать электоральные эффекты формирования единой системы публичной власти, которая стремится и к созданию относительного гомогенного электорального пространства с доминированием одной партии. В связи с этим необходимо сравнение степени пространственного взаимодействия между голосованиями в региональном и муниципальном разрезах. Это позволяет нам ответить на вопрос, существуют ли на уровне муниципалитетов скрытые локальные процессы, не проявляющиеся на региональном уровне.

Результаты исследования демонстрируют, что степень пространственной взаимозависимости электоральных предпочтений на локальном и региональном уровнях различается, хотя и, очевидно, не носит противоположный характер. Индексы пространственной автокорреляции, рассчитанные в разрезе субъектов федерации, также являются положительными и значимыми. Однако коэффициенты значительно снизились, а в отдельных случаях и вовсе стали незначимыми по сравнению с расчетами, проведенными на муниципальном уровне. Помимо этого, значения z-статистики, на основе которой мы делаем вывод о значимости коэффициентов, в региональном разрезе на порядок ниже (Приложения, табл. 3, 4).

Кроме того, по результатам избирательных кампаний в 2011 и 2016 годах пространственная взаимозависимость для КПРФ сошла на нет на региональном уровне, что свидетельствует об усилившейся пространственной фрагментации ее электоральной поддержки. Еще одной тенденцией является слабая пространственная взаимоза-

висимость для игроков, только появившихся на электоральной арене. Например, появление «Единой России» на выборах в 2003 г. не позволило ей сразу продемонстрировать устойчивость пространственной взаимозависимости электоральных предпочтений (коэффициент пространственной автокорреляции значим только на 5%-ном уровне), несмотря на то, что для ее предшественников – «Единства» и ОВР характерна высокая пространственная взаимозависимость. Интересно, что аналогичную тенденцию можно заметить и для эсеров в 2007 г. (индекс Морана значим только на 10%-ном уровне значимости, индекс Гири – на 5%-ном). Причиной подобной тенденции видится постепенное формирование «своих» территориальных ниш в виде компактных локальных сообществ для партий, только появившихся на политической арене.

Результаты исследования демонстрируют, что несмотря на сокращение электоральной поддержки в целом, у оппозиционных игроков и, в частности, КПРФ сохраняются устойчивые анклавы на локальном уровне. Это позволяет утверждать, что на локальном уровне взаимосвязь между соседними территориями проявляется сильнее, что подтверждает эффект соседства К. Кокса. Помимо этого, наличие пространственной взаимозависимости на более низких уровнях административно-территориального деления позволяет нам говорить о существовании более компактных кластеров внутри регионов, которые, возможно, представляют собой обособленные локальные электоральные культуры.

Различия в степени взаимозависимости на локальном и региональном уровне позволяют нам утверждать, что локальные сообщества со схожим голосованием могут включать только часть муниципалитетов внутри региона, но также могут и пересекать границы субъектов федерации, т.е. не обязательно должны формироваться строго в рамках существующего административно-территориального деления. Это связано с тем, что ни одна территориальная общность не является гомогенной, а формирование небольших обособленных ареалов, в нынешних условиях, как правило, – оппозиционных, связано с преобладанием на территории социальной группы, которая становится носителем определенной гражданской культуры, трансформировавшейся в электоральное поведение. С этой точки зрения интересно и то, что границы субъектов федерации с их различающимися региональными политическими режимами становятся электоральными барьерами, несмотря

на схожесть социальных условий, для пространственной взаимозависимости на региональном уровне.

Индекс Гетиса – Орда, в отличие от предыдущих двух, позволяет делать выводы о кластеризации высоких или низких значений на соседних территориях. Индекс, рассчитанный по муниципалитетам, значим для всех партий на 1%-ном уровне значимости (Приложения, табл. 5). Значения z-статистики положительные, что свидетельствует о кластеризации высоких значений. Это позволяет сделать вывод о том, что муниципалитеты с высокими значениями партийной популярности территориально обычно являются соседями или расположены близко друг к другу. В то время как муниципалитеты с низкими значениями электоральной поддержки каких-либо партий, напротив, не склонны к территориальной кластеризации.

Однако сравнительный анализ индекса Гетиса – Орда, рассчитанного по муниципалитетам и по регионам, демонстрирует, что на более высоком – региональном – уровне аналогичная тенденция не подтверждается для большинства партий. Значимые коэффициенты пространственной автокорреляции для отдельных партий являются скорее исключением, нежели устойчивой тенденцией. Для «Единой России» во всех электоральных циклах коэффициент является незначимым, в то время как «Единство» имеет положительный коэффициент, значимый на не очень надежном 10%-ном уровне (Приложения, табл. 6). Рассчитанный коэффициент показывает, что для КПРФ, «Справедливой России» и «Яблока» индекс пространственной автокорреляции Гетиса – Орда на уровне регионов является незначимым во всех избирательных циклах. Только для ЛДПР, напротив, начиная с избирательной кампании 2007 г., коэффициент является положительным и значимым. Это значит, что формирование территориальных кластеров с высокими значениями пространственной взаимозависимости у ЛДПР происходит на региональном уровне, не говоря уже про уровень муниципальных образований. В то же время для остальных партий, в том числе и для повсеместно доминирующей «Единой России», на региональном уровне, в отличие от муниципального, характерна фрагментарность территориальных ареалов высокой поддержки.

Заключение

Таким образом, в статье нами были раскрыты теоретические и методологические основания применения пространственно-эконометрического подхода применительно к электоральным исследованиям в России. Теоретические основания наличия пространственной взаимозависимости в электоральных процессах опираются на разработки электоральной географии. В частности, содержательное объяснение пространственной взаимозависимости электоральных процессов основано на концепции соседства К. Кокса, немаловажную роль в которой играют социальные связи. Более сильная пространственная взаимозависимость на локальном уровне по сравнению с региональным связана с более тесными межличностными коммуникациями внутри локальных сообществ и между ними, что в результате делает их электорально связанными между собой.

Помимо этого, в данном исследовании были протестированы методологические основания применения пространственно-эконометрического подхода в электоральных исследованиях, потенциал которого еще не был раскрыт, в том числе и на результатах голосования в России. Результаты исследования демонстрируют, что для российского электорального пространства характерна сильная взаимозависимость электоральных процессов, которые происходят в соседних наблюдениях. Причем на локальном уровне голосования пространственная взаимозависимость проявляется намного сильнее, чем на региональном, что свидетельствует о важности эффекта соседства, тогда как региональные политические режимы могут превращать свои административные границы в электоральные барьеры, сдерживающие распространение локальных сообществ со схожими голосованиями.

В итоге результаты эмпирического исследования подтвердили теоретические предпосылки о наличии пространственной взаимозависимости электоральных процессов, происходящих в соседних территориях. В таком случае идентификация территориальных кластеров, которые противостоят полной унификации электорального пространства на всех его уровнях, обретает большую перспективу именно в рамках данной методологии.

E.M. Korneeva***Local voting in Russia: a spatial-econometric approach¹**

Abstract. The article presents theoretical and methodological foundations for the application of the spatial-econometric approach in electoral processes. The analysis based on spatial-econometric approach that underlies an assumption about interdependence of processes occurring in adjacent objects. Theoretical framework of research is devoted to social-political assumptions that allow to explore the existence of interdependence of political processes occurring in neighboring objects. Empirical research is accomplished on local constituencies data from all parliamentary elections that took place in Russia in 1995–2016. The research involves addressing the concept of spatial autocorrelations – Moran, Geary and Getis – Ord indices. The research focuses on issue about the degree of spatial differences between regional and local voting. The results of research demonstrate that there is a high spatial interdependence in local voting in Russia. A comparative analysis of spatial autocorrelation on local and regional levels demonstrates that the municipal districts are most prone to spatial interdependence. This finding allows to trace a hidden tendencies on local level of elections. Such differences between local and regional spatial autocorrelation identify that regional political regime can be an obstacle on the way of restraining the territorial distribution of local communities with similar electoral behavior. Finally, the research proves that the role of place is significant in Russian electoral space.

Keywords: spatial analysis; municipalities; spatial autocorrelations; local level; electoral space; electoral behavior.

For citation: Korneeva E.M. Local voting in Russia: a spatial-econometric approach. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 229–250. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.10>

References

- Agnew J. *Place and politics: the geographical mediation of state and society*. Boston ; London : Allen ; Unwin, 1987, 267 p.
- Beck N., Gleditsch K., Beardsley K. Space is more than geography: using spatial econometrics in the study of political economy. *International studies quarterly*. 2006, Vol. 50, N 1, P. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2006.00391.x>
- Cox R. The voting decision in a spatial context. *Progress in geography*. 1969, Vol. 1, P. 81–117.

---

* **Korneeva Elizaveta**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: korneeva-lizal@yandex.ru

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20–011–31200 «Regional-local relations in the context of ongoing unification of public administration in modern Russia: theory and practice».

- Cutts D., Webber D., Widdop P., Johnston R., Pattie C. With a little help from my neighbours: a spatial analysis of the impact of local campaigns at the 2010 British general election. *Electoral studies*. 2014, Vol. 34, P. 216–231. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.12.001>
- Gaivoronsky Y. The dual logic of Russia's party system nationalization. *Communist and post-communist studies*. 2019, Vol. 52, N 4, P. 323–330. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2019.10.003>
- Gasparyan O. Application of spatial econometric methods in applied policy researches. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2017, N 1, P. 41–48. (In Russ.)
- Guardo M., Marrocu E., Paci R. The concurrent impact of cultural, political, and spatial distances on international mergers and acquisitions. *Working Paper CRENoS 201308*. Centre for north south economic research, University of Cagliari and Sassari, Sardinia, 2013, 30 p.
- Hägerstrand T. *Innovation diffusion as a spatial process*. Chicago : University of Chicago press, 1967, 334 p.
- Handbook of spatial analysis theory and application with r. Insee Méthodes, N 131. Montrouge : Institut national de la statistique et des études économiques, 2018, 377 p.
- Miller H.J. Tobler's first law and spatial analysis. *Annals of the association of American geographers*. 2004, Vol. 94, N 2, P. 284–289. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2004.09402005.x>
- Jeans D. Some literary examples of humanistic descriptions of place. *Australian geographer*. 1979, Vol. 14, N 4, P. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.1080/00049187908702764>
- Kim J., Elliott E., Wang D. A Spatial analysis of county-level outcomes in US Presidential elections: 1988–2000. *Electoral studies*. 2003, Vol. 22, N 4, P. 741–761. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0261-3794\(02\)00008-2](https://doi.org/10.1016/S0261-3794(02)00008-2)
- Lugovoy O., Dashkeyev V., Mazayev I., Fomchenko D., Polyakov E., Hecht A. *Analysis of economic growth in regions: geographical and institutional aspect*. Moscow : SEPR, 2007, 164 p. (In Russ.)
- Paelinck J., Klaassen L. *Spatial econometrics*. Farnborough : Saxon House, 1979, 211 p.
- Podkolzina E., Demidova O., Kuletskaya L. Spatial modeling of voting preferences in Russian federation. *Spatial economics*. 2020, Vol. 16, N 2, P. 70–100. DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2020.2.070-100> (In Russ.)
- Samsonov T. *Visualization and analysis of geographical data in R*. Moscow : Geographical faculty of MSU, 2021. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.901911> (In Russ.)
- Semerikova E., Demidova O. Interaction of regional labour markets in Russia: spatial econometric analysis. *Spatial Economics*. 2016, N 3, P. 57–80. DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.057-080> (In Russ.)
- Taylor J., Johnston R. *Geography of elections*. London : Routledge, 1979, 530 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315747613>
- Tobler W. A computer movie simulating urban growth in the Detroit region. *Economic geography*. 1970, Vol. 46, P. 234–240. DOI: <https://doi.org/10.2307/143141>

- Tuan Yi-Fu. Humanistic geography. *Annals of the association of American geographers*. 1976, Vol. 66, N 2, P. 266–276. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1976.tb01089.x>
- Turovsky R. Geo-space and meta-space: geographical methods in political science. *Method: Moscow yearbook of proceedings from social science disciplines*. INION RAN, 2015, Vol. 5, P. 71–89. (In Russ.)
- Turovsky R. Regional dimension of electoral process: conceptual basis for research. *Social sciences and contemporary world*. 2006, N 5, P. 5–19. (In Russ.)
- Turovsky R. Settlement as a subject of local policy: theoretical background of research. *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 13–30. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.01> (In Russ.)
- Turovsky R., Sukhova M. *Contemporary developments in Russia's federal and local elections: on the way to a cohesive party system?* Moscow : NRU Higher School of Economics. Series PS «Political Science», 2018, 40 p.

Литература на русском языке

- Гаспарян О.Т. Применение методов пространственной эконометрики в прикладных политических исследованиях // Политическая концептология. – 2017. – № 1. – С. 41–48.
- Подколзина Е.А., Демидова О.А., Кулецкая Л.Е. Пространственное моделирование электоральных предпочтений в Российской Федерации // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 70–100. – DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2020.2.070-100>
- Семерикова Е.В., Демидова О.А. Взаимодействие региональных рынков труда в России: анализ с помощью пространственных эконометрических моделей // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 57–80. – DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.057-080>
- Туровский Р.Ф. Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 13–30. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.01>
- Туровский Р.Ф. Геопространство и метапространство: Географические методы в политологии // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – 2015. – Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении – С. 71–89.
- Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований // Общественные науки и современность. – 2006. – № 5. – С. 5–19.
- Экономико-географические аспекты экономического роста в регионах / О. Луговой, В. Дашкеев, И. Мазаев, Д. Фомченко, Е. Поляков, А. Хехт. – М. : ИЭПП, 2007. – 164 с. – (СЕПРА). – Препринт.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

**Глобальный индекс автокорреляции Морана
(рассчитан по муниципалитетам)**

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедли- вая Россия	Яблоко	Единство	Отечество – Вся Россия	НДР
2016	0,71*** (49,06)	0,75*** (37,07)	0,73*** (50,56)	0,61*** (41,99)	0,63*** (43,8)	–	–	–
2011	0,69*** (47,85)	0,54*** (36,5)	0,71*** (48,05)	0,71*** (48,81)	0,6*** (41,67)	–	–	–
2007	0,68*** (46,95)	0,52*** (35,86)	0,72*** (49,96)	0,56*** (38,99)	0,54*** (37,74)	–	–	–
2003	0,6*** (41,1)	0,51*** (35,21)	0,61*** (42,77)	–	0,22*** (18,77)	–	–	–
1999	–	0,7*** (47,88)	0,7*** (48,23)	–	0,53*** (36,83)	0,69*** (47,69)	0,7*** (48,46)	–
1995	–	0,66*** (45,15)	0,67*** (45,77)	–	0,65*** (44,49)	–	–	0,51*** (35,18)

*, **, *** – значимость на 10,5 и 1%-ном уровне соответственно. В скобках представлены значения z-статистики.

Таблица 2

**Глобальный индекс автокорреляции Гири
(рассчитан по муниципалитетам)**

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справед- ливая Россия	Яблоко	Единство	Отечество – Вся Россия	НДР
2016	0,27*** (43,1)	0,45*** (31,1)	0,26*** (44,3)	0,33*** (31,58)	0,29*** (17,41)	–	–	–
2011	0,28*** (42,04)	0,43*** (33,21)	0,28*** (43,76)	0,27*** (43,54)	0,28*** (27,04)	–	–	–
2007	0,31*** (38,32)	0,44*** (32,8)	0,27*** (43,58)	0,42*** (29,89)	0,33*** (21,21)	–	–	–
2003	0,41*** (29,53)	0,44*** (17,19)	0,33*** (16,11)	–	0,47*** (3,2)	–	–	–
1999	–	0,3*** (40,44)	0,28*** (39,61)	–	0,35*** (32,58)	0,31*** (36,78)	0,31*** (25,56)	–
1995	–	0,33*** (36,98)	0,34*** (38,99)	–	0,27*** (34,75)	–	–	0,49*** (16,5)

*, **, *** – значимость на 10,5 и 1%-ном уровне соответственно. В скобках представлены значения z-статистики.

Таблица 3

Глобальный индекс автокорреляции Морана (рассчитан по регионам)

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справед- ливая Россия	Яблоко	Единство	Отечество – Вся Россия	НДР
2016	0,37*** (5,01)	0,02 (0,42)	0,44*** (5,91)	0,27*** (3,73)	0,27*** (4,07)	–	–	–
2011	0,31*** (4,3)	0,08 (1,16)	0,36*** (4,92)	0,43*** (5,8)	0,43*** (5,99)	–	–	–
2007	0,26*** (3,65)	0,28*** (3,88)	0,41*** (5,51)	0,13* (1,92)	0,3*** (4,46)	–	–	–
2003	0,15** (2,18)	0,27*** (3,7)	0,34*** (4,6)	–	0,36*** (4,98)	–	–	–
1999	–	0,39*** (5,14)	0,45*** (6,09)	–	0,45*** (5,99)	0,29*** (4,03)	0,19*** (3,03)	–
1995	–	0,29*** (3,94)	0,15*** (2,07)	–	0,27*** (3,77)	–	–	0,16** (2,4)

*, **, *** – значимость на 10,5 и 1%-ном уровне соответственно. В скобках представлены значения z-статистики.

Таблица 4

Глобальный индекс автокорреляции Гири (рассчитан по регионам)

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справед- ливая Россия	Яблоко	Единство	Отечество – Вся Россия	НДР
2016	0,62 *** (4,49)	0,93 (0,86)	0,56*** (5,37)	0,69*** (3,66)	0,55*** (4,00)	–	–	–
2011	0,65*** (4,17)	0,88 (1,4)	0,6*** (4,84)	0,56*** (5,34)	0,4*** (6,02)	–	–	–
2007	0,66*** (3,88)	0,65*** (4,14)	0,56*** (5,38)	0,78** (2,52)	0,48*** (4,72)	–	–	–
2003	0,81** (2,04)	0,67*** (4,02)	0,57*** (5,14)	–	0,49*** (5,7)	–	–	–
1999	–	0,55*** (5,94)	0,42*** (6,85)	–	0,5*** (5,78)	0,68*** (3,00)	0,62*** (2,73)	–
1995	–	0,68*** (3,86)	0,78*** (2,75)	–	0,6*** (4,34)	–	–	0,83 (1,5)

*, **, *** – значимость на 10,5 и 1%-ном уровне соответственно. В скобках представлены значения z-статистики.

Таблица 5

**Глобальный индекс автокорреляции Гетиса – Орда
(рассчитан по муниципалитетам)**

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия	Яблоко	Единст- во	Отечест- во - Вся Россия	НДР
2016	0,003*** (17,27)	0,003*** (8,36)	0,003*** (16,49)	0,003*** (18,68)	0,003*** (27,72)	—	—	—
2011	0,003 *** (17,87)	0,003*** (6,47)	0,003 *** (14,99)	0,003 *** (17,72)	0,003 *** (17,46)	—	—	—
2007	0,003*** (18,7)	0,003*** (5,12)	0,003 *** (13,75)	0,003 *** (11,76)	0,003 *** (17,7)	—	—	—
2003	0,003*** (15,1)	0,003*** (9,48)	0,003 *** (9,56)	—	0,003 *** (2,89)	—	—	—
1999	—	0,003*** (16,72)	0,003 *** (18,48)	—	0,003*** (8,77)	0,003 ** (16,61)	0,006*** (40,2)	—
1995	—	0,003*** (17,36)	0,003 *** (17,76)	—	0,003 *** (17,32)	—	—	0,004*** (21,9)

*, **, *** – значимость на 10,5 и 1%-ном уровне соответственно. В скобках представлены значения z-статистики.

Таблица 6

**Глобальный индекс автокорреляции Гетиса – Орда
(рассчитан по регионам)**

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия	Яблоко	Единство	Отечество – Вся Россия	НДР
2016	0,06 (1,16)	0,06 (-0,83)	0,06** (2,11)	0,06 (1,71)	0,06 (0,59)	—	—	—
2011	0,06 (-0,31)	0,06 (1,08)	0,06 ** (1,98)	0,07*** (3,43)	0,06 (1,19)	—	—	—
2007	0,06 (-0,43)	0,06 (1,57)	0,06 ** (2,38)	0,06 (1,01)	0,06 (0,42)	—	—	—
2003	0,06 (-0,75)	0,06 (0,8)	0,06 (1,29)	—	0,06 (-0,14)	—	—	—
1999	—	0,06 (1,46)	0,06 (1,06)	—	0,06 (1,64)	0,06 * (1,68)	0,06 (-0,19)	—
1995	—	0,06 (1,58)	0,06 (0,35)	—	0,06 (0,1)	—	—	0,06 (0,33)

*, **, *** – значимость на 10,5 и 1%-ном уровне соответственно. В скобках представлены значения z-статистики.

Я.Н. ШЕВЧЕНКО*

**ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ ЕВРОПЫ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ
ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДАННЫМИ**

Аннотация. Исследовательская цель настоящей статьи заключается в определении места объединенной Европы в международном информационно-коммуникационном пространстве. Акцент делается на необходимости обеспечения цифрового суверенитета Европейского союза (ЕС) в контексте политики глобального управления данными, что предполагает создание самобытного европейского информационно-телекоммуникационного пространства, независимого от любого внешнего влияния. Таким образом, цифровой суверенитет для Европы является гарантией обеспечения ее стратегической автономии в условиях растущего влияния США и Китая как ключевых акторов мировой политической системы в цифровую эпоху.

Опираясь на принципы регионального подхода и мультипарадигмальный метод И.Н. Барыгина, автор экстраполирует отдельные положения теории гегемонистской стабильности (в интерпретации Р. Гилпина) на современное технологическое соперничество государств на международной арене. Такой подход позволяет выявить два взаимосвязанных комплекса факторов, объективно препятствующих успешной реализации общеевропейской «Стратегии в области данных». Во-первых, это продолжающаяся зависимость ЕС от иностранных технологий и услуг, а во-вторых, недостаточная инвестиционная привлекательность Евросоюза (по сравнению с Китаем и США), необходимая для всесторонней поддержки европейской промышленной политики (в том числе и в сфере цифровых технологий). Кроме того в статье показано, что для эффективного управления в цифровом секторе необходимо использовать модель многостороннего участия (без отказа от роли государства в регулировании рынка). Государство в цифро-

---

* **Шевченко Ян Николаевич**, аспирант кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ian.chevtchenko@gmail.com

© Шевченко Я.Н., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.03.11

вую эпоху должно оставаться органичной частью цифровой экосистемы, чтобы защищать интересы своих граждан.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; Евросоюз; кибербезопасность; глобальное управление; персональные данные; цифровая геополитика.

Для цитирования: Шевченко Я.Н. Цифровой суверенитет Европы в контексте политики глобального управления данными // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 251–270. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.11>

Введение

В последние несколько месяцев вопрос о европейском цифровом суверенитете¹ является одной из наиболее обсуждаемых тем в рамках геополитической повестки Европейской комиссии, объявленной ее председателем Урсулой фон дер Ляйен [Polito, 2021, p. 2].

Не в последнюю очередь широкий интерес к этой дискуссии спровоцирован отдельными последствиями пандемии COVID-19, которая среди прочего наглядно продемонстрировала, насколько сильно современные компании зависят от подходов к управлению данными, стабильности информационных сетей и, в более широком плане, от появления новых моделей и практик функционирования общественно-политической сферы в технологически развитых государствах, т.е. всего того, что сегодня в совокупности принято обозначать термином «цифровизация» [Билотта, 2020, с. 30–31; Darnis, 2021 b]. Такая трактовка, разумеется, лишь дополняет, а не отменяет более техницистскую интерпретацию феномена цифровизации, в рамках которой последняя подразумевает прежде всего процессы инкорпорации в различные сферы общественной жизнедеятельности специализированных платформ, ресурсов, технологий, решений и практик, позволяющих заменить в конечном итоге традиционные аналоговые коммуникации цифровыми [Во-

---

¹ Термин «цифровой суверенитет» (*souveraineté numérique*) впервые был предложен авторитетным французским исследователем цифровых технологий Пьером Белланже в качестве замены морально устаревшего, по его мнению, терминологического комплекса «технологический суверенитет», введенного в академический оборот еще в начале 80-х годов прошлого века [Шестопал, Мамычев, 2020, с. 399–400] или даже в 1967 г., когда Научный совет Канады представил стратегию «технологического суверенитета», определив его как инструмент «развития и контроля над технологиями и как средство поддержания национального суверенитета» [Кутюр, Тоупин, 2020, с. 54].

лоденков, 2020, с. 8]. В этой связи нам представляется сложным игнорировать тот факт, что глобальный коронакризис значительно укрепил убежденность большинства европейцев в необходимости как можно скорее достичь стратегической автономии в области разработки собственных цифровых решений [Билотта, 2020]¹. Тем более, что такая установка в полной мере соответствует основополагающим принципам и ценностям ЕС, а также его растущей заинтересованности в инвестициях в цифровую экономику и нормативно-правовой регламентации данной сферы [Autolitano, 2020; Picchiarelli, 2020; Darnis, 2021 b; Martino, 2021].

Тем не менее, несмотря на очевидную значимость проблемы обретения цифрового суверенитета для объединенной Европы, в Брюсселе, по всей видимости, пока не удалось выработать сколь-нибудь универсального подхода к пониманию того, на какие конкретно политико-дипломатические компромиссы в краткосрочной и долгосрочной перспективе готов будет пойти Евросоюз ради достижения этой цели.

К определению цифрового суверенитета

Не лишено проблематичности и само определение цифрового суверенитета [Гаврилов, 2020; Кутюр, Тоупин, 2020; Шестопал, Мамычев, 2020; Autolitano, Pawlowska, 2021, р. 3–5]. Будучи одним из основополагающих принципов, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, классический государственный суверенитет тесно связан с другими принципами международного права, такими как: принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию других государств, и принцип разрешения международных споров мирными средствами. В целом концепция цифрового суверенитета, понимаемая на сегодняшний день как право конкретного государства самостоятельно определять ключевые направления, приоритеты и цели своей политики в циф-

---

¹ Об этой тенденции свидетельствуют также результаты исследований итальянского Института международных отношений (*Istituto Affari Internazionali, IAI*), которые проводились в 2019–2021 гг. в рамках проекта «Геополитика цифрового пространства» (*La geopolitica del digitale*) под руководством доцента Университета Лазурного берега (*Université Côte d'Azur*) Жана-Пьера Дарни [Darnis, 2021 a; Polito, 2021; Autolitano, Pawlowska, 2021; Ghiretti, 2021].

ровой сфере, а также его способность распоряжаться соответствующей инфраструктурой и ресурсами, обеспечивать информационную безопасность и т.п. [Бухарин, 2016, с. 77], к сожалению, до сих пор не получила широкой поддержки мирового сообщества.

Первая проблема, связанная с этим рабочим определением, носит формальный характер и касается вопросов применения международного права к цифровой сфере. В настоящее время активное обсуждение данной проблематики ведется в двух параллельных группах в Организации Объединенных Наций – *UN Group of Governmental Experts* и *UN Open Ended Working Group*, в рамках, в которых заинтересованные государства пытаются разработать систему принципов и норм, которые могли бы эффективно регулировать их поведение в киберпространстве. Среди наиболее дискуссионных тем следует упомянуть определение кибератаки и условия, при которых такая атака может быть квалифицирована как применение силы, и, следовательно, в каких случаях в ответ на кибератаку государство может воспользоваться своим правом на самооборону. Однако все это отчасти нивелируется проблемой относительного бездействия членов международного сообщества в деле продвижения общей повестки дня. В последние годы дебаты по вопросу об управлении Интернетом, как представляется, оказались в тупике из-за банальной неспособности государств договориться об общих целях и задать более или менее единый вектор международного сотрудничества в цифровой сфере [Darnis, 2021 a; Martino, 2021].

Таким образом, утверждение цифрового суверенитета ЕС происходит в условиях постоянно меняющейся парадигмы международной среды, единственная константа которой, собственно, и заключается в ее неопределенности. Очевидно, что такая ситуация может иметь серьезные последствия для Брюсселя, поскольку и само стремление европейцев к цифровому суверенитету, и его достижение могут быть совершенно по-разному восприняты партнерами ЕС в различных регионах мира. В частности, в случае с Китаем его интерпретация концепта «цифровой суверенитет» в значительной степени обусловлена самим суверенным субъектом, т.е. цифровой суверенитет Китая (как суверенитет-для-себя) и цифровой суверенитет условной Европы (как пример суверенитета-для-других) теоретически вполне могут трактоваться Пекином в противоположном ключе. Тем не менее, общая тенденция такова, что китайским приоритетом в области цифровой безопасности и

управления интернетом традиционно принято считать стремление официального Пекина балканизировать киберпространство с тем, чтобы каждое государство могло наиболее эффективно контролировать информационный контент и всю цифровую инфраструктуру на своей территории [Todaro, 2020]. Не случайно в качестве хрестоматийного примера такой политики и в западных, и в российских исследованиях неизменно приводят именно китайскую систему фильтрации контента, известную под названием «Золотой щит», или «Великий китайский файервол» (*The Great Firewall of China*) [см., например: Polito, 2021, p. 3; Барышников, Туленков, 2012, с. 126].

Препятствия на пути обретения Европой цифрового суверенитета

Отдельный интерес для исследователей цифрового суверенитета в европейском контексте, безусловно, представляют те препятствия, которые стоят на пути европейского проекта по созданию на территории ЕС «самобытного информационно-телекоммуникационного пространства, которое отличалось бы независимостью от любого внешнего влияния» [Панцеров, 2019, с. 12]. В этой связи мы, вслед за исследователями Каролиной Полито и Жаном-Пьером Дарни из Института международных отношений (Рим, Италия), считаем целесообразным выделить два комплекса факторов, препятствующих на сегодняшний день успешной реализации европейского цифрового суверенитета [Darnis, 2021 b; Polito, 2021, p. 3–5], как то: зависимость европейцев от иностранных цифровых технологий и услуг, а также относительно низкий уровень европейских инвестиций в цифровую сферу (по сравнению с другими технологически развитыми государствами [подробнее см.: Autolitano, Pawlowska, 2021]).

Зависимость от иностранных цифровых технологий и услуг. В условиях отсутствия у ЕС сколько-нибудь полноценной стратегической автономии в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦДС) весьма показателен пример технологии 5 G, ГЦДС которой характеризуется, в первую очередь, двумя параметрами. Это, с одной стороны, сильная взаимозависимость и глобальное производство, в значительной степени ориентированное на различные географические регионы мира, – с другой. Здесь (в рамках ГЦДС 5 G)

европейские компании, бесспорно, занимают лидирующие позиции (особенно если говорить об оптической литографии, или фотолитографии как о наиболее универсальной технологии, используемой в производстве полупроводниковых интегральных микросхем) [Polito, 2021, p. 4]. Однако растущая обеспокоенность представителей европейского экспертно-аналитического сообщества связана с тем, что на данном рынке все чаще доминируют иностранные компании, под контролем которых в перспективе могут оказаться и довольно крупные сегменты этой цепочки.

В частности, Европейский парламент выразил озабоченность по поводу роли китайских технологических компаний, таких как *Huawei* и *ZTE*, на европейском рынке 5 G и, в более общем плане, относительно растущей зависимости Европы от отдельных поставщиков оборудования и комплектующих из КНР и других стран. Очевидно, что эти опасения европейских парламентариев связаны не только с соображениями кибербезопасности, но и с имеющимися вопросами в отношении поставок основных комплектующих, необходимых для эффективного развертывания сетей 5 G в периоды сильной напряженности и растущей международной конкуренции. Более того, эти опасения, разумеется, не ограничиваются одним только рынком 5 G, и они, будучи экстраполированы на более высокий уровень, адресуют нас к проблеме общей зависимости Европы от импорта важнейших видов сырья, о чем говорится в том числе и в новой промышленной стратегии ЕС¹. Так, если основными комплектующими, которые необходимы для производства практически всех инновационных цифровых технологий, являются жесткие диски, полупроводники и аккумуляторы, то поставки указанных комплектующих в Европу осуществляются преимущественно китайскими компаниями².

Другим примером информационно-технологической зависимости ЕС от иностранных партнеров является использование облачных технологий. Государства – члены Евросоюза практически лишены возможности контролировать данные, передача которых

---

¹ Una nuova strategia industriale per l'Europa (COM/2020/102) // Commissione europea. – 2020. – March 10. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/IT/TXT/?uri=CELEX:52020DC0102> (accessed: 27.04.2021).

² Theodosopoulos V. Looking beyond 5 G: Why Europe Is Far from Naïve when It Comes to Issues of Strategic Dependence // EUROPP blog. – 2020. – July 20. – Mode of access: <https://wp.me/p2MmSR-cPI> (accessed: 27.04.2021).

происходит при помощи облачных сервисов, поскольку они, как правило, оказываются под юрисдикцией США, что неизбежно подвергает граждан и резидентов ЕС, частные предприятия и даже европейские органы государственной власти угрозе конфликта юрисдикций, который может потенциально возникнуть в этой связи¹.

Дефицит инвестиций как стратегическая угроза цифровому суверенитету ЕС. Рассмотренные выше проблемы напрямую связаны со вторым крупным комплексом препятствий на пути реализации европейского суверенитета в цифровой сфере. Речь идет об относительно слабой привлекательности европейских компаний (по сравнению с компаниями КНР и США) для зарубежных инвесторов и вытекающей отсюда их сравнительно невысокой конкурентоспособности на глобальном рынке цифровых технологий. Так, по мнению европейского политолога Андреаса Актудианакиса, возможности ЕС конкурировать на мировом рынке облачных хранилищ данных в значительной степени ограничены. Лидерами на этом рынке сегодня являются *Amazon* (45%), *Microsoft* (17,9%), *Alibaba* (9,1%), *Google* (5,3%) и *Tencent* (2,8%). Согласно экспертным оценкам, 92% данных, полученных на Западе, в настоящее время хранятся в США, в то время как лишь 4% этих данных размещены на серверах, расположенных в Европе².

Что же касается рынка 5 G, успешному внедрению этой технологии в Европе препятствуют задержки с переходом от инфраструктуры 4 G к 5 G, которые в конечном итоге значительно усугубляют технологическое отставание Европы, не позволяя ей в полной мере завершить переход хотя бы к технологии 4 G. Кроме того, аукционы по распределению частотных диапазонов 5 G были особенно дорогими в Европе, что также не могло не повлиять на снижение доходности инвестиций; в то время как сложные процедуры распределения этих диапазонов на фоне слабой координации процесса принятия решений в ЕС еще больше подорвали планы частных инвесторов.

---

¹ Aktoudianakis A. Fostering Europe's Strategic Autonomy. Digital Sovereignty for Growth, Rules and Cooperation // EPC Analyses. – 2020. – December. – Mode of access: <https://www.epc.eu/en/Publications/~3a8090> (accessed: 27.04.2021).

² Ibid.

Наконец, еще одним объяснением относительного дефицита европейских инвестиций в цифровую сферу является область искусственного интеллекта. Здесь Европа следует за Китаем и США с точки зрения венчурного капитала (рисковый капитал, инвестируемый третьими сторонами для финансирования начала деятельности в отраслях с высоким потенциалом развития). Искусственный интеллект для Европы можно считать основой ее экономического развития и краеугольным камнем инноваций всего европейского континента [Picchiarelli, 2020; Ghiretti, 2021], тогда как в более общем плане данная область может вызывать практический интерес в том числе и в контексте разработки и внедрения аппаратных и программных технологий¹.

Европейская стратегия и проект *GALA-X*

Европейская комиссия осуществляет долгосрочную стратегию по решению этих проблем и реализует ряд инициатив в рамках «Европейской стратегии в области данных»². Главная цель этой стратегии заключается в том, чтобы гарантировать свободную передачу данных через государства-члены ЕС, обеспечивая при этом полное соблюдение всех европейских стандартов и правил, касающихся, в частности, конфиденциальности и защиты данных, а также правил относительно доступа к этим данным и их использования. Непосредственно в тексте стратегии говорится, что ЕС стремится:

- установить четкие и справедливые правила доступа к данным и их повторного использования;
- инвестировать в инструменты и инфраструктуру для хранения и обработки данных, объединив усилия в развитии облачных технологий Европы;
- поддержать создание ряда единых европейских пространств данных в стратегических областях;

---

¹ Castro D., McLaughlin M. Who Is Winning the AI Race: China, the EU, or the United States? – 2021 Update // Center for Data Innovation. – 2021. – January. – Mode of access: <https://datainnovation.org/?p=14466> (accessed: 27.04.2021.)

² Una strategia europea per i dati (COM/2020/66) // Commissione europea. – 2020. – February 19. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/IT/TXT/?uri=CELEX:52020DC0066> (accessed: 27.04.2021).

■ предоставить пользователям права, инструменты и компетенции для осуществления полного контроля над их персональными данными.

Что касается планов Еврокомиссии по наращиванию потенциала в сфере облачных технологий, в этой связи нельзя не упомянуть амбициозную европейскую инициативу *GALA-X*. Последняя является некоммерческой организацией, созданной 22 членами, среди которых не только поставщики облачных услуг, но и рядовые пользователи, а также представители академического сообщества. Более 160 партнеров по всему миру, включая американские и китайские компании, вносят свой вклад в проект *GALA-X*, хотя и предполагается, что каждая участвующая в нем компания должна базироваться в ЕС. Цель *GALA-X* заключается в создании универсальных «информационных пространств», предназначенных для пользователей, которые хотят обмениваться своими бизнес-данными [Autolitano, Pawlowska, 2021, p. 12–18]. Вполне очевидно, что такие информационные пространства должны обеспечивать: а) общую онтологию обмена данными, предусматривающую единые механизмы, при помощи которых пользователь мог бы идентифицировать, использовать или запрашивать необходимые ему данные; а также б) оперативную совместимость между различными поставщиками облачных услуг. Так, например, *Philips* планирует создать специализированное информационное пространство в сфере здравоохранения, к участию в котором смогут подключиться отдельные больницы, частные компании и другие пользователи, заинтересованные в данной сфере. В таком случае любой пользователь получает возможность обращаться к этим данным, не переключаясь между различными поставщиками облачных услуг, что в конечном итоге и является основной целью проекта *GALA-X* – обеспечить максимально возможную совместимость и расширить существующие на сегодняшний день возможности переноса данных между различными облачными сервисами¹.

---

¹ Microsoft. Decoding Europe's Data Sovereignty (video). – 2020. – December 10. – Mode of access: <https://www.politico.eu/event/decoding-europes-data-sovereignty> (accessed: 27.04.2021).

Отсутствие системы глобального управления данными

Едва ли имеет смысл рассматривать Европейскую стратегию в области данных в отрыве от международного контекста. Но здесь мы наталкиваемся на любопытный парадокс: ключевой проблемой глобального управления данными на сегодняшний день является его отсутствие как таковое. Для того чтобы быть эффективной, глобальная экономика данных требует взаимного доверия между различными участниками международного общения, а его в современных условиях, как представляется, явно не хватает. В 2019 г. Япония, будучи председателем *G20*, призвала участников клуба к созданию набора международных правил, которые способствовали бы свободному перемещению данных поверх государственных границ. Эта концепция, известная как «свободный поток данных на основе взаимного доверия», была впервые упомянута тогдашним премьер-министром Японии Синдзо Абэ в его речи на ежегодном совещании Всемирного экономического форума в Давосе (Швейцария) в январе 2019 г. *«Мне бы хотелось, чтобы осацкая Группа двадцати надолго запомнилась как саммит, который дал старт глобальному управлению данными»*, – сказал он в своем выступлении¹. Однако японское предложение о «свободном потоке данных на основе взаимного доверия» не сумело пройти испытание суровой практикой международной жизни, в которой это взаимное доверие серьезно подорвано.

К примеру, государства – члены ЕС преисполнены скепсиса, когда речь заходит о гарантиях конфиденциальности и кибербезопасности, введенных другими странами. В этом отношении имеет место существенное различие между философскими подходами к политике управления данными, которых придерживаются США и страны континентальной Европы. Не совпадают, соответственно, и правовые системы ЕС и США в области управления персональными данными, так как основаны они на двух радикально отличающихся друг от друга концепциях права на неприкосновенность частной жизни. Так, после принятия Общего регламента защиты

---

¹ Abe S. Toward a New Era of “Hope-Driven Economy”: the Prime Minister’s Keynote Speech at the World Economic Forum Annual Meeting. – 2019. – January 23. – Mode of access: http://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201901/_00003.html (accessed: 27.04.2021).

персональных данных (*General Data Protection Regulation, GDPR*) ЕС создал централизованную систему защиты персональных данных своих граждан, тогда как правовая система США исходит из необходимости регулировать обработку данных в конкретных отраслях экономики (например, в сфере здравоохранения). Иными словами, в США неприкосновенность частной жизни охраняется только в контексте коммерческой практики, когда субъект данных, претендующий на какие-либо гарантии со стороны государства, рассматривается скорее как потребитель, а не гражданин. Этот подход находит свое отражение и в том, что в качестве основного органа по защите частной жизни в США выступает Федеральная торговая комиссия – независимое агентство американского правительства, призванное защищать права потребителей. В Европе же принцип неприкосновенности частной жизни был изначально сформулирован в рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и впоследствии подтвержден в Хартии ЕС об основных правах от 7 декабря 2000 г.

Эти различия нередко приводят к серьезным противоречиям между традиционными режимами управления данными на противоположных берегах Атлантики и порождают немало вопросов относительно возможных путей и способов сопряжения правовых систем ЕС и США. Показательным в этом смысле можно считать решение Европейского суда в отношении трансатлантического соглашения *Privacy Shield*, которое признало данный механизм неэффективным и недостаточным для гарантирования права граждан ЕС на защиту их персональных данных¹. Помимо рядовых граждан и резидентов Евросоюза это решение неминуемо затронет по меньшей мере 5 300 европейских компаний, которые в течение последних лет использовали *Privacy Shield* в качестве управленческого инструмента для обмена данными с американскими партнерами. Более того, Европейский суд не просто аннулировал соглашение *Privacy Shield*, но и сформулировал так называемые «стандартные договорные условия», представляющие собой набор положений, устанавливающих договорные обязательства для экспортеров и

---

¹ Sentenza nella causa C-311/18: Data Protection Commissioner v. Facebook Ireland Ltd e Maximillian Schrems // Corte di Giustizia dell'Unione europea. – 2020. – July 16. – Mode of access: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=228677&doclang=IT> (accessed: 27.04.2021).

импортеров данных, которые многие европейские компании приняли для облегчения передачи необходимых данных своим иностранным партнерам. После вынесения решения суда стороны должны будут следить за соответствием используемых ими систем передачи данных новым европейским стандартам. Такое положение вещей представляется крайне обременительным, прежде всего для экспортеров данных, которым предстоит взвалить на себя задачу по исправлению «недостатков» правовой системы США с тем, чтобы последующий трансатлантический обмен данными в полной мере соответствовал требованиям «стандартных договорных условий» ЕС. В этом смысле решение Европейского суда имеет почти идеологическое значение, предполагая, что право на защиту данных нуждается в объективной защите, которая не заканчивается на этапе переговоров между заинтересованными сторонами. Последствия этого решения для частного сектора определенно будут иметь большое значение, поскольку они не только заставят компании, в том числе и европейские, инвестировать огромные ресурсы в изучение правовой системы США, но и могут стать ощутимым препятствием на пути поощрения конкурентоспособности европейских многонациональных компаний, действующих на обоих рынках.

В то же время еще одним аспектом, существенно ограничивающим международный обмен данными в глобальном и региональном масштабе, безусловно, является общемировая тенденция к локализации данных. Такая локализация может напрямую предписываться законом или являться следствием ограничительных мер политического характера, которые в конечном итоге либо значительно осложняют процесс передачи данных, либо и вовсе делают его невозможным. Подобного рода политика, как правило, требует от компаний хранить резервную копию данных на местном уровне, обрабатывать данные также на местном уровне и заручаться согласием со стороны отдельных лиц или правительства, когда необходимо эти данные куда-либо передать. В настоящее время в ЕС не существует специальных нормативно-правовых актов в отношении политики локализации данных, если, конечно, не рассматривать аннулирование вышеупомянутого трансатлантического соглашения *Privacy Shield* как меру по имплицитной инкорпорации в европейскую правовую систему соответствующего требования об обязательной локализации данных. Тем не менее, в целом ряде госу-

дарств, включая Россию, Объединенные Арабские Эмираты, Вьетнам, Саудовскую Аравию и Индию, законы о локализации данных уже действуют [Polito, 2021, p. 8]. Здесь же, например, уместно будет вспомнить, как Резервный банк Индии в апреле 2018 года попросил иностранные платежные компании хранить все данные, касающиеся сделок с участием индийских граждан, исключительно на серверах, размещенных на индийской территории [Polito, 2019, p. 118].

Все эти аспекты в совокупности заставляют усомниться в перспективах практической применимости концепции глобального управления данными на современном этапе, что демонстрирует если не принципиальную ошибочность данной теоретической концепции, то, во всяком случае, ее излишне предварительный характер в условиях, когда взаимная напряженность и недоверие, как представляется, превалируют над возможностями международного сотрудничества.

Неизбежность использования модели многостороннего участия

Отсутствие внятной системы глобального управления данными среди прочего может быть следствием того положения, в котором пребывает современная мировая политическая система в целом. Согласно теории системных изменений, с геополитической точки зрения исторический момент, в котором мы живем, можно определить как момент гегемонистского перехода. Последовательные апологеты гегемонистских теорий общественно-политического развития (Р. Гилпин [Gilpin, 1987], А. Органски [Organski, 1968], Ч. Киндлбергер [Kindleberger, 1973], С. Краснер [Krasner, 1976], Т. Маккьюэн [McKeown, 1983], А. Стейн [Stein, 1984] и Э. Мэнсфилд [Mansfield, 1992]), как правило, в своих трудах называют технологическое лидерство и бесперебойный доступ к экономическим ресурсам в числе ведущих факторов, способных обеспечить появление на международной арене очередной гегемонистской державы¹. Со временем некогда пере-

---

¹ См., например, классическую работу «Война и изменение в мировой политике» (1981) Роберта Гилпина, чья интерпретация теории гегемонистской стабильности (гегемонизма) приобрела наибольшую популярность в рамках неореа-

довые технологии распространяются среди других участников международной системы и перестают быть конкурентным преимуществом гегемона, в результате чего влияние последнего постепенно утрачивается. Представим себе классическую международную систему, состоящую из n государств, в которой государство i (не гегемонистский элемент системы n) примет решение не проводить ревизионистскую политику до тех пор, пока выгоды, гарантированные поддержанием статус-кво, не превысят соответствующие издержки. Однако когда государство i начнет считать, что издержки от поддержания статус-кво ощутимо превышают конкретные выгоды от сложившегося международного положения, оно попытается изменить ситуацию либо: а) путем территориальной экспансии, либо б) посредством увеличения экономического роста и интенсификации военно-технического развития (или же используя оба сценария одновременно). В свете такого рода теоретических predispositions торговую войну между Соединенными Штатами и Китаем можно рассматривать как проявление попытки гегемонистской державы (США) сдержать рост Китая или, по крайней мере, ограничить его геополитическое и геостратегическое влияние. Учитывая размеры рынков США и Китая, оба государства в совокупности образуют на сегодняшний день своего рода цифровую дуополию, которая периодически сотрясается санкционными или торгово-экономическими войнами¹, по инициативе то одной, то другой стороны. Так, например, недавнее противостояние между двумя экономическими гигантами заключалась во введении администрацией Трампа 25-процентной пошлины на китайский импорт (включая и товары, связанные с искусственным интеллектом) общей стоимостью в 34 миллиарда долларов, на что Китай отреагировал симметричными мерами, введя 25-процентные пошлины на 540 американских товаров [Бирон, 2019; Mialhe, 2018, p. 105–117].

Казалось бы, описанная выше модель не только отлично иллюстрирует современное международное положение с точки зре-

---

лизма [Gilpin, 1981]. Кроме того, тема гегемонии развивается на иной идейной основе в парадигме глобализма [Chase-Dunn, Robinson, 1977; Chase-Dunn, 1989; Boswell, 1995].

¹Подробнее о категориально-теоретическом размежевании торговых и санкционных войн можно почитать, например, в работах И.Н. Тимофеева [Тимофеев, 2018, с. 33–36] или Д.В. Мухамадеева и Я.Н. Шевченко [Мухамадеев, Шевченко, 2020].

ния теории системных изменений, но и довольно точно отображает актуальные реалии международно-политической жизни в том виде, в каком ее привыкли обсуждать зачастую далекие от теоретической схоластики политики-практики и разного рода политические обозреватели. Тем не менее необходимо отметить, что данная модель совершенно не учитывает роли частного сектора и, в более широком плане, влияния различных заинтересованных сторон в определении глобального геополитического баланса, в том числе и в цифровой сфере. Такие американские и китайские компании, как *Google*, *Apple*, *Facebook*, *Amazon* и *Microsoft*, а также *Baidu*, *Huawei*, *Alibaba*, *Tencent* и *Xiaomi*, соответственно, будучи не только лидерами в области высоких технологий, но и конечными обладателями контроля над накопленными данными, все чаще поддаются искушению использовать свое экономическое и информационно-технологическое могущество в политических целях (например, для усиления своих переговорных позиций на международной арене). С другой стороны, в новых условиях изменившейся парадигмы международной среды, в эпоху дисплейной коммуникации [Костомаров, 2010] и тотальной цифровизации даже рядовые пользователи ИКТ и цифровых услуг приобретают более важное стратегическое значение. Без их доверия к новым цифровым разработкам и внедряемым информационным системам развитие современной цифровой экосистемы невозможно, как невозможно без учета многостороннего участия и определение геополитического баланса будущего.

В этом контексте частный сектор и пользователи во всем мире, в отличие от суверенных государств или их региональных блоков, имеют в основном более схожие интересы. Именно по этой причине модель управления, которая в последние годы предлагается в качестве наиболее оптимальной для цифрового сектора, есть, по сути, модель инклюзивная. Она направлена прежде всего на то, чтобы дать право голоса максимальному числу заинтересованных субъектов, что, безусловно, является сильной стороной данной модели (хотя и она не лишена отдельных недостатков и требует известной корректировки). В этой связи государствам придется прислушиваться к потребностям и нуждам не только традиционных, но и широкого круга негосударственных акторов, с тем чтобы на новом витке международно-политического развития пожинать плоды взаимовыгодного сотрудничества, а не возвращаться к рас-

ширенной версии сценария «война всех против всех» с поправкой на цифровые реалии. Однако не менее важно, как нам представляется, чтобы расширение круга субъектов глобальной и региональной международной политики в цифровую эпоху не приводило к тому, чтобы интересы суверенных государств оказались подчинены потребностям частного сектора.

Заключение

В статье были подвергнуты теоретическому анализу проблемы, ставшие предельно актуальными в условиях новой цифровой реальности. Последняя включает в себя расширенный инструментарий коммуникаций (в том числе и дисплейной [Костомаров, 2010]), ресурсы и технологии *Big Data*, искусственный интеллект и нейросетевые алгоритмы работы с цифровыми данными, технологии наблюдения и распознавания визуальных образов, а также модели профилирования граждан на основе их персональных цифровых следов [Володенков, 2020, с. 7]. Иными словами, современная цифровая среда существования людей не столько противопоставляется традиционной «офлайновой» среде, сколько имплементируется в нее, вызывая к жизни все новые синергетические эффекты и порождая новые риски.

■ В этом контексте попытки Европы утвердить свой суверенитет в цифровой сфере сталкиваются с очевидными проблемами, такими как зависимость ЕС от иностранных технологий и услуг, а также известный дефицит инвестиций, которые прежде направлялись на поддержку европейской промышленной политики.

■ Евросоюз пытается преодолеть эти проблемы с помощью амбициозной стратегии, эффективность которой, однако, может быть оценена только в перспективе нескольких лет. Данная стратегия в значительной степени зависит от международного контекста, в котором, хотя и проявляется интерес к проблемам цифровой экономики, отсутствует система глобального управления данными.

■ Международная система в посткоронавирусную эпоху характеризуется глубокой напряженностью между основными субъектами международного общения, каждый из которых стремится реализовать свою собственную автономию, в том числе и в цифровой сфере. Во многом эта напряженность вызвана глубокой и

структурной перестройкой геополитического равновесия на глобальном и региональном уровне, что отражается также и в растущей конкуренции между США и Китаем.

■Представляется, что для эффективного управления в цифровом секторе необходимо использовать подход, предусматривающий вовлечение максимально широкого круга участников, заинтересованных в определении общих правил обеспечения «свободного потока данных на основе взаимного доверия» во всемирном масштабе, что, однако, не должно приводить к отказу от роли государства в регулировании рынка. Государство в цифровую эпоху должно быть органичной частью цифровой экосистемы, и даже фундаментальной ее частью, потому что только государство может в конечном итоге защитить интересы своих граждан.

Ya.N. Shevchenko*

Digital sovereignty for Europe in the context of global data governance

Abstract. The European Union (EU) has been advocating a strategy to assert its digital sovereignty for a relatively long period of time. This attempt, however, runs up against a range of obvious problems and obstacles, such as a united Europe's dependence on foreign technologies and services and the inadequacy of investments made to support its industrial policy (in particular in the digital sphere). The EU is trying to overcome these problems with an ambitious strategy, the "European strategy for data", which will enable the Union to navigate in an international context characterized by a substantial lack of a global data governance system, but the efficiency and effectiveness of the strategy can only be assessed in a few years' time. According to the author of this paper's point of view, to achieve its policy objectives, the EU must pay attention to safeguarding the competitiveness of its companies, pursuing policies that, in defending the right to privacy and security of European users, are clear and harmonized. At the same time, the EU must implement policies that are able to redistribute the wealth produced in the digital field, countering the current dangerous concentrations of wealth and power in the hands of a few oligopolistic companies.

Keywords: digital sovereignty; European Union; cybersecurity; global governance; personal data; digital geopolitics.

For citation: Shevchenko Ya.N. Digital sovereignty for Europe in the context of global data governance. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 251–270. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.11>

---

* **Shevchenko Yan**, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: ian.chevtchenko@gmail.com

References

- Autolitano S. A Europe fit for the digital age: the quest for cybersecurity unpacked. *IAI Papers*. 2020, N 20|07, P. 1–5.
- Autolitano S., Pawlowska A. Europe's quest for digital sovereignty: GAIA-X as a case study. *IAI Papers*. 2021, N 21|14, P. 1–22.
- Baryshnikov D.N., Tulenkov A.Yu. “Digital diplomacy” and the state sovereignty at the age of globalization. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relations*. 2012, N 4, P. 121–128. (In Russ.)
- Bilotta N. Beyond the digital tax: the challenges of the EU’s scramble for technological sovereignty. *International organisations research journal*. 2020, Vol. 15, N 4, P. 30–47. DOI: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-02> (In Russ.)
- Biron Yu.S. US-China trade war: the fight for influence in Sub-Saharan Africa. *Theories and problems of political studies*. 2019, Vol. 8, N 2 A, P. 141–150. (In Russ.)
- Boswell T. Hegemony and bifurcation points in world history. *Journal of world-systems research*. 1995, Vol. 1, N 1, P. 178–209. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwsr.1995.49>
- Bukharin V.V. The Russian’s digital sovereignty as a technical basis of information security. *MGIMO review of international relations*. 2016, N 6 (51), P. 76–91. (In Russ.)
- Chase-Dunn C. *Global formation: structures of the world economy*. Cambridge : Basil Blackwell, 1989, 419 p.
- Chase-Dunn C., Robinson R. Toward a structural perspective on the world-system. *Politics & society*. 1977, Vol. 7, N 4, P. 453–476. DOI: <https://doi.org/10.1177/003232927700700403>
- Couture S., Toupin S. What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? *International organisations research journal*. 2020, Vol. 15, N 4, P. 48–69. DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03> (In Russ.)
- Darnis J.-P. Le relazioni transatlantiche al tempo del digitale: la questione del trasferimento di dati. *IAI Papers*. 2021 a, N 21|02, P. 1–11.
- Darnis J.-P. L’Union européenne entre autonomie stratégique et souveraineté technologique: impasses et opportunités. *FRS Recherches & Documents*. 2021 b, N 8, 17 p. (In French.)
- Gavrilov E.O. Digital sovereignty in the context of globalization: philosophical and legal aspects. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: humanities and social sciences*. 2020, Vol. 4, N 2 (14), P. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152> (In Russ.)
- Ghiretti F. Technological Competition: Can the EU Compete with China? *IAI Papers*. 2021, N 21|15, P. 1–17.
- Gilpin R. *The political economy of international relations*. Princeton : Princeton university press, 1987, 472 p.
- Gilpin R. *War and change in world politics*. New York, Cambridge : Cambridge university press, 1981, 272 p.
- Kindleberger C.P. *The world in Depression, 1929–1939*. Berkeley : University of California press, 1973, 344 p.

- Kostomarov V.G. Display text as a form of network communication. *Russian language journal*. 2010, Vol. 60, P. 139–145. (In Russ.)
- Krasner S. State power and the structure of international trade. *World politics*. 1976, Vol. 28, N 3, P. 317–343. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009974>
- Mansfield E.D. The Concentration of capabilities and international trade. *International organization*. 1992, Vol. 46, N 3, P. 731–764. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020818300027880>
- Martino L. Le iniziative diplomatiche per il cyberspazio: punti di forza e di debolezza. *IAI Papers*. 2021, N 21|13, P. 1–18. (In Italian.)
- McKeown T.J. Hegemonic stability theory and 19 th century tariff levels in Europe. *International organization*. 1983, Vol. 37, P. 73–91. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020818300004203>
- Mialhe N. Géopolitique de l'Intelligence artificielle: le retour des empires? *Politique étrangère*. 2018, N 3, P. 105–117. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.183.0105> (In French.)
- Mukhamadeev D.V., Shevchenko Ya.N. Trade, economic and sanctions wars: an attempt to theoretically differentiate the ideas in the context of the international relations science. *World politics*. 2020, N 1, P. 12–22. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2020.1.29072> (In Russ.)
- Organski A.F.K. *World politics*. New York : Knopf, 1968, 509 p.
- Pantserov K. States of Sub-Saharan Africa at the digital age: to the problem of the ensuring of the information sovereignty. *Asia and Africa today*. 2019, N 10, P. 10–16. DOI: <https://doi.org/10.31857/s032150750006520-4> (In Russ.)
- Picchiarelli A. Per un'intelligenza artificiale a misura d'uomo: una possibile regolamentazione valoriale? *IAI Papers*. 2020, N 20|47, P. 1–14. (In Italian.)
- Polito C. Il future dell'Internet governance e le crescenti spinte verso una sovranità cibernetica. In: Darnis J.-P., Polito C. (eds). *La geopolitica del digitale*. Rome, Nuova Cultura, 2019, P. 105–121. (In Italian.)
- Polito C. La governance globale dei dati e la sovranità digitale europea // *IAI Papers*. 2021, N 21|11, P. 1–12. (In Italian.)
- Shestopal S.S., Mamychyev A. Yu. Sovereignty in the global digital space: current trends. *Baltic humanitarian journal*. 2020, Vol. 9, N 1 (30), P. 398–403. DOI: <https://doi.org/10.26140/bg23-2020-0901-0098> (In Russ.)
- Stein A.A. The hegemon's dilemma: Great Britain, the United States, and the international economic order. *International organization*. 1984, Vol. 38, P. 355–386. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020818300026758>
- Timofeev I.N. Economic sanctions as a concept of power politics. *MGIMO review of international relations*. 2018, N 2 (59), P. 26–42. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42> (In Russ.)
- Todaro D. Tecnologia e azione pubblica in Cina: il codice sanitario individuale e le principali tendenze delle politiche digitali cinesi contemporanee. *IAI Papers*. 2020, N 20|46, P. 1–16. (In Italian.)
- Volodenkov S.V. The contemporary political processes transformation in the context of society digitalization: key scenarios. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2020, Vol. 13, N 2, P. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-1> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 121–128.
- Билотта Н. Что стоит за цифровым налогом: вызовы борьбы Европейского союза за технологический суверенитет // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 30–47. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-02>
- Бирон Ю.С. Торговая война США и Китая: борьба за влияние в Африке южнее Сахары // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – Т. 8, № 2 А. – С. 141–150.
- Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 6 (51). – С. 76–91.
- Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 6–24. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-1>
- Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – Т. 4, № 2 (14). – С. 146–152. – DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152>
- Костомаров В.Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. – 2010. – Vol. 60. – P. 139–145.
- Кутюр С., Тоутин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 48–69. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03>
- Мухаммадеев Д.В., Шевченко Я.Н. Войны торгово-экономические и санкционные: попытка теоретического размежевания в свете науки о международных отношениях // Мировая политика. – 2020. – № 1. – С. 12–22. – DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2020.1.29072>
- Панцеров К.А. Страны Африки южнее Сахары в цифровую эпоху: к вопросу обеспечения информационного суверенитета // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 10. – С. 10–16. – DOI: <https://doi.org/10.31857/s032150750006520-4>
- Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 2 (59). – С. 26–42. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42>
- Шестопал С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 1(30). – С. 398–403. – DOI: <https://doi.org/10.26140/bgj3-2020-0901-0098>

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Ю.Г. КОРГУНЮК*

**БЮРОКРАТИЯ И АВТОРИТАРИЗМ:
ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ**

Рецензия на кн.: Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии / отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 266 с.

Для цитирования: Коргунюк Ю.Г. Бюрократия и авторитаризм: диалектика отношений (Рецензия) // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 271–278. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.12>

Тема доминирования бюрократии в политической жизни России на всех этапах ее истории не нова, как не нова и констатация связи между этим доминированием и постоянным воспроизводством авторитарных методов в практике управления государством. Между тем вопрос, что является причиной, а что следствием, далеко не прост – в мировой истории известны примеры как «укрошенной» гражданским обществом бюрократии, так и авторитарных режимов со слабым чиновничьим аппаратом.

---

* **Коргунюк Юрий Григорьевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: partinform@mail.ru

Попытки ответов на этот вопрос предлагают авторы коллективной монографии «Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии». Издание приурочено к 75-летию ответственного редактора монографии – доктора политических и философских наук, заслуженного деятеля науки РФ Виктора Павловича Макаренко.

Книга открывается рассказом В.П. Макаренко о своей попытке «разработать концепцию бюрократии на основе переплетения собственного жизненного и научного опыта» (с. 5), значительная часть повествования отводится истории его тяжбы с газетой «Советская Россия», опубликовавшей под его именем статью с критикой Дж. Сороса (1992). Упомянутая статья приведена в приложении, завершающем монографию. Кроме того, ряд статей издания посвящен не столько основной теме, сколько лично юбиляру.

В первую часть монографии вошли материалы, опубликованные почти тридцать лет назад. Первый из них – статья *В.П. Макаренко* (в соавторстве с *В. Исаевым*), вышедшая в 1992 г. в «Российской газете». В этой статье критикуется проект закона о государственной службе, который в тот момент был вынесен на обсуждение Верховного Совета РФ. Главным недостатком этого проекта, по мнению авторов, является представление о государстве как абсолютном благе (с. 13). В связи с этим В. Макаренко и В. Исаев поставили вопрос, что именно разработчики хотят получить на выходе: «систему, обеспечивающую исполнение законов, или жесткую чиновничью иерархию, стоящую над народом и над законом». По мнению авторов, все законы, включая представленный, «должны строиться на альтернативных, взаимоисключающих принципах и концепциях, обсуждаться параллельно специалистами и с учетом общественного мнения» (с. 16).

Второй материал – стенограмма *круглого стола* в журнале «Вопросы философии» на тему «*Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России*» (июнь 1992 г.). Здесь наиболее интересным представляется выступление *В.М. Межуева*, выразившего уверенность, что авторитаризм в постсоветской России – «не желательная (чего тут можно желать?), а, увы, объективно неизбежная форма правления» (с. 21). «Я не верю в возможность полной победы у нас в ближайшем будущем демократической власти, делающей упор не на личность политика, претендующего на роль общенационального лидера, а на закон и конституционно оформ-

ленное соперничество партий в борьбе за власть», – подчеркнул выступающий (с. 22–23). По мнению В. Межуева, «нигде и никогда политическая демократия не видела свою цель в переходе к рынку и частной собственности» («Последние возникают задолго до победы демократии и в условиях, не имеющих с ней ничего общего. Не демократия порождает частную собственность, а частная собственность, развивавшаяся до всеобщего условия жизни большинства населения, приводит к демократии» (с. 19)). В поддержку своего утверждения он указал на отсутствие в постсоветской России «гражданского общества, которое, как известно, складывается задолго до установления демократических режимов власти» (с. 23). Нельзя не признать, что аргументы В.М. Межуева весьма уместны, а прогнозы на удивление точны.

Одновременно он практически сформулировал лозунги, которыми в недалеком уже будущем стал жонглировать новый, мимикрирующий под демократию, авторитаризм: «Сводить демократию лишь к защите интересов и прав частного лица, отрицая при этом необходимость отстаивания общенациональных интересов государства и народа, – значит допускать преднамеренную историческую и теоретическую ложь, искажающую и дискредитирующую саму идею демократии. <...> Демократия... отстаивает не только частные интересы граждан перед лицом собственного государства, но и общие интересы последнего перед лицом других государств» (с. 24–25). Ну чем не сурковская концепция «суверенной демократии»? Ирония судьбы заключается в том, что В.М. Межуев имел в виду настоящую демократию, а не ее симулякр, декорирующий авторитарную форму правления.

Вторая часть монографии посвящена состоянию сферы властно-бюрократической активности через три десятилетия после начала реформ.

В.П. Макаренко анализирует «государственную рутину» современной России с точки зрения разделения общества на две части: «полициеизирующих и полициеизированных индивидов». По мнению автора, история постсоветской России сформирована представителями первой из них (с. 64).

А.В. Глухова рассматривает (на примере России) феномен «нового авторитаризма», к характерным чертам которого относит «игнорирование плюралистического характера общества и политики»; «популистские апелляции к народу, к поддержке большин-

ства, обеспечивающей правящей партии и режиму в целом широкие возможности для ограничения политических и гражданских прав и свобод»; использование для обоснования политического курса традиционалистских идеологем с опорой на религию; усиление контроля над СМИ, прежде всего Интернетом; активное использование суда и силовых органов для подавления общественного сопротивления; обвинение «внешних сил» в организации заговоров с целью свержения власти в стране и т.д. (с. 82–83).

С.Д. Хайтун перечисляет «ошибки Карла Маркса», главной из которых называет непринятие в расчет феномена номенклатуры как «извращенной формы бюрократии», образуемой системой привилегий и коллективной собственности чиновников (с. 108–109). По определению автора, номенклатура – «это та материальная основа, которая определяла природу СССР и ельцинской России, а сегодня определяет природу путинской России» (с. 106). При этом *С.Д. Хайтун* признает, что его определение номенклатуры существенно отличается от «классического», т.е. данного *М.С. Восленским* («перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий [партийный] орган») (с. 111). *Восленский*, указывает автор, не заметил системообразующей роли привилегий чиновников и номенклатурной собственности (с. 111–112).

Представляется, однако, что *С.Д. Хайтун* неправомочно расширяет понятие номенклатуры далеко за исторические и региональные рамки этого феномена. Привилегии у бюрократии появляются везде, где она выступает в роли доминирующего политического класса, – независимо от того, насколько жестко она при этом централизована. Многие режимы такого рода спокойно обходятся без спускаемых сверху списков назначенцев, в связи с чем использование по отношению к ним термина «номенклатура» не вполне корректно, поскольку делает его бессодержательным. Но особенно спорным выглядит тезис о существовании некой «номенклатурной собственности». Понятие собственности подразумевает наличие оформленных законом (либо обычаем) прав, о которых в данном случае говорить не приходится. Извлечение же чиновниками материальной выгоды из своего должностного положения не нуждается в законодательном оформлении: напротив, чем меньше закона, тем больше выгоды, о чем свидетельствуют коррупционные практики любых авторитарных (и не только) режимов.

Э.И. Колчинский, рассматривая на примере истории Российской Академии наук нюансы взаимодействия науки и государственной бюрократии, приходит к выводу, что в постсоветский период РАН не удалось решить «главную проблему в организации фундаментальной науки, вкусившей прелесть самоуправления и не желавшей возвращаться в подчинение бюрократии при авторитарном режиме», – «оказалось, что российская наука, получавшая значимые результаты в условиях тоталитарного режима, без государственной поддержки быстро деградировала» (с. 135). При этом, по мнению автора, в результате реформы 2013 г. «бюрократия окончательно победила науку, а РАН превратилась в образование, непонятно для чего существующее и неизвестно чем занимающееся, но во всем послушное властям» (с. 139).

А.В. Скиперских, обозревая ситуацию в регионах, заключает, что проблемой российской провинции является не столько всеисилие бюрократии, сколько ее дефицит: «Сосредоточение власти в центре создает бюрократический дисбаланс при распределении власти по всему пространству политического. Плотность бюрократии в российской провинции значительно уменьшается, что не может не сказываться на культурных последствиях. Из российской провинции уходит жизнь, а жители провинции постепенно оказываются в экзистенциальной ситуации» (с. 151).

В **третью** часть монографии вошли статьи, представляющие собой плоды методологической рефлексии по поводу политического доминирования бюрократии в российской истории.

М.В. Рац, С.И. Котельников и Б.Г. Слепцов апеллируют одновременно и к концепции «политической бюрократии» В.П. Макаренко, и к традиции Московского методологического кружка (ММК). Определяющим признаком систем правления с господством политической бюрократии они считают «отсутствие публичной политики и политической системы». По их мнению, в России «правление политической бюрократии, будучи подготовленным веками самодержавия, сформировалось в своей чистоте после установления советской власти и, за вычетом нескольких лет в начале “лихих девяностых”, процветает по сию пору» (с. 156). В работе формулируется «локальная программа перехода от господства политической бюрократии к политической системе», встраиваемая «в будущую программу самоорганизации человечества и движения к идеалу мыследеятельности в целом» (с. 175).

Политическим идеалом авторы видят «не-господство», «правление, не нарушающее автономии управляемых», которое они считают «характерной для нашего времени исторической тенденцией, направляющей движение от представительной демократии к демократии участия» (с. 187).

А.В. Оболенский, избравший предметом стереотипы бюрократического сознания, констатирует, что современная Россия превратилась в «полицейско-бюрократическое государство в худшем смысле каждого из слов», а отечественная бюрократия – в «реальное политическое зло» (с. 194), «раковую опухоль на теле общества» (с. 208). С позиций веберовского понимания рациональности, полагает А.В. Оболенский, российская бюрократия является иррациональной: «Ее качество определяют три дефицита – дефицит интеллекта, дефицит инициативности и дефицит порядочности» (с. 208).

А.П. Давыдов рассматривает «синкретический механизм “власть – собственность – управление”», который зародился во Владимиро-Суздальском княжестве в XII в., окончательно сформировался в Московско-ордынском имперско-племенном способе управления страной в XIII–XIV–XV вв., был основной социально-политической скрепой Московского царства / Российской империи в течение последующих веков и сохранился в советской и затем в постсоветской России почти в неизменном виде» (с. 210). Этот механизм, который автор вслед за историком Ю. Семеновым называет «политарным», являлся «политическим, социально-экономическим основанием и докапиталистических отношений в России, и зарождавшегося в стране капитализма, и строившегося большевиками социализма, и нынешней постсоветской застрявшей между рынком и “распределительным социализмом” системой» (с. 210).

Статья *М.С. Константинова* посвящена не заглавной теме монографии, а вкладу В.П. Макаренко в разработку методологии «политико-концептологической работы», суть которой, по мнению автора, заключается в том, чтобы «сквозь призму наблюдений над собственным внутренним миром понять способы осмысления актуальной проблематики другими людьми и через это понимание объяснить их поведение» (с. 241).

Наконец, в еще одной работе *С.Д. Хайтуна* злободневная тема пандемии COVID-19 взята как повод для размышлений над не менее важной проблемой: как избежать «технократических и иных глобальных катастроф», происходящих по вине ученых. Присоеди-

нившись к версии Я. Ашихмина, согласно которой коронавирус вырвался из лаборатории вследствие просчета экспериментаторов, недооценивших такую опасность, автор предлагает учредить некий особый механизм внешнего контроля над наукой, который, с одной стороны, не ограничивал бы свободу научного творчества, а с другой – не позволял бы ученым «генерировать катастрофы». В качестве такого механизма С.Д. Хайтун видит аналог суда присяжных, который, «вынося вердикт о потенциальной опасности или безопасности конкретных исследований, одновременно не вмешивался бы “во все другие вопросы научной жизни” и тем самым минимизировал бы “урон свободе научного творчества”» (с. 255).

Представляется, что автор пытается изобрести велосипед: подобные механизмы уже существуют, и в немалом количестве. Хотя бы тот же парламент – орган вполне компетентный, чтобы разработать в этой сфере достаточно эффективное законодательство и все необходимые механизмы контроля над его выполнением. Или институт свободной прессы, поднимающий животрепещущие вопросы из всех областей общественной жизни, включая научную. Другое дело, что эти институты должны реально функционировать, а не имитировать бурную деятельность. Но то же самое касается и суда присяжных: в ситуации, когда не работают «традиционные» институты общественного контроля, невелика гарантия, что и этот орган не превратится в подобие института народных заседателей в советском суде – в просторечии «кивал», формально легитимировавших своим наличием решения профессиональных судей.

В целом широта, с которой авторы монографии подходят к рассмотрению поставленных ими проблем, выдает в них людей с преимущественно философским образованием и намерением предложить политической и исторической науке ни много ни мало новый язык концептуализации. Вопрос, однако, в том, насколько такой язык будет востребован историками и политологами, занятыми эмпирическими изысканиями. Ведь чтобы этим исследователям была какая-то польза от новаций, те должны быть доведены до уровня даже не методологии, а детализированной методики работы с источниками и эмпирическими данными. Пока этого нет, исследователи-эмпирики будут воспринимать предлагаемые им концепты как очередные красивые упаковки старых товаров. К сожалению, политическая философия и политические (исторические) исследования до сих пор существуют в параллельных,

фактически не пересекающихся мирах. Подтверждает это в том числе и рецензируемая монография.

Что касается вопроса о первичности – политического доминирования бюрократии или авторитаризма, то ответа на него монография, конечно же, не дает, да и вряд ли может дать, поскольку во многом он аналогичен вопросу о первичности яйца либо курицы. Но от последнего можно отделаться самыми общими рассуждениями – мол, все зависит от точки зрения: на микроуровне первично яйцо, потому что оно раньше появляется, на макроуровне первична курица, потому что яйцо – лишь одна из стадий ее жизненного цикла. Но в случае с бюрократией и авторитаризмом это не поможет, поскольку трудно сказать, что появилось раньше. Есть серьезное опасение, что осмыслить диалектику их отношений во всей полноте удастся не раньше, чем оба понятия станут инструментами описания прошлого, а не настоящего и тем более будущего.

Yu.G. Korgunyuk*

Bureaucracy and authoritarianism: dialectics of the relationship (Review)

For citation: Korgunyuk Yu.G. Bureaucracy and authoritarianism: dialectics of the relationship (Review). *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 271–278. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.12>

References

Макаренко В.П. (ed.). *Bureaucracy and authoritarianism: a panorama of interdisciplinary discussion*. Rostov-on-Don; Taganrog : Publishing house of the Southern Federal University, 2020, 266 p.

Литература на русском языке

Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии : коллективная монография / отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 266 с.

---

* **Korgunyuk Yuri**, Institute of scientific information for social sciences (INION) of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: partinform@mail.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах doc или rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата xls,xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах ppt, pptx или jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (от 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in.xls or.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in.ppt, pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, ул. Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор Д.Г. Валикова

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ №ФС77–36084
Дата регистрации 28.04.2009

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 26 / VII – 2021 г.
Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,2 Уч.-изд. л. 16,0
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 45

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У